

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет»

ISSN 2658-7637

**ТРУДЫ
КАМСКОЙ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ**

Выпуск XXII

Сборник научных трудов

Пермь
ПГГПУ
2023

УДК 902/904
ББК Т4 (2РОС36-4ПЕР)
Т 782

Труды Камской археолого-этнографической экспедиции.
Т 782 **Вып. XXII:** сб. науч. тр. / под общ. ред. А.М. Белавина,
Н.С. Батуевой; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Пермь, 2022. –
116 с.: ил. и табл.
Текст (визуальный) : непосредственный.

Настоящим выпуском продолжается серия научных изданий ПГГПУ «Труды Камской археолого-этнографической экспедиции». Выпуск включает в себя статьи по археологии, нумизматике и материалы семинара по итогам полевых исследований, проведенного в 2022 г.

Сборник будет полезен специалистам по истории, искусству, этнографии и археологии Евразии, преподавателям и студентам профильных факультетов вузов, научным работникам, сотрудникам музеев.

УДК 902/904
ББК Т4 (2РОС36-4ПЕР)

Редакционная коллегия:
д-р ист. наук проф. А.М. Белавин (гл. редактор);
Н.С. Батуева (отв. за выпуск)
д-р ист. наук, проф. *Н.Б. Крыласова*;
канд. ист. наук, доц. *А.Н. Саранулов*;
канд. ист. наук, доц. *Ю.А. Подосенова*

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

© Коллектив авторов, 2023
© Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет, 2023

УДК 902, 656.62

DOI: 10.24412/2658-7637-2023-22-3-14

А.М. Белавин**РЕКИ КАК ТРАНСПОРТНАЯ ОСНОВА
КАМСКОГО ТОРГОВОГО ПУТИ**

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация

Реки Камского речного бассейна с глубокой древности служили путями, по которым осуществлялись разного рода контакты населения Волго-Камья. Одновременно реки служили каркасом сухопутных транспортных путей. В отличие от сухопутных путей, реки как магистрали использовались круглогодично, а не только в летнее время.

Ключевые слова: Кама, транспортный путь, древность, средневековье, Камский торговый путь.

A.M. Belavin**RIVERS AS THE TRANSPORTATION BASIS OF THE KAMA TRADE ROUTE**

Perm State Humanitarian-Pedagogical University,
Perm, Russian Federation

Annotation. *The rivers of the Kama river basin have served as routes for various contacts between Volga-Kama peoples since ancient times. Principal land transport routes also ran along the rivers. Unlike land routes, however, the rivers were used for transportation all year round and not only in summer.*

Key words: Kama, transportation route, ancient times, Middle Ages, Kama trade route.

Введение

Реки всегда играли исключительную роль в истории и культуре человека. Река – основа жизни, основа коммуникации, источник силы, но в то же время река – это путь в царство мертвых, преграда, источник опасности. Можно привести множество фольклорных примеров на все эти темы. Однако в связи с предметом статьи нас интересует функция рек как основа транспортной системы, основа коммуникаций, средство взаимодействия народов.

Волга и Кама образуют крупнейшую в Европе речную систему. Судя по геологическим данным, эта система оформилась около 50–20 тыс. лет назад. Следует отметить, что уже тогда Волго-Камская система играла яркую роль в качестве основы коммуникаций между западом и востоком, севером и югом Евразии. Вдоль берегов рек этой системы человек осуществлял первоначальное заселение востока Европы. Именно на берегах Камы в Почусовье произошла историческая встреча европеоидов и монголоидов, зародилась Уральская антропологическая раса и Уральская языковая система. Основу для возникновения финно-угорской (уральской) языковой общности составили неолитические племена Прикамья [Лыткин, 1953, с. 50–57]. Отсюда камские протофинно-угры осваивают бассейн Верхней Волги, которая, по меткому выражению П.Н. Третьякова, превратилась в «водную дорогу для камских племен, по которой они двигались на северо-запад, основывая вдоль этого пути свои поселения» [Третьяков, 1966, с. 53].

Наиболее мощной рекой Волго-Камской речной системы является Кама (Кара-Итиль, Чулман). Её годовой сток (до строительства каскада ГЭС) составлял существенно более 100 км³, что значительно превышает годовой сток Верхней Волги. Таким образом, ниже Камского устья в Волге течет больше камской, нежели верхневолжской воды, и именно Кама (в гидрологическом смысле) впадает в Каспийское море, принимая в себя воды Верхней Волги. По справедливому замечанию гидрогеолога Г.Ф. Мирчинка, «Исторически, в геологическом смысле этого слова, правильнее было бы считать Волгу притоком Камы» [Мирчинк, 1935, с. 30]. Число рек, пригодных для судоходства, только в пределах современного Пермского края около 550, при этом левые притоки Камы считаются наиболее водоносными среди малых и средних рек России. Общая длина Камы и её притоков, пригодных для судоходства, составляет более 50 тыс. км (рис. 1). Три крупнейших притока Камы – Вишера, Чусовая и Белая (с Уфой) представляют собой трансуральские водные дороги, а Чусовая – вообще единственная река, начинающаяся в Зауралье и впадающая в Каму на западном склоне Урала.

Волга со своими верхневолжскими притоками составила водную магистраль, соединившую Север и Юг, Балтику и Каспий. Кама со своими левобережными притоками составила дорогу, соединившую Восточную Европу и Западную Азию, собирая в единое целое евразийское культурное, этническое и экономическое пространство.

Основная часть

Коммуникативная роль Камы и её притоков, проявившаяся еще в эпоху палеолита, наиболее ярко проявилась в эпоху железа. Еще на рубеже периода бронзы и раннего железного века (РЖВ) вдоль берегов Камы в Предуралье проникают с Севера носители лебяжской археологической культуры и какие-либо родственные им племена, принесшие с собой угорскую шнуровую орнаментацию. Мысль В.Н. Маркова о лебяжских истоках среднекамского (классического ананьинского) шнурового орнамента [Марков, 2007, с. 56–57, 63], как это справедливо отмечено В.А. Ивановым, никем еще убедительно не опровергнута [Иванов, 2017].

Миграционный поток северо-таежных этнокультурных групп с праугорской гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой был связан, прежде всего, с речными системами и выплеснулся, как утверждает С.В. Кузьминых и А.А. Чижевский, не только на Каму, но и на Вятку и Ветлугу, а по Вычегодско-Двинскому речному пути – и на запад. Он совпал с проникновением из-за Урала по Чусовой, Сылве, Белой (с Уфой) в бассейны Печеры и в Среднее Предуралье носителей гамаюнской и иткульской культур [Кузьминых, Чижевский, 2017, с. 26]. В конце VI в. до н.э., как это отмечено С.В. Кузьминых, основные земли Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья приходят в запустение, одновременно с этим вдоль речных путей на Северо-запад вплоть до Фенноскандии распространяются кельты ананьинского и акозинско-меларского типов [Кузьминых, 1983]. Возможно, это связано с миграциями «ананьинского» населения вдоль рек Волжского бассейна по Волжскому речному пути.

Камское «ананьино» являлось частью ананьинской культурно-исторической области (АКИО) – надкультурного объединения, включающего несколько отдельных культур, не связанных общностью происхождения. На мой взгляд, наконецники копий и кельты, а также распространение некоторых видов степного вооружения, конской упряжи и украшений, в том числе, продукции ремесленников Египта и Ближнего Востока, составили тот «культурный покров», который и заставляет многие поколения исследователей считать «ананьинцев» чем-то единым в этнокультурном плане. Однако мне уже приходилось отмечать, что ананьинская общность, возможно, была основана не на этническом и языковом единстве, а на экономической базе [Белавин, Голдобин, 2002, с. 105–106; Белавин, 2009, с. 55]. Международная торговля со странами Востока и скифским миром по Камскому и Волжскому путям составила тот экономический «цемент», который склеил разные по языку и хозяйственно-культурному типу этносы в

единую культурно-историческую общность. Именно тогда – в начале эпохи железа – Предуралье превратилось во всемирно известного поставщика «мягкого золота» – бесценной уральской пушнины. Реки, таким образом, играли важную роль не только в формировании АКИО, но и в торговых делах «ананьинцев».

Речные пути сыграли свою роль в этот период, однако общество эпохи РЖВ в Волго-Камье было все же в основном сухопутным и для перемещения использовало лошадей [Иванов, 1980, с. 74–84; Членова, 1981, с. 4–17]. Благо широкие заливные пойменные луга Камы давали возможность держать табуны в сотни голов. К.Ф. Смирнов предполагает наличие сухопутного караванного пути, связывающего Южное Приуралье со Средней Азией и южными областями [Смирнов, 1964, с. 281, 284]. Вероятность торгового пути из Средней Азии в лесное Приуралье допускали Б.Ф. Железчиков, С.Н. Коренюк, А.Д. Таиров и другие исследователи: на территории Южного Приуралья эти пути мог пролегать по линии Илек, район г. Оренбурга, Белая, через Западную (Предуральскую) Башкирию, Южное Приуралье и Приаралье (низовья Амударьи и Сырдарьи), а также через лесостепное Зауралье (иткульская культура), степи Южного Зауралья и низовья Сырдарьи. Реки при этом служили своеобразным «каркасом», позволявшим более точно выдерживать направления степных путей, давая естественные водопой и укрытия для торговцев, кочевников и стад перегоняемых животных.

После распада АКИО торговый потенциал Предуралья и Волго-Камья на несколько столетий фактически оказался потерянным для дальних торговых связей. Это было обусловлено слабостью небольших локальных сообществ, какими представляются населения тех археологических культур, которые оформились на месте исчезнувшей АКИО. Хотя ряд из этих культур и сохранял общее направление внешних связей (например, находки египетских, причерноморских и ближневосточных бус на Гляденовском костыше, различных монет – [Лепихин, Мельничук и др., 2003]), связи эти стали менее обширными, и ведущую роль в их осуществлении продолжало играть население степей (на это указывают хотя бы степные наконечники стрел).

Переворот в дальних торговых связях Предуралья наметился только к середине I тыс. н. э. Связано это было с экономическим подъемом, политическим и культурным расцветом Сасанидского Ирана и тех областей Кавказа и Прикаспия, которые находились под его влиянием. В V в., по меткому выражению Ф. Энгельса, Сасанидская держава приобретает характер «упорядоченной империи». Этот расцвет, продолжавшийся вплоть до начала VII в., породил множество культурных и экономических явлений, оказавших существенное влияние на население Центральной Евразии, вплоть до дальних северных её широт. Под влиянием культуры и экономики Сасанидского Ирана возникают угорские звериные художественные стили, распространяются заростризм и несторианство, начинают стабилизироваться дальние торговые пути и формироваться система евразийской Восточной торговли.

В V–VII вв. активно использовался степной путь через Среднюю Азию, Усть-Урт, по казахстанским, оренбургским и башкирским степям до северной оконечности Кунгурско-Мясигутовской лесостепи на берегах Чусовой, Сылвы и Камы в окрестностях Кунгура и Перми. Вероятно, именно по этому пути через Усть-Урт – Уфу – Ирень – Сылву попадает в Предуралье большая часть Сасанидского художественного серебра и драхм [Морозов, 1996, с. 152]. Конечным пунктом долгого пути Морозов считает отрезок Камы между устьями Обвы и Чусовой, т.е. тот же район, куда поступало и вещевое серебро. Вероятно, в этот район следует включать нижнее течение Обвы и Чусовой и бассейн р. Сылва, хотя на Сылву часть монет могла поступать и степным путем, через степи Южного Урала и Казахстана [Массон, 1971, с. 227–234].

Отсюда (от района Перми) начинался водный путь по Каме вверх и далее на Чепцу и на Вычегду, а по Чусовой – в Зауралье. Так формировалась часть Камского торгового пути, привязанная к крупнейшим притокам Камы.

Бассейн рек, примыкающих к Каме, на указанном выше отрезке является основным районом размещения угорских харинских курганов IV–VI вв. Однако основное значение Волжско-Камский торговый путь имел в это время для распространения монеты. По нему монета поступала крупными партиями и оседала в кладах, представляющих родовые сокровища, или накапливались на святилищах. Родовые сокровища могли накапливаться, как и отложения на святилищах, от нескольких лет до многих десятилетий, но ряд сокровищ, сокрытых в родовых кладах, имеют явный характер однократного поступления. Таковым являлся Бартымский монетный клад, составленный из 264 миллиаресиев Ираклия, из которых 59 экземпляров чеканены одной парой штемпелей [Казаманова, 1957, с. 72–74; Голдина и др., 2011]. Примером сокровищ относительно продолжительного накопления из новых находок в данном районе [нижнее течение Чусовой] может служить средневековый клад VII в. [или комплекс жертвенного места], найденный при исследовании ананьинского Усть-Сылвенского городища [Мельничук А.Ф., Вильданов Р.Ф., Голдобин А.В., 2004].

Из этого района монеты, как и вещевое серебро, следовали вверх по Чусовой (Вереинский II клад) и Сылве за Урал, по Каме и далее по Вишере (Вишерский клад 1893 г.) на Вычегду (Веслянский могильник) и Печору (Хэйбидя-Педарское святилище), или через верховья Камы на р. Чепцу. Движение вверх по Каме и далее по её притокам маркируется, например, Ташкинским кладом 1892 г. в верховьях р. Косы (Кочевский р-н), Патраковским, Ковинским, Редикарским II, Чердынским 1846 г. и другими кладами. Вероятно, определенную роль в возрождении Камского торгового пути как части Волго-Камского Великого торгового пути сыграла Хазария [Белавин, Крыласова, 2022]. Во всяком случае, часть драхм (византийских) могла поступить в Предуралье как торговый эквивалент хазар, которые получили драхмы в уплату за участие в войне Византии с Ираном в VII в. [Пастушенко 1997, с. 36].

Камский торговый путь эпохи средневековья формировался, таким образом, по частям. Первоначально была отлажена его «верхняя» часть. Этому в большой степени способствовало сложение в Пермском и Башкирском Предуралье единой зоны расселения близких в языковом, культурном, идеологическом отношении угорских племен. Именно в V–VII вв. происходит складывание Предуральской части угорской «ойкумены», к которой относятся племена неволинской, ломоватовской, полумской и кушнаренковской археологических культур. Вплоть до IX в. в Камском пути сочеталось движение по сухопутным тропам и дорогам и рекам, так же, как и в период РЖВ.

Наибольшее значение для развития экономических и этнокультурных связей населения Камского бассейна имело появление на Нижней Каме болгар и формирование здесь в IX–X вв. одного из наиболее экономически развитых государств раннесредневековой Европы – Волжской Болгарии. Мусульманская Болгария была крайне удобным местом для организации крупных перевалочных баз в международной транзитной торговле. Высокая степень контроля со стороны государства, крайне заинтересованного в развитии этой торговли, позволяла сделать болгарский участок международной торговли весьма безопасным, что также привлекало большое количество торговцев.

Уже в первой трети X столетия на прикамских землях появились торгово-ремесленные фактории болгарских купцов – опорные пункты транзитной международной торговой системы, послужившей основой для многовекового экономического, культурного и политического сотрудничества народов Поволжья и Прикамья [Белавин, 2018; Он же, 2019]. Булгары не только появились в Прикамье с торговыми целями, но и вошли в состав населения региона. Исключение составили земли Прикамской Башкирии (Южное Приуралье), где никаких заметных следов пребывания болгар не отмечено.

На взгляд многих исследователей, прикамские (предуральские) территории известны в болгаро-арабских письменных источниках как «область (страна) Вису» и «об-

ласть Ару», а с XIII в. как «страна Чулманская». Чулманом (Чулыманом) болгары и арабы именовали реку Каму выше устья р. Белой (Ак Итиль), ниже устья Белой Кама именовалась «Черным Итилем» (Кара Итиль). Первые сведения о Вису и иных северных соседях Болгарии есть у Ибн Фадлана, лично побывавшего в Болгарии в X в. Последнее упоминание страны Вису имеется в компилятивном труде арабского космографа Закарийя Казвини в середине XIII в. В арабских источниках XIV в. география Севера приводится уже с большими подробностями. Так, арабским географом-энциклопедистом ал-Омари (1331 г.) упоминается касаба – маленький городок, по-персидски – Акикул (Аваколь, Афкула) в 20 днях пути от Булгара на север, то есть в пределах страны Чулман (Джулыман), земля и город Чулман (Чулыман), расположенный севернее Акикула (Афкулы), города Сибир, Ибыр [Тизенгаузен, 1884, с. 237–238].

Вероятно, в источниках под упомянутыми именами имелись в виду торговоремесленные фактории (городки) болгар в пределах земли Вису-Чулыман. Среди них особенную роль играла касаба Афкула – самый крупный в средневековом Предуралье населенный пункт – Рождественское городище на р. Обве [Белавин, 2000а, с. 32; Белавин, Крыласова, 2017], которое, в отличие от других болгарских «факторий» в Прикамье, устроенных на финно-угорских городищах, имело устройство и планировку, характерную для болгарских городков.

Судя по письменным и археологическим источникам, нижняя и средняя часть Камского торгового пути оформляется окончательно к началу X столетия. Начальной станцией на этом пути, вероятно, стала Алабуга (Елабуга). Выдающийся археолог-булгаровед А.П. Смирнов [Смирнов, 1952, с. 248], в частности, считал Елабужское городище сильно укрепленной крепостью, построенной в X в., которая служила «опорой господства болгар среди удмуртских племен. Отсюда они совершали набеги на села, облагали их данью...». Важную роль Алабуги в камской торговле подчеркивают и современные авторы [Нигамаев, 2005, с. 80]. Летом по Каме и её притокам на Север и на Юг шли судовые караваны. Речной путь вверх по течению Камы-Чулмана шел до основных торговых факторий болгар в стране Вису-Чулман.

Так, 611 км по Каме и Обве от Елабуги до Афкулы речной караван проходил за 26–30 дней (20 дней движения и 6–7 манзилей-днёвок). Путь между Булгарией и Вису в месяц называет Абу Хамид ал-Гарнати в XII в. [Путешествие..., 1971, с. 31].

Путь вниз по течению составлял 20 дней (указание на такое расстояние находим у ал-Марвази – XII в. и у Ауфи – XIII в.) – 15 дней пути с 5 днёвками через каждые 3 дня движения.

Неясным является ответ на вопрос о типах судов, использовавшихся средневековыми купцами на водном пути. К сожалению, в источниках типы кораблей волжских болгар не описаны. Попытку воссоздать древнее болгарское судно сделали болгарские исследователи И. Тодоров, Г. Воденичаров в работе «Кораби и корабни модели» [Тодоров, Воденичаров, 1975]. Архитектурный тип реконструированного ими судна (рис. 2) аналогичен *коггу*, т. е. близок к венецким судам и судам Востока – *дау*. В древнерусских летописях и в «Русской правде» упоминаются насады, «набойные лады». Набойная – это ладья с дополнительными бортами, насаженными на корпус, остатки такой ладьи найдены в Новгороде [Алешковский, 1969]. На Самосдельском городище в культурном слое XII в. был найден сфероконус с гравированным изображением корабля – у него имеется подпрямоугольный корпус со слегка закруглённым дном, крутыми, практически вертикальными форштевнем и ахтерштевнем, которые выступают над корпусом – это изображения переднего и заднего рангоутного дерева или носовой и кормовой фигур (рис. 3). Посередине между ними изображена невысокая мачта, к вершине которой от носового и кормового рангоутов тянутся ванты [Васильев и др., 2014, с. 17–18]. По мнению авторов публикации, наибольшее сходство с корабликом, изображённым на сфероконусе, имеют такие парусные суда средневековья, как *лады*, *драккары* и *ушкун*.

По сведениям Х. Мозеля, в середине XIX в.: «На Обве находится одна пристань, при с. Рождественском, где нагрузится рожь и другие сельские произведения в *каюки*, для отправки вниз до Слудской пристани» [Мозель, 1864, с. 191]. У с. Рождественск находится крупный археологический комплекс X–XIV вв. – касаба Афкула, единственный населенный пункт Предуралья, нашедший отражение в письменных источниках XIII–XIV вв. [Белавин, Крыласова, 2017]. *Каюк*, *каик*, – по указанию энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, – речное грузовое килевое судно, весьма распространенное на Волге, Каме, Печоре и других реках – вроде полубарки с двускатной крышей-палубой с дверью посередине, с загнутым кверху носом и каютой; с большим прямым рейковым парусом; имеет 6–8 весел, или гребков (рис. 4), по своей архитектуре он напоминает реконструкцию Тодорова и Воденичарова. Суда такого типа могли достаточно свободно плавать не только по Каме, но и по её средним, и, даже, малым притокам, что видно из сведений Х. Мозеля.

Лодочные заклепки для «насаженных» средневековых судов известны в Волжской Булгарии. В основном, в подъемном материале с памятников в зоне Куйбышевского водохранилища и в раскопках на Остолоповском селище XI–XII вв. (устное сообщение К.А. Руденко).

В Пермском Предуралье лодочные заклепки разных типов найдены на многих средневековых памятниках (рис. 5).

Таким образом, можно предполагать, что средневековые судовые купеческие караваны использовали суда всех перечисленных выше типов с «насаженными» бортами, что позволяло перевозить достаточно много грузов и людей.

Кроме того, в пределы камской (чулманской) страны Вису купцы двигались и сухопутным путем (первый населенный пункт в пределах 20 дней пути) относительно большими группами (караванами), так как путешествия в одиночку и с небольшим количеством охраны были опасны. Вероятно, этот путь также шел в основном вдоль камского берега, и через бассейны рек Ижа и Чепцы приводил к берегам Обвы, на которых находилась касаба Афкула – главный торговый пункт болгар в Уральском Прикамье. На Чепце находилось крупное городище, среди населения которого присутствовали, как и в Афкуле, болгары – городище Иднакар, также болгарская торгово-ремесленная фактория. Сухопутный путь мог занимать 40 дней [Заходер 1962, с. 29]. Такую разнородность данных можно объяснить разными способами достижения Вису. О приходе караванов восточных купцов в Пермское Предуралье в теплое время года свидетельствуют находки костей верблюда на городище Анюшкар.

Однако, на мой взгляд, реки Волго-Камья большее значение как транспортные магистрали имели не летом, в сезон навигации, а зимой. Лучшая дорога в лесу зимой – замерзшая река, вряд ли можно отрицать это утверждение.

Ледостав на Каме и её притоках приходится на конец октября – начало ноября, вскрытие рек приходится на конец апреля – начало мая. Средняя толщина льдов на реках Камского бассейна составляет 60–80 см, в более суровые зимы толщина льда превышает 1 м, а в мягкие составляет 40–50 см [Калинин, 2008]. Мощность снежного покрова на территории Пермского Предуралья колеблется от 90 см в северо-восточных районах до 50 см в юго-западных. Толщина снега на камском льду и ледовом покрове средних притоков (Вишера, Чусовая, Обва, Сытва) в середине зимы обычно на 10–15 см меньше, что объясняется его выдуванием.

Для передвижения гужевых караванов на р. Обве в XIX в. нормой считалась толщина льда от 4 вершков (16 см) и более. При этом толщина снегового покрова особого значения не имела, если только на льду не образовывались заструги, которые приходилось объезжать. В летнее время р. Обва была пригодна для плавания только во время половодий, что связано с большими вырубками лесов по её берегам под масловую распашку и для выжигания угля для нескольких металлургических заводов в её бассейне.

Письменные источники содержат указания на продвижение торговых караванов в Волго-Камском бассейне в зимнее время. Б.Н. Заходер приводит в «Каспийском своде» такие сведения: «Булгары везут в страну Вису и Йура товары на сани, которые тащат собаки по сугробам снега, а сами люди передвигаются на лыжах» [Заходер, 1962, с. 29]. Описание лыж приводит Абу Хамид ал Гарнати. Персидский писатель Ауфи, описывая по арабским источникам X в. поездки булгар в страну Йура, сообщает, что «жители Булгар совершают поездки в их страну и привозят одежду, соль и другие вещи, которые являются их товарами. Как средство перевозки тех товаров они приготавливали приборы вроде небольших повозок, в которые запрягались собаки, так как там много снега и какие-либо другие животные не в силах пересечь ту страну».

В материалах средневековых памятников Прикамья достаточно много материалов, указывающих на развитие зимнего транспорта. На многих городищах найдены детали оленьей и собачьей упряжи. Так, костяные и роговые налобные и нащечные пластины, застежки, блоки, пластины с зубчиками, вертлюги, пряжки от оленьих недоуздов, а так же вертлюги, пясики и пластины для поводков от собачьей упряжи, найдены на городищах Анюшкар, Кудымкарское, Купросское, Роданово, Рождественское, Лаврята, Саламатовское. На Анюшкаре также найдены детали нарт [Сарапулов, 2012]. Даже в XVII в., судя по сообщениям Герберштейна, в Перми Великой продолжали ездить на собаках [Материальная культура средневекового Предуралья, с. 2010, с. 143].

Заключение

Таким образом, Камский торговый путь использовался купцами во все сезоны на протяжении нескольких столетий, причем движение осуществлялось летом по воде и по суше, а в зимнее время могли использовать застывшую Каму (Чулман) в качестве зимника. Если движение по воде было сезонным и имело определенные территориальные ограничения (судовой караван мог двигаться лишь там, где позволяла осадка судов, ширина русла реки и т.п.), то в движении по суше и по речному льду подобных препятствий было значительно меньше.

Реки при этом служили не только транспортными магистралями, но и играли роль основы (каркаса) сухопутных путей.

Библиографический список

1. *Алешковский М.Х.* Ладья XI в. из Новгорода // Советская археология. – 1969. – № 2. – С. 264–269.
2. *Белавин А.М.* Миграции и колонизация в древней истории Предуралья // Уральский исторический вестник. – 2009. – № 2[23]. – С. 50–59.
3. *Белавин А.М., Голдобин А.В.* Ранний железный век. Ананьинская общность // Очерки археологии Пермского Предуралья: учебное пособие для студентов и аспирантов / Перм. гос. пед. ун-т; под ред. А.М. Белавина. – Пермь, 2002. – 253 с.
4. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Взаимодействие населения Предуралья и носителей салтово-маяцкой археологической культуры // 29TH CONFERENCE OF YOUNG SCHOLARS ON THE MIGRATION PERIOD Budapest, November 15–16, 2019 Foszerkeszto Turk Attila. – Budapest, 2022. – P. 73–84.
5. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Касаба Афкула в письменных источниках и в археологической реальности // Вопросы интеграции археологических и исторических исследований [Текст]: материалы всероссийской [с международным участием] археологической конференции [г. Астрахань, 29 сентября – 1 октября 2017 г.] / сост. и отв. ред. Д.В. Васильев. – Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2017. – С. 3–10.

6. *Белавин А.М.* Торговые фактории болгар как фактор ранней урбанизации Пермского Предуралья в эпоху средневековья // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур: международный научный симпозиум, посвященный памяти видного ученого-археолога, профессора, академика Академии наук Республики Башкортостан, доктора исторических наук Н.А. Мажитова. г. Уфа, 6–7 декабря 2018 года: сборник материалов / под общ. ред. А.И. Уразовой. – Уфа: Мир печати, 2018. – С. 118–125.
7. *Белавин А.М.* Вопросы ранней урбанизации в средневековом финно-угорском мире по данным археологии // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Пермь: ПГГПУ, 2019. – Вып. XV. – С. 3–10.
8. *Васильев Д.В., Орленко Н.А., Шельдешова Ю.В.* Сфероконус с изображением корабля из материалов Самосдельского городища // Вопросы подводной археологии. – 2014. – С. 16–27.
9. *Мирчинк Г.Ф.* Четвертичная история долины р. Волги выше Мологи // Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. – 1935. – Т. IV, Вып. 2. – 324 с.
10. *Голдина Е.В., Голдина Р.Д.* «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии [VIII в. до н. э. – IX в. н. э.] // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры [конец IV–IX вв.]. – Ижевск, 2010. – С. 156–248.
11. *Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М.* Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылвенском поречье / ФГБОУ ВПО «Удмурт. гос. ун-т», Ин-т истории и культуры народов Приуралья. – Ижевск; Пермь: ФГБОУ ВПО «Удмурт. гос. ун-т», 2011. – 336 с.
12. *Иванов В.А.* Керамика «ананьинских типов» в Прикамье и Предуралье // Известия Коми научного центра УрО РАН. – Сыктывкар, 2017. – № 1[29]. – С. 82–88.
13. *Иванов В.А.* Культурные связи оседлых племен Приуралья с кочевниками великого пояса степей в эпоху раннего железа: [К постановке проблемы] // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: материалы I Всесоюз. археол. конф. – Кемерово, 1980. – С. 74–84.
14. *Казаманова Л.Н.* Бартымский клад византийских серебряных монет VII в. // Тр. ГИМ. – 1957. – Вып. 26. – С. 70–76.
15. *Калинин В.Г.* Ледовый режим рек и водохранилищ бассейна Верхней и Средней Камы: монография / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2008. – 252 с.
16. *Кузьминых С.В.* Меларские кельты Восточной Европы и Фенноскандии [к проблеме одной исторической загадки] // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3 / отв. ред. В.П. Челяпов. – Рязань: НПЦ, 1993а. – С. 61–109.
17. *Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф., Вильданов Р.Ф., Чуйкина Е.В.* Культурные опосредованные связи населения Среднего Предуралья с цивилизациями Древнего Востока и античным миром. [По материалам Гляденовского костыща] // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. III / под ред. Белавина А.М. Пермский гос. пед. ун-т. – Пермь: ПГПУ, 2003. – С. 44–50.
18. *Лыткин В.И.* Из истории словарного состава пермских языков // Вопросы языкознания. – 1953. – № 5.
19. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху [Об этнокультурных компонентах ананьинской общности]. – Казань: Институт истории АН РТ, 2007. – 136 с.
20. *Массон М.Е.* Распространение монетных находок чекана династии Сасанидов на территории Советских республик Средней Азии // История Иранского государства и культуры. – М.: Наука, 1971.
21. *Белавин А.М., Данич А.В., Крыласова Н.Б., Ленц Г.Т., Подосенова Ю.А., Саранулов А.Н.* Материальная культура средневекового Предуралья. Часть II. Культура производства. Вооружение. Торговля. – Пермь: ПГГПУ, 2010. – 189 с.

22. Мельничук А.Ф., Вильданов Р.Ф., Голдобин А.В. Раннесредневековый восточный монетный комплекс жертвенного места ломоватовской культуры в устье р. Сылва // Вестник Пермского университета. – Пермь. 2004. – Вып. 5. – С. 125–130.
23. Мозель Х.И. Пермская губерния. Ч. 1 / сост. Ген. Штаба подполк. Х. Мозель. – Санкт-Петербург: Печатано в Типографии Ф. Персона, 1864. – 461 с.
24. Морозов В.Ю. Топография находок Сасанидских драхм в Урало-Поволжском регионе // Краеведческие записки. – Самара, 2005. – Вып. XII. – С. 81–98.
25. Нигаматов А.З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чалы: соображении материальной культуры наследия. – Казань: Из-во Казанск. ун-та, 2005. – С. 228.
26. Пастушенко И.Ю. Волго-Камский торговый путь в 1 тыс. н.э. // Пути сообщения, коммуникации, научные достижения народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. – Березники, 1997. – С. 36–38.
27. Большаков О.Г., Монгайт А.Л. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу [1131–1153 гг.]. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. – 134 с.
28. Сарапулов А.Н. Костяные детали средневековой упряжи на территории Пермского Предуралья [к вопросу об оленеводстве и собаководстве] // Археология Арктики: материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». – 2012. – С. 208–212.
29. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сармат. – М: Наука, 1964.
30. Смирнов А.П. Материалы и исследования по археологии СССР. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. – № 28. – 277 с.
31. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. Извлечения из сочинений арабских. – СПб.: Издано на иждивении графа С.Г. Строганова, 1884. – 588 с.
32. Тодоров И., Воденичаров Г. Кораби и корабни модели. Корабли и модели кораблей Серия: «Библиотека моделиста – конструктора». – София: Техника, 1975. – 212 с.
33. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. – М.–Л., 1966. – 140 с.
34. Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы Западносибирской археологии. Эпоха железа. – Новосибирск, 1981. – С. 4–17.

Сведения об авторе:

Белавин Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, Россия, Пермь, e-mail: belavin@pspu.ru

Andrey M. Belavin, Doctor of Historical Sciences, professor of Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, e-mail: belavin@pspu.ru

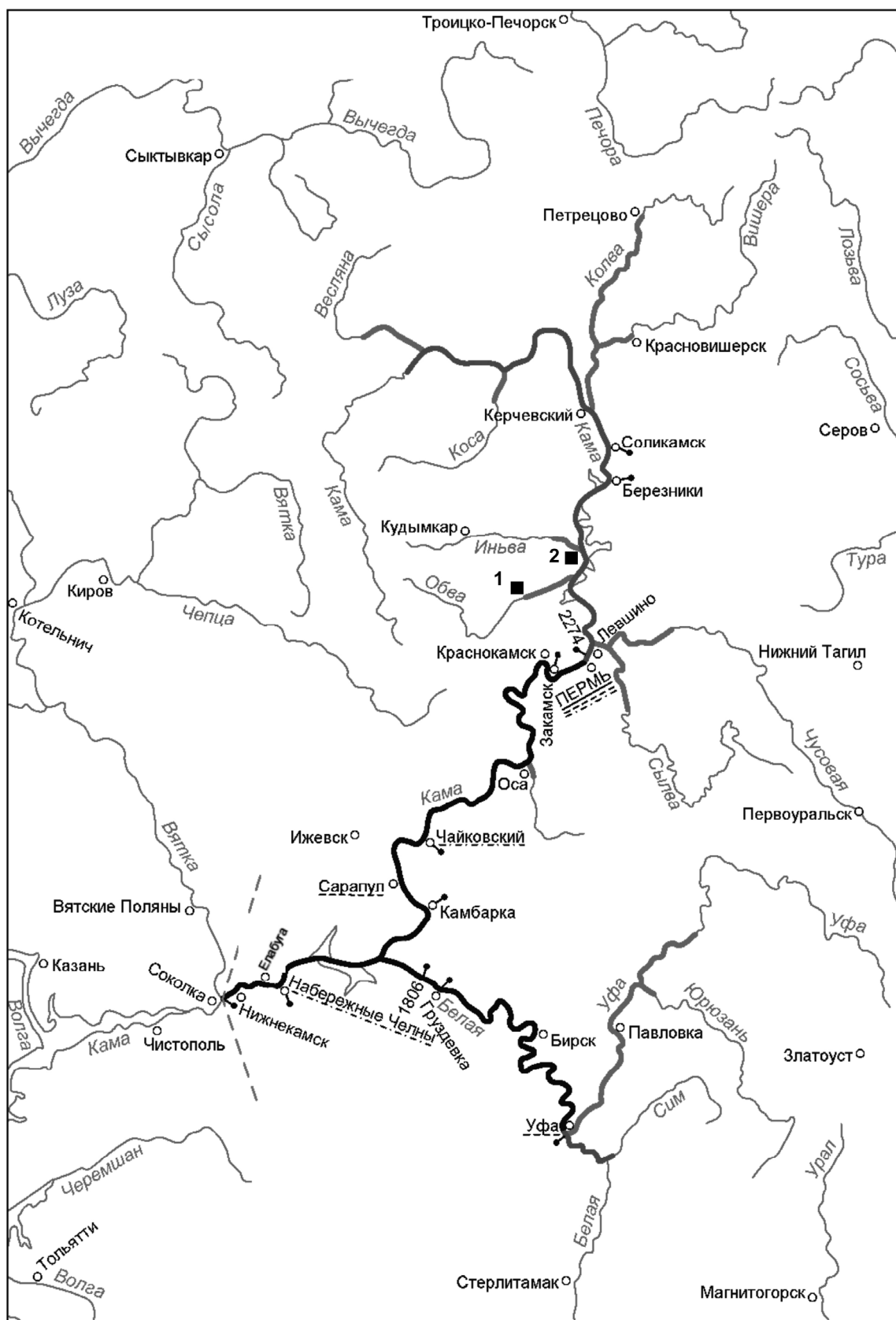

Рис. 1. Схема Камского речного бассейна. Жирным обозначены участки современного судоходства: 1 – касаб Афула (Рождественский археологический комплекс), 2 – городище Аношкар

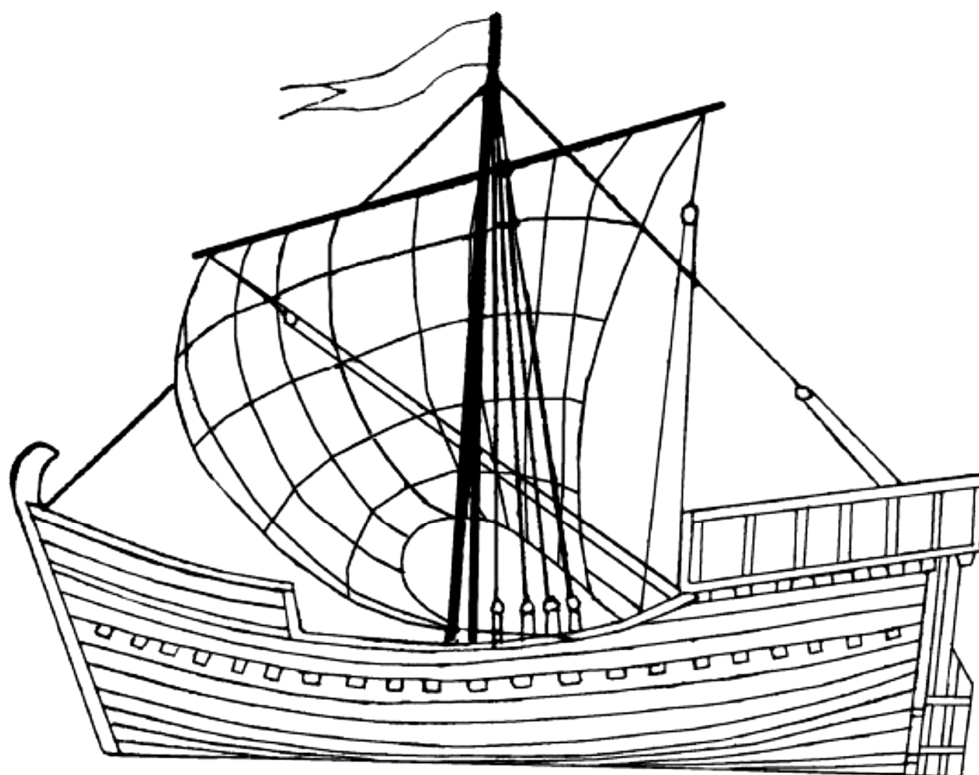

Рис. 2. Булгарский речной корабль, реконструкция И. Тодорова и Г. Воденичарова

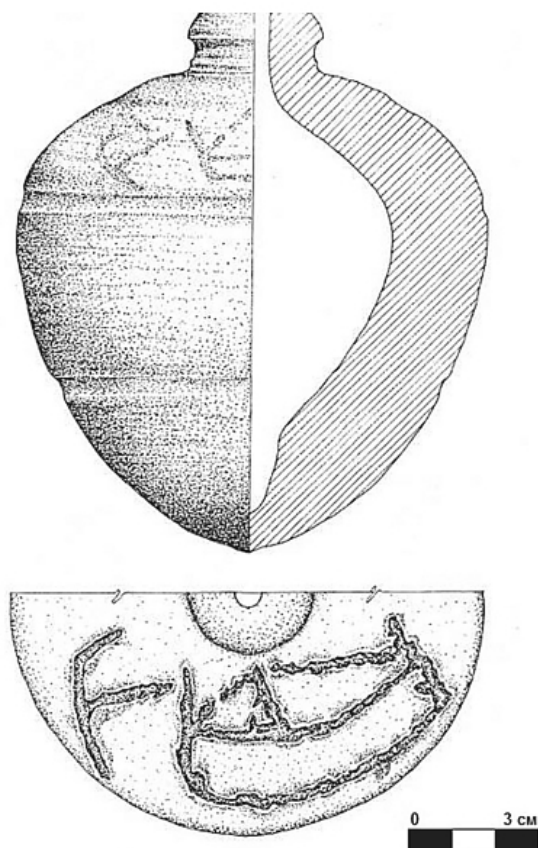

Рис. 3. Изображение корабля из Самсодельского городища (по Д.В. Васильеву)

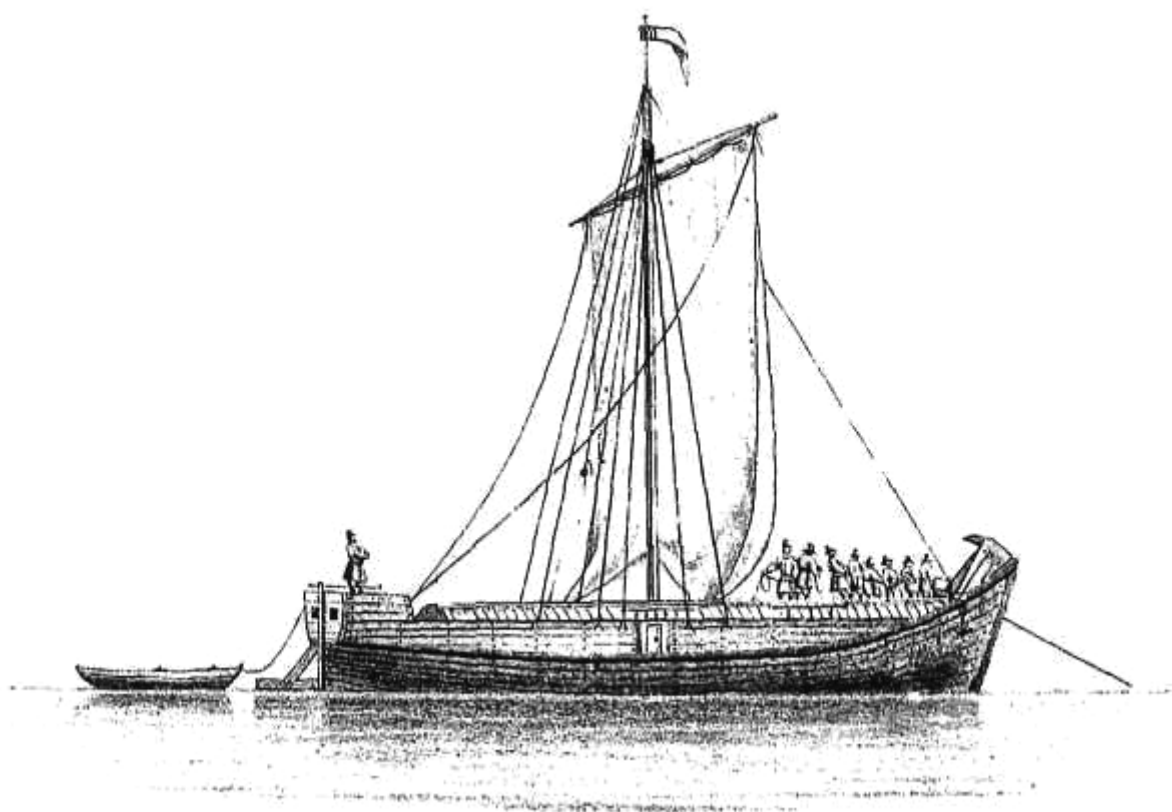

Рис. 4. Корабль типа калюк

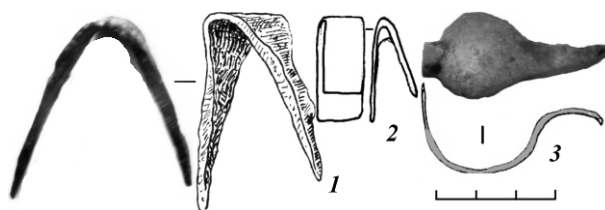

Рис. 5. Лодочные заклепки:
1 – Роданово городище, 2 – селище Запоселье, 3 – Рождественское городище.
Материал – железо

УДК 902.01

DOI: 10.24412/2658-7637-2023-22-15-21

М.В. Воронцов**ОДНОСТОРОННИЕ ПОДРАЖАНИЯ САСАНИДСКИМ ДРАХМАМ
ИЗ РАСКОПОК МИТИНСКОГО МОГИЛЬНИКА В ПЕРМСКОМ
ПРЕДУРАЛЬЕ**

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация

Maksim V. Vorontsov**ONE-SIDED IMITATIONS FROM THE EXCAVATIONS OF THE MITINSKY
BURIAL GROUND IN THE PERMIAN URALS**

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

Анализируются односторонние серебряные подражания сасанидским драхмам, отчеканенные в технике брактеатов. Они обнаружены в ходе раскопок Митинского могильника. Памятник расположен в Коми-Пермяцком округе Пермского края. Рассматриваются возможные варианты датировки и территории их чеканки. Освещаются известные подражания Сасанидам, обнаруженные на территории Прикамья.

Ключевые слова: археология, могильник, Прикамье, Пермское Предуралье, ломоватовская культура, подражание, брактеат, монетовидная подвеска, булгары.

The article analyzes one-sided silver imitations of the Sasanian drachms minted using the bracteate technique. They were discovered during the excavations of the Mitinsky burial ground. The monument located in the Komi-Permyak district of Perm Krai. Possible dating options and territories of their coinage are considered. The well-known imitations of the Sasanids found on the territory of the Kama region are highlighted.

Key words: archeology, burial ground, Kama region, Perm Preduralye, Lomovатов culture, imitation, brakteat, coin-shaped pendant, Bulgars.

Известно, что памятники материальной культуры являются одними из важнейших источников в археологии и исторической науки в целом. Знание времени изготовления артефактов помогает определить или уточнить хронологию памятника, а информация о месте их производства дает возможность установить торгово-экономических связи с другими регионами. В связи с этим стоит попытаться разобраться во времени и территории производства такого вещественного источника как односторонние подражания сасанидским монетам, обнаруженные при раскопках грунтовой части Митинской курганной группы.

Митинская курганная группа находится в Кочевском районе Коми-Пермяцкого округа Пермского края к востоку от д. Митино, к юго-юго-западу от д. Пармайлово, на левом берегу р. Кычдез (Кизис). Могильник можно разделить на курганную (хронологически более раннюю) и грунтовую части. Грунтовый могильник занимает восточный склон коренной террасы левого берега р. Кычдез (Кизис). Грунтовую часть, по материалам находок, можно датировать концом VII–VIII вв. и рассматривать ее как наиболее ранний ломоватовский могильник [Шмуратко, 2019, с. 94].

В 2018–2019 гг. во время археологических раскопок грунтовой части Митинской курганный группы были обнаружены три серебряных односторонних подражания сасанидским драхмам, отчеканенные в технике брактеатов. Они происходят из погребений 61 (8), 68 (11) и 75 (18) [Шмуратко, 2019, с. 96, 100–101, 103, 106].

1. Подражание из погребения № 61 (8) (рисунок, 1) имитирует оборотную сторону сасанидской драхмы, где в четверном круге, возможно, условно изображены аташдан (держатель огня) и две фигуры жрецов слева и справа от него. Более конкретный прототип установить невозможно из-за большой схематичности. На брактеате прикреплено ушко для подвешивания из меди или медного сплава. Вес 2,51 г, диаметр 33,5 мм.

2. Подражание из погребения № 68 (11) (рисунок, 2) имитирует одну из сторон сасанидской драхмы, где в тройном круге, возможно, имитация монограммы места чеканки или имени шахиншаха. Над тройным кругом расположены пять астральных пар (сочетание полумесяца и звездочки). Более конкретный прототип установить затруднительно из-за большой схематичности деталей. На подражании присутствуют остатки от металлического ушка для подвешивания. Вес 1,65 г, диаметр 32 мм.

3. Подражание из погребения № 75 (18) (рисунок, 3) отчеканено тем же штемпелем, что и № 2. На нем осталась часть ушка для подвешивания из меди или медного сплава. Вес 2,37 г, диаметр 33 мм.

Известно, что кроме этих подражаний в Пермском Предуралье были обнаружены еще как минимум восемь аналогичных имитаций. Так, весной 2012 г. недалеко от пос. Гайны (районный центр, Коми-Пермяцкий округ) местными жителями на площади около 2 м² было собрано 30 серебряных монет. В состав находки входили сасанидские драхмы от Йездигерда II (439–457 гг.) до Хосрова II (590–628 гг.) – 12 экз.; бухархудатская драхма из Самарканда 712–722 гг.; афригидская драхма Сафшафана (тип V – середина VIII в.); арабо-сасанидская драхма из Нирмашира, 58 года хиджры (677/678 г.); саманидские дирхамы (914–953 гг.) – 8 экз.; волжскобулгарская монета Мика'ила б. Джа'фара (вторая четверть X в.) – 1 экз.; 2 закавказских подражания Сасанидам; литое подражание из недрагоценного металла сасанидской драхме с медным ушком – 1 экз.; одностороннее подражание сасанидским драхмам – 3 экз. Диаметр всех трех экземпляров – 32 мм., вес 1,85; 2,04 и 2,22 г [Тростьянский и др., 2015, с. 65].

В этом же году около с. Коса (административный центр, Коми-Пермяцкий округ) были найдены две сасанидские драхмы Хосрова II, умаййадский дирхам из Кермана, 97 года хиджры (715/716 г.) и три односторонних подражания Сасанидам. Диаметр целого 31–32 мм, вес с ушком 2,32 г [Тростьянский и др., 2015, с. 65].

Еще два односторонних подражания были обнаружены у д. Лёкмартново, Чердынского городского округа (неопубликованная случайная находка). Оба с приклепанными ушками из меди или медного сплава (рисунок, 4). В состав этой находки входили также два закавказских подражания Сасанидам, один из которых с приклепанным ушком из меди или медного сплава, другой – с отверстием [Никитин, 1995].

Таким образом, на данный момент известно 11 односторонних подражаний Сасанидам, найденных на территории Пермского Предуралья. Девять из них обнаружены в Коми-Пермяцком округе, два – в Чердынском городском округе. Информации о находках типологически близких подражаниях в других регионах пока не обнаружено.

Вероятнее всего, эти брактеаты были изготовлены за пределами сасанидского государства: на пути его транзита или на территории использования [Тростьянский и др., 2015, с. 67]. Изготовление их могло быть вызвано сокращением притока монеты в регион во второй четверти – середине VII в., связанное с падением сасанидского государства [Теплоухов, 1895, с. 279–280]. Среднеазиатские и первые арабские монеты (арабо-сасанидские, полудрахмы аббасидских наместников Табаристана, умаййадские

дирхамы) не могли в полной мере восполнить всю потребность, так как поступало их в Пермское Предуралье значительно меньше сасанидских [Морозов, 1996, с. 152–153]. Ввиду этого рассматриваемые имитации можно датировать второй четвертью – серединой VII–IX вв. Однако по ряду фактов хронологические рамки, вероятнее всего, можно сузить до VIII–IX вв. То есть в промежуток между спадом и концом поступления сасанидских монет и ростом притока куфических дирхамов. Не противоречат такой датировки материалы Митинского грунтового могильника и сопутствующие находки рассмотренные выше [Тростянский и др., 2015, с. 67, 25, 103].

Если с датировкой подражаний в целом ясно, то вот с территорией изготовления сложнее. Но перед тем как начать рассматривать этот вопрос следует отметить, что процесс их производства был непростым. Для их чеканки требовались штемпель с глубоким рельефом, вырезанные ровные серебряные кружки и определенные знания ремесла и технологий монетного производства. Безусловно, без находки штемпеля, которым были отчеканены эти имитации, уверенно говорить о месте их производства нельзя. Можно лишь допустить возможные варианты. Для этого нужно обобщить монетную топографию, сравнить общие типологические признаки с монетами государств, связанные в то время с Прикамьем, и рассмотреть пути поступления монетной массы в регион.

Итак, по мнению В.Ю. Морозова, в V–VII вв. иранские или закавказские купцы по Волге осуществляли прямую торговлю с Прикамьем без посредников. Со второй половины VIII в. на Волге это были хазары и волжские булгары. С VIII – середины IX вв. сасанидские драхмы поступали в регион посредством булгар как примесь к куфическими дирхамами [Морозов, 1996, с. 150–151, 159]. Однако, по мнению В.В. Мингалева, Кавказ не может считаться источником поступления сасанидских монет на территорию Прикамья. В то же время автор допускает прямой торговый водный путь из Ирана в Прикамье через Каспий, Волгу и Каму [Мингалева, 2004, с. 44–45]. Также стоит отметить степной путь из Средней Азии, который пролегал через плато Усть-Урт, казахстанскими, оренбургскими, башкирскими степями, рекой Белой до впадения реки Уфы, рекой Уфой на верховья рек Ирень и Сылва в современный Пермский район. По этому маршруту в Прикамье могли поступать среднеазиатские монеты (хорезмийские и бухархудатские VII–VIII вв.) [Голдина, 2010, с. 176–177; Морозов, 1996, с. 153].

Таким образом, односторонние подражания могли попасть в Предуралье из Закавказья или прикаспийского Ирана по Волге прямым водным путем, а позднее – посредством хазар и булгар либо по степному пути из Средней Азии. Если рассматривать начальный пункт маршрута в качестве возможного места производства подражаний, то следует для начала рассмотреть Закавказье. В двух комплексах имитации были обнаружены вместе с закавказскими подражаниями. Этот факт косвенно может свидетельствовать о месте их чеканки на этой территории. Однако это маловероятно, так как информации в литературе о чеканке в Закавказье односторонних подражаний не обнаружено [Никитин, 1995; Пахомов, 1926; Пахомов, 1957; Пахомов, 1959]. Факт такого монетного состава может указывать на роль Закавказья и закавказских купцов в торговле, но не дает серьезных оснований для того, чтобы считать эти подражания закавказским производством. Аналогичная ситуация в среднеазиатской и прикаспийской чеканке [Вайнберг, 1977; Колесников, 1998; Ртвеладзе, 1987; Ртвеладзе, 2006]. Кроме этого, общих типологических признаков имитаций с монетами этих территорий обнаружить не удалось. Из этого следует, что производство брактеатов на этих территориях выглядит маловероятным. Иная ситуация наблюдается в возможности чеканки имитаций булгарами или прикамским населением.

В пользу булгарского производства имитаций может говорить следующее. На рубеже VII–VIII вв. в Среднем Поволжье появились булгары, которые в то время зависели

от хазар. Они в скором времени наладили торговые контакты с прикамским населением [Белавин, 2000, с. 40, 43; Голдина, 2010, с. 176–177; Тростьянский и др., 2015, с. 67]. Можно допустить, что болгары видели спрос и потребность в монетах, использовавшиеся в качестве украшений (в составе ожерелий) и как часть погребального обряда [Данич, 2022, с. 38; Седых, 2004, с. 56]. Предприимчивые болгары могли воспользоваться ситуацией и в период сокращения ввоза монеты наладить собственный выпуск подражаний. Известно, что в этот период они обладали навыками обработки серебра [Руденко, 2015, с. 22, 27]. Кроме этого, в Волжской Булгарии в X в. чеканили как именные дирхамы, в том числе и брактеаты, так и подражания дирхамам [Фасмер, 1925, с. 47]. Вес целой сасанидской драхмы мог составлять 3–4 г, а вес одного брактеата из Митино со сломанным ушком – 1,65 г. Получается двойная экономия серебра, что говорит о достаточной выгоде их производства.

Однако наиболее предпочтительным выглядит вариант производства односторонних подражаний в Предуралье, вероятнее всего, в Пермском. Об этом могут говорить ряд косвенных признаков. Во-первых, находки односторонних подражаний Сасанидам зарегистрированы пока только на территории Пермского Предуралья. Во-вторых, в здесь известно немало подражаний сасанидским монетам, изготовленным как из недрагоценных металлов в технике литья, так и из серебра. Вариант их местного производства вполне допустим [ОАК, 1901, с. 47; Седых, 2004, с. 56–57; Тростьянский и др., 2015, с. 65; 28]. Интересны имитации из могильников Баяновский и Мыдлань-шай (в Удмуртии). Их изготовление было следующее: на медную бляшку размером в дирхем или драхму припаивался (?) тончайший серебряный оттиск с одной из сторон сасанидской драхмы или куфического дирхама. Таких подражаний только на Баяновском могильнике обнаружено 59 экз., а на Мыдлань-шай они были найдены не менее чем в десяти погребениях. В основном они оттиснуты с сасанидских драхм, но в Баяновском могильнике были обнаружены и оттиски с умаййадского дирхама первой половины VIII в., отчеканенного в Васите. Есть также информация, что 16 изделий, выполненных в похожей технике, находили в Швеции в 1953 г., но не понятно, односторонние они были или нет, так как изображения отсутствуют. Также следует отметить, что аналогичные имитации находили при раскопках на территории Прикамья и в послевоенные годы. С.А. Янина считает, что такие подражания – это продукт местного прикамского производства [Данич, 2022, с. 36, 39; Седых, 2004, с. 56; Янина, 1962, с. 130–131]. Однако эти данные можно отнести лишь к VII–IX вв. Для второй половины X в. известны оттиснутые с монет находки на Веселовском могильнике в Нижегородской области. Один из оттисков был сделан с волжскобулгарского дирхама 986/987 г. [Янина, 1962, с. 179, 192]. В-третьих, обнаруженный в 2004 г. на юге Удмуртии в 10 км от р. Камы клад ювелира, состоящий из 1053 предметов, среди которых можно выделить ювелирные молотки, наковальни, резец, напильники, зубило, ножницы по металлу и другие предметы. В этом кладе нет предметов, которые указывали бы на производство рассматриваемых имитаций, однако по ним можно определить, что мастер работал в технике тиснения и штамповки. Кроме этого, сам факт находки такого серьезного ювелирного комплекса может свидетельствовать о том, что в VII в. прикамское население уже владело определенными производственными техниками, которые впоследствии только развивались [Останина и др., 2011, с. 4, 66]. К концу VIII в. зафиксировано стремительное развитие ювелирного ремесла в Пермском Предуралье. В этот период здесь научились изготавливать ювелирные изделия с применением различных техник, в том числе и комбинированных. Однако применение чеканки на ювелирных изделиях, по мнению Ю.А. Подосёновой, начинается с XI в. [Подосёнова, 2021, с. 153, 157].

Ранее было высказано мнение, что рассматриваемые брактеаты, вероятнее всего, отчеканены болгарами, а не прикамским населением [Теплоухов, 1895, с. 67]. Однако

с момента написания статьи в Пермском Предуралье было обнаружено еще пять аналогичных подражаний, что может поставить под сомнение мнение Теплоухова, ведь находки рассматриваемых имитаций пока неизвестны на Средней Волге и Нижней Каме [Марков, 1910, с. 9, 11; Руденко, 2015, с. 22; Морозов, 2005, с. 81–83].

Хазарская монетная чеканка также известна [Быков, 1971], однако типологических признаков, конкретно указывающих на хазарскую эмиссию односторонних подражаний, пока не обнаружено.

Подводя итоги, можно отметить, что типологически близких к трем «митинским» подражаниям известно восемь экземпляров. Датировать их можно второй четвертью – серединой VII–IX вв. Однако наиболее предпочтительная их датировка – VIII–IX вв. Все они обнаружены на территории Пермского Предуралья. Вероятнее всего, отчеканены они в Прикамье или в Среднем Поволжье.

Библиографический список

1. *Белавин А.М.* Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: Из-во Перм. гос. пед. ун-та. 2000. – 200 с.
2. *Быков А.А.* О хазарском чекане VIII–IX вв.: Доклад на III Всесоюзной конференции арабистов // Труды Гос. Эрмитажа. Т. XII. Нумизматика. – Вып. 4. – Л., 1971. – С. 26–36.
3. *Вайнберг Б.И.* Монеты Древнего Хорезма. – М.: ГРВЛ, 1977. – 220 с.
4. *Голдина Е.В.* Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.): монография. – Ижевск, 2010. – 264 с.
5. *Данич А.В.* Монеты и монетовидные подвески из раскопок Баяновского могильника в Пермском Предуралье // Народы и религии Евразии. – 2022. – Т. 27 (№ 4). – С. 36–55.
6. *Колесников А.И.* Денежное хозяйство в Иране в VII в. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 415 с.: ил.
7. *Марков А.К.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). – СПб., 1910. – 148 с.
8. *Мингалева В.В.* Монетный комплекс памятников раннего средневековья Прикамья и Вычегодского края // Пути средневековых торговцев: сб. материалов круглого стола, проведенного в рамках международного XVI Уральского археологического совещания (Пермь, 6–10 октября 2003 г.). – Пермь, 2004. – С. 39–46.
9. *Морозов В.Ю.* Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Прикамье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. – Самара, 1996. – С. 148–164.
10. *Морозов В.Ю.* Топография находок сасанидских драхм в Урало-Поволжском регионе // Краеведческие записки. – 2005. – Вып. XII. – С. 81–98.
11. *Никитин А.Б.* Сасаниды в Азербайджане (доклад 1987 г.) // Эрмитажные чтения 1986–1994 годов памяти В.Г. Луконина (21.I.1932–10.IX.1984). – СПб.: 1995. – С. 30–37.
12. ОАК за 1898 г. – СПб., 1901. – 191 с.
13. *Останина Т.И., Каңунникова О.М., Степанов В.П., Никитин А.Б.* Кузбаевский клад ювелира VII в. как исторический источник: монография / науч. ред., автор введ. и закл. Т.И. Останина. – Ижевск: Удмуртия, 2011. – 215 с.
14. *Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и Закавказья. – Баку, 1926. – Вып. I. – 100 с.

15. *Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. – Баку, 1957. – Вып. VII. – 124 с.
16. *Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. – Баку, 1959. – Вып. VIII. – 129 с.
17. *Подосёнова Ю.А.* Височные украшения средневекового населения Пермского Предуралья: монография / под. ред. Н.Б. Крыласовой. – Пермь, 2021. – 210 с.
18. *Ртвеладзе Э.* Древние монеты Средней Азии. – Ташкент, 1987. – 182 с.
19. *Ртвеладзе Э.* История и нумизматика Чача (вторая половина III – середина VIII в. н.э. – Ташкент, 2006. – 132 с.
20. *Руденко К.А.* Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. – Казань: Заман, 2015. – 528 с.
21. *Седых В.Н.* О находках сасанидских и куфических монет на территории Удмуртии (материалы к топографии) // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 19–24 апреля 2004 г.). – М., 2004. – С. 55–57.
22. *Теплоухов Ф.А.* Древности Пермской Чуди из серебра и золота и ее торговые пути // Пермский край. – Пермь, 1895. – Т. III. – С. 247–290.
23. *Тростянский О.В., Новиков А.А.* Односторонние подражания сасанидским драхмам с территории Пермского края // Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: тезисы докладов и сообщений. – М., 2015. – С. 65–67.
24. *Фасмер Р.Р.* О монетах волжских болгар X века // ИОАИЭ. Т. XXXIII. – 1925. – Вып. I. – С. 29–60.
25. *Шмуратко Д.В.* Грунтовая часть Митинской курганный группы (результаты раскопок 2016–2019 гг. // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – 2019. – Вып. 9. – С. 94–109.
26. *Янина С.А.* Куфические монеты из могильника Мыдлань-шай // Древнеудмуртский могильник Мыдлань-шай. (БАУ. Вып. 3. Труды Удмуртской археологической экспедиции. Т. I). – Свердловск, 1962. – С. 129–139.
27. *Янина С.А.* Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. – 1962. – Т. 4. МИА № 111. – С. 179–204.
28. Zeno.ru. Oriental Coins Database. Coin № 65307, 65308, 65309, 63385 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=65307> (дата обращения: 26.02.2023); <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=65308> (дата обращения: 26.02.2023); <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=65309> (дата обращения: 26.02.2023); <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=65385> (дата обращения: 26.02.2023)

Сведения об авторе:

Максим Викторович Воронцов, студент IV курса исторического факультета, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия, e-mail: maksim.voronzow@yandex.ru
Maksim V. Vorontsov, 4th year student of Historical Faculty Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, e-mail: maksim.voronzow@yandex.ru

Рис. Односторонние подражания сасанидским драхмам Митинский могильник:
1 – погребение № 61 (8), 2 – погребение № 68 (11), 3 – погребение № 75 (18);
4 – находка у д. Лёкмартово

УДК 902/904

DOI: 10.24412/2658-7637-2023-22-22-33

В.А. Иванов**«МАСТЕР-КЛАСС» НА ТЕМУ: КАК НЕ НАДО ПИСАТЬ
ЭТНОКУЛЬТУРНУЮ ИСТОРИЮ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ
В СРЕДНИЕ ВЕКА***

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Уфа, Российская Федерация

В статье анализируются четыре статьи (опуса) украинского историка, доктора исторических наук Я.В. Пилипчука, посвященные проблемам этнической и этнополитической истории угорских и финских племен Урало-Поволжья в эпоху средневековья. Отмечается низкий научно-методический уровень этих статей и подчеркивается нецелесообразность их использования в дальнейших научных изысканиях по указанным проблемам.

Ключевые слова: башкиры, венгры, угры, Великая Венгрия, кушнаренковская, караякуповская, неволинская, ломоватовская культуры.

V.A. Ivanov**"MASTER CLASS" ON HOW NOT TO WRITE THE ETHNOCULTURAL
HISTORY OF THE URAL-VOLGA REGION IN THE MIDDLE AGES**

Bashkir State Pedagogical University named after M.Akmulla, Ufa, Russian Federation

The article analyzes four articles (opuses) by the Ukrainian historian, Doctor of Historical Sciences Ya.V. Pilipchuk. The low scientific and methodological level of these articles is noted and the inexpediency of their use in further scientific research on these problems is emphasized.

Key words: Bashkirs, Hungarians, Ugrians, Great Hungary, Kushnarenkovskaya, Karayakupovskaya, Nevolinskaya, Lomovatovskaya cultures.

Введение

Среди немногочисленных зарубежных исследователей, интересующихся проблемами древней и средневековой истории народов Урало-Поволжья, особенно активным является украинский историк, доктор исторических наук Пилипчук Ярослав Валентинович. Если обратиться к опубликованным названным исследователем дискурсам, то их количество просто не поддается учету, а география вообще поражает даже самое смелое воображение: от кипчаков в Китае на востоке до половцев и венгров в Паннонии на западе и от финнов и карел на севере до крымских татар и области Саксин на юге. Естественно, что анализировать такое чудовищное количество печатной продукции Я.В. Пилипчука невозможно физически. Однако в его дискурсах последних лет обозначилась область познания, оставить которую без внимания я просто не могу, поскольку она непосредственно стыкуется с областью многолетних исследований моих коллег и моих собственных.

© Иванов В.А., 2023

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01153, <https://rscf.ru/project/22-28-01153/>

Основная часть

Приобщение к решению «застоявшейся» проблемы нового субъекта исследования порождает и новые ожидания: если не новый материал, то по крайней мере новый взгляд, новые подходы, новые идеи – процесс вполне естественный. Я.В. Пилипчук в изучении проблем средневековой истории народов Урало-Поволжья «дебютировал» в 2015 г. статьей (опубликованной на украинском языке), посвященной источниковедению и историографии проблемы пребывания угров-мадьяр на Южном Урале [Пилипчук, 2015].

Несмотря на многообещающее название рассматриваемой статьи, при знакомстве с её содержанием мы убеждаемся в том, что её автор, мягко говоря, не совсем четко представляет себе различие между понятиями «цель исследования» и «предмет исследования». В качестве первого он определяет «анализ основных точек зрения в историографии о возможности локализации прародины венгров в Башкирии. Необходимо отметить, какие показания письменных источников касаются башкир и можно ли отождествить венгров Великой Венгрии с башкирами» [Пилипчук, 2015, с. 288]. То есть здесь подразумевается сравнительно-критический анализ (КДА) дискурсов предшественников¹, касающихся проблемы отождествления территории современного Башкортостана (Башкирии) с венгерской прародиной. И это – **цель** – собственно и должно стать конечным результатом исследования. Если учесть, что в основе всех предшествующих дискурсов также лежат средневековые нарративы, то упоминание о показаниях письменных источников, касающихся башкир, представляется вполне логичным, поскольку оно вносит в КДА элемент научного источниковедения.

Далее, если следовать методике научного исследования, должен быть обозначен **объект исследования**. В данном случае это выводы исследователей относительно отождествления башкир с венграми и Башкирии с территорией их прародин. Отсюда определяется и **предмет исследования**, которым для Я.В. Пилипчука «является свидетельство средневековых письменных источников о ранней этнической истории венгров». Хотя ими должны быть дискурсы предшествующих исследователей, посвященные означенной проблеме. А средневековые нарративы – это объект источниковедческого исследования, в котором (объекте) содержатся несколько предметов.

Итак, совершенно очевидно, что цели своей статьи Я.В. Пилипчук не понял. Тем не менее она была сформулирована, и нам остается рассмотреть, как её достижение доказывается в самом тексте статьи.

Сам автор предлагает начать с того, что «выяснить, под какими этнонимами венгры были известны соседям» [Там же, с. 288]. В названии статьи Я.В. Пилипчука присутствует термин «дискурс источников» («дикурс джерел»). Автор явно незнаком с семантикой и значением этого термина. Я не буду здесь обременять читателя расшифровкой этого понятия, данной в современной философской литературе [Фуко, 2004; Филлипс, Харди, 2009; Тимошук, 2012, и др.]. Достаточно привести самое простое определение, данное в Большой Российской энциклопедии и предназначенное для широкой читательской аудитории: «ДИСКУРС (от позднелат. Discursus – рассуждение, довод, беседа), связанный текст в совокупности с социокультурными, психологич. и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и в механизмах сознания. Д. – это речь, “погружённая в жизнь”. Поэтому термин “Д.”, в отличие от термина “текст”, не применяется к древним и др. текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно (выделено мною – авт.)» [Большая Российская...].

Предлагаемый Я.В. Пилипчуком «дискурс» средневековых письменных источников-нарративов – это перечень имен авторов-нарративистов, взятый им из трех со-

¹ К моменту выхода статьи Я.В. Пилипчука уже довольно многочисленных.

временных дискурсов: В.П. Шушарина, А.Рона-Таша и В.Спиней [Шушарин, 1997; Рона-Таш, 1999; Спиней, 2003]. Ясно, что сами нарративы автор статьи тогда ещё не читал. Неясно, зачем ему понадобилось искажать выводы исследователей-дискурсантов, придавая им совершенно противоположный смысл. Так, перечислив имена средневековых нарративистов, под разными именами упоминавших в своих сочинениях угров – Лев Мудрый, Продолжатель Феофана и Константин Багрянородный, Константин Философ, Георгий Амартол и его Продолжатель, – Я.В. Пилипчук делает вывод, что «Влияние византийской традиции на славян было заметно, поскольку при переводе на славянские языки этноним турк автоматически переводили как угри... **Следуя византийской традиции наименования современных племен архаическими этниконами славяне так называли венгров** (выделено мной – авт.)» [Пилипчук, 2015, с. 289]. Тогда как В.П. Шушарин, например, по этому же поводу пишет: «Естественно, что соседние восточнославянские племена могли обозначать мадьяр – жителей Оногории этниконом, образованным от этого географического названия.

Этот этникон стал известен, несомненно, при посредстве восточных славян в Западной Европе раньше, нежели в Византии ... Обращает на себя внимание, что и в средневековой еврейской литературе начиная с первой половины X в. входит в употребление этникон **мадьяр, произведенный от славянского их наименования, – «ун-г-ри»** (выделено мной – авт.)... [Шушарин, 1997, с. 116–117].

Перейдем к самому главному – к «стереотипам историографии башкирско-угорской проблемы», в том её (историографии) виде, как она представляется Я.В. Пилипчуку. Собственно говоря, обсуждать здесь нечего по следующим причинам. Во-первых, на трех страницах своего текста автор просто перечисляет имена исследователей (17 имен), в разные годы обращавшихся к проблеме прародины древних венгров. Делает это он по стереотипной формуле: «А. Рона-Таш вважає, що угорці прийшли у Волзько-Камський регіон разом з волзькими булгарами... (А. Рона-Таш вважає, що венгри прийшли в Волзько-Камський регіон разом з волзькими булгарами...); Л. Бендефі вважає можливим припустити, що землею угорців до переселення у Етелькез були степи Північного Кавказу і пов'язував з ними Маджар на Кумі... (Л. Бендефі вважав можливим передположити, що землей венгров до переселення в Етелькез були степи Северного Кавказу і зв'язував з ними Маджар на Куме); Вихідною точкою міграції угорців у надчорноморські степи І. Боба вважає територію Мещери на правому березі Волги... (Исходной точкой миграции венгров в надчерноморские степи И. Боба считал территорию Мещеры на правом берегу Волги)» [Пилипчук, 2015, с. 297].

Во-вторых, Я.В. Пилипчук российскую историографию означенной проблемы знает, мягко говоря, весьма поверхностно. Историю изучения венгерской прародины в российской историографии он начинает с Н.М. Карамзина: «Н. Карамзін вважає, що прабабківщиною угорців було Надуралля... (Н. Карамзін считал, что прародиной угров было Предуралье...)» [Там же, с. 297], хотя начинать её нужно с В.Н. Татищева [Иванов, 1999, с. 7]. Имена советских исследователей проблемы – А.В. Шмидта, Н.А. Мажитова, В.Ф. Генинга, В.А. Могильникова, Г.И. Матвеевой, В.В. Седова – ему, похоже, вообще неизвестны.

Как итог – вывод автора, совершенно архаичный, а в первой своей части и неверный: «Велика Угорщина не тотожна Башкирії, а більшість свідчень мусульманських хроністів стосуються швидше угорців, ніж башкирів. Розуміння того, що башкири з угорцями це не є споріднені народи прийшло до мусульманських вчених тільки у XIV–XV ст. У угорській історичній традиції угорці та башкири не ототожнюються, а протиставляються. Більшість угорсько-башкирських паралелей невинувдані (**Большая Венгрия не тождественна Башкирии** (как раз наоборот – авт.), а большинство свидетельств мусульманских хронистов касаются, скорее, венгров, чем башкир. Понимание того, что башкиры с венграми это не родственные народы, пришло к мусульманским ученым только в XIV–XV вв. В венгерской исторической традиции венгры и

башикры не отождествляются, а противопоставляются. Большинство венгерско-башкирских параллелей неоправданны» [Пилипчук, 2015, с. 299].

Конечно, если бы автор, перед тем, как приступить к написанию рассмотренной статьи, потрудился ознакомиться с опубликованными историографиями проблемы [Иванов, 1999, с. 6–18; Дьёни, Овчинникова, 2008], возможно, и желание написать подобную статью у него отпало бы. Или побудило бы его более тщательно подготовиться к изысканиям подобного рода. В данном же случае, пользуясь современным молодежным лексиконом, статья получилась «ни о чем».

Но ведь вот что любопытно: работы указанных исследователей Я.В. Пилипчуку, оказывается, были известны. В том же 2015 г. он публикует ещё одну статью, на сей раз посвященную так называемой «венгеро-пермской проблеме» [Пилипчук, 2015а]. Целью своей статьи автор ставит ни много ни мало «вопрос о присутствии венгров и родственных им групп населения в Прикамье, а также об **их взаимодействии с пермскими, булгарами и бургасами**» (выделено мной – авт.) [Там же, с. 121]. Это при том, что в историографии Урало-Поволжья вопрос о бургасах (кто они, где они находились) и вопрос о времени и обстоятельствах появления и формирования пермской общности в регионе до сих пор дебатруется. Обращаясь к тексту рассматриваемой статьи, сразу же задаешься рядом вопросов к автору. Среди них первый: автор вообще имеет представление об объекте и предмете своего так называемого исследования? Например, как понять такой пассаж: «Традиционно прародину венгров отождествляют с Волго-Уральским регионом². **Предположение венгерского ученого И. Зимони о Magna Hungaria и уграх в Прикамье поддержал ряд русских исследователей (Н. Крыласова, В. Иванов, А. Белавин)**» (выделено мной – авт.)» [Там же, с. 121]. Да, мы с моими коллегами и соавторами знаем работы И. Зимони. Но если говорить о том, кто кого поддерживает, то, при всем нашем уважении к венгерскому коллеге, поддерживаем мы, в первую очередь, все-таки известных советских археологов Е.А. и А.Х. Халиковых, ещё за четверть века до выхода в свет статьи венгерского коллеги на археологическом материале обосновавших концепцию локализации Magna Hungaria в Заволжье и Предуралье [Халикова, 1975; 1976; Chalikowa – Chalikow, 1981].

Дальше – больше³. Я.В. Пилипчук «великодушно» отдает должное нашим (моих коллег по региону и моим) многолетним исследованиям и отмечает, что «**с венграми были связаны**» (выделено мной – авт.) носители кушнаренковской и караякуповской культур. Они, в отличие от венгров, не двинулись на запад» [Там же, с. 121–122]. То есть «кушнаренковцы и караякуповцы» древними венграми, как это мы доказываем в своих довольно уже многочисленных работах, не являлись, а только каким-то образом были с ними «связаны». И когда венгры ушли из Предуралья, остались на своих местах. То, что верхняя дата этих, а также неволинской, ломоватовской и поломской культур приходится на первую половину IX в. – время фиксации венгров средневековыми нарративистами к западу от Волги – для Я.В. Пилипчука значения не имеет.

Не имеет для него значения и смысл используемых им понятий и терминов. Так, исходя из неизвестно каких соображений, автор заявляет, что «некоторое время вопрос угорского присутствия в Прикамье табуировался» [Там же, с. 122]. Когда, кто накладывал на эту тему «табу», т.е. строгий запрет [Словарь иностранных слов..., 1988, с. 483]? Это известно только одному Я.В. Пилипчуку. Точно так же только ему одному известны корпус «славянских летописей» и имена «славянских хронистов» [Там же, с. 124–125]. Автор статьи называет одного из них – Нестора, в мировой историографии известного как **автор Начальной Русской летописи**.

Не разбирается он и в хронологии археологических культур Предуралья: «В. Иванов, описывая историю Приуралья, указывал, что изменения в составе его насе-

² Кто бы спорил?

³ Я даже использовал бы современный молодежный сленг «дальше – круче».

ления произошли **в середине IV в.⁴** В регион расселения прапермских пьяноборской, карабызской и мазунинской культур начинают инфильтрироваться угры. В частности, их представляют памятники гафурийско-убаларского типа» [Там же, с. 128]. Поскольку здесь указано мое имя (без ссылки, как это водится у Я.В. Пилипчука), считаю необходимым официально уведомить заинтересованного читателя в том, что подобной белиберды я нигде не писал: во-первых, карабызская культура никогда не была прапермской; во-вторых, угры «гафурийско-убаларского типа» никогда не соприкасались с «пьяноборцами»; в-третьих, они не могли инфильтрироваться в мазунинскую культуру, поскольку формирование последней начинается в то время, когда о «гафурийцах» и «убаларцах» в регионе уже и помина не было.

Неожиданным откровением для нас, исследователей Урало-Поволжья, явилось появление в нашей среде новой фигуры: «В Прикамье и Приуралье мигрировали носители тураевского, харинского и турбаслинского типов...**Ф. Сунгатова считала их** (выделено мной – авт.) полиэтничной культурной общностью, однако предполагала, что гунны могли проникнуть в Прикамье» [Там же, с. 128]. Мы хорошо знаем нашего давнего коллегу – Фларида Абдулхаевича Сунгатова. Но, как нам известно, он всегда был и есть мужчина.

География археологических культур Южного Урала и Предуралья явно для автора рассматриваемой статьи представляет собой «тёмный лес»: «С севера с правенграмми в районе Камы граничили представители поломской и ломоватовской культуры. **На западе от венгров в лесостепи жили носители юдинской и молчановской культур, а также население потчевашской культуры** (выделено мной – авт.)» [Там же, с. 128]. Тут к Я.В. Пилипчуку возникают сразу два вопроса. Первый: каких венгров он имеет в виду? Ведь «кушнаренковцы» и «караякуповцы», синхронные и соседствовавшие с носителями перечисленных им культур, в его понимании только «имели отношение к венграм, но сами ими не являлись? Второй: каким образом носители юдинской, молчановской и потчевашской культур, район распространения которых – Тоболо-Иртышский бассейн, оказались западнее приуральских венгров? Или ему известен факт их перемещения к западу от Урала, скрытый пока от исследователей региона?

Следующий пассаж Я.В. Пилипчука невольно заставляет вспомнить об исчезнувшей традиции дуэльных поединков, ибо он может подвести неискушенного читателя к сомнению в нашей – моей и моих коллег и соавторов, Н.Б. Крыласовой и А.М. Белавина – адекватности: «В последующем В. Иванов вместе с Н. Крыласовой и А. Белавиным пересмотрел ряд высказанных тезисов. Угорское население продвинулось в Восточную Европу через реки Миасс, Сок и Белую. Другим путем в регион был Сылвенско-Чусовской коридор» [Там же, с. 128]⁵. Здесь какие-либо комментарии просто излишни: пусть читатель сам возьмет географическую карту Урало-Поволжья и посмотрит, где находится и куда течет река Сок, якобы обозначенная нами, как один из путей продвижения древних венгров в Предуралье.

Далее следует краткий конспект нескольких страниц главы 5 нашей монографии (ср.: [Пилипчук, 2015а, с. 128–129 и Белавин и др., 2009, с. 81–89]) и попури из мнений С.Г. Боталова и других авторов (они у Я.В. Пилипчука приведены в сноске 15) относительно «включения бакальских мадьяр в состав кыпчаков», о наличии в составе узбекских племен рода маджар, в составе казахского племени кара-кыпчак рода мадияр, а в составе ногайцев рода эль-маджар. Причем С.Г. Боталову автор статьи приписывает мнение, которого он нигде не высказывал, об этнокультурной общности мадьяр и кыпчаков [Пилипчук, 2015 а, с. 130]. Примечательно, что в статье С.Г. Боталова и

⁴ Какой эры? В представлении А.Х.Пшеничникова, моем и других исследователей это произошло в середине IV в. до н.э.

⁵ И как всегда, конечно, без ссылки.

В.П. Костюкова, на которую ссылается Я.В. Пилипчук, о мадьярах вообще не сказано ни слова [Боталов, Костюков, 1993].

Завершает Я.В. Пилипчук свой опус кратким конспектом статьи венгерского исследователя Д.Габора: «Д. Габор считает ломоватовскую, кушнареновскую и караякуповскую культуры мадьярскими и отмечает несколько волн миграции с IV по VIII в. Самыми ранними мигрантами названы ломоватовцы, которые поддерживали активные контакты с Эраншахром» [Пилипчук, 2015а, с. 130]. Правда, сам Д. Габор при этом ссылается на О.Н. Бадера, В.А. Оборина, Е.П. Казакова, И. Фодора и автора этих строк [Габор, эл. ресурс], но для автора рассматриваемой статьи это уже не существенно⁶.

Безбожно коверкая высказывания и заключения своих предшественников, ссылаясь на какие-то несуществующие исследования⁷ автор статьи делает следующий «глубокий» вывод: «Таким образом, мы пришли к следующим выводам. Угорская составляющая присутствовала в раннесредневековой истории Прикамья. Угры занимали доминирующее положение среди полиэтнического населения края, однако через несколько поколений были ассимилированы местным оседлым финно-пермским населением. Часть угорского населения Прикамья с тюрко-аскелами переселилась на Среднедунайскую низменность. Время взаимодействия венгров с финно-пермскими народами датируется VI – началом IX в.» [Пилипчук, 2015а, с. 130]. Ну что тут скажешь? Приводить ссылки на многочисленные исследования наших коллег и наши предшествующих лет, автору статьи то ли неизвестные, то ли им сознательно проигнорированные, в которых все эти «выводы» детально обоснованы, только безмерно увеличивать объем настоящей статьи. Поэтому ограничусь тем, что выскажу свое мнение о том, что рассмотренная статья Я.В. Пилипчука, как и предыдущая, «ни о чем».

В 2017 г. выходит в свет очередная статья Я.В. Пилипчука, посвященная конкретной проблеме – определению территории расселения так называемых «восточных угров» в Восточной Европе в золотоордынское и постзолотоордынское время [Пилипчук, 2017]. Цель своей статьи автор определяет буквально с первых же строк: «Одним из до сих пор слабоизученных вопросов является вопрос с так называемыми восточными венграми, которые были известны в источниках как можеряне. До сих пор этой проблеме были посвящены лишь отдельные исследования, как например статьи И. Вашари и Р. Хаутала [17, р. 3–41; 13, с. 156–177]. Но в них, согласно латинским источникам, отдельно освещены история восточных венгров и история можерян. **Эти статьи не решили, а всего лишь поставили вопрос о истории восточных венгров в Золотой Орде и постордынских татарских государствах** (выделено мной – авт.). Именно этот аспект мы и хотим осветить в этой статье. В данном исследовании мы попытаемся отследить исходную территорию восточных венгров и пути их расселения. Необходимо также ответить на вопрос о причинах их исчезновения» [Пилипчук, 2017, с. 149]. И далее на двух с половиной страницах своего текста Я.В. Пилипчук отвечает на все поставленные вопросы⁸. Каким образом он это делает? Очень простым: пересказывает по типу школьного изложения содержание средневековых нарративов, исследованных

⁶ Я понимаю, Я.В. Пилипчуку хочется лишний раз выказать свой пиетет перед зарубежными коллегами. Желание не предосудительное. Но какую-то корректность по отношению к российским исследователям соблюдало следовало бы. Хотя...

⁷ Я.В.Пилипчук дважды (ссылка 15 и 16) ссылается на монографию Д.Н. Маслюженко «Этническая история лесостепного Притоболья в средние века», Курган, 2008. Известная монография курганского коллеги называется «Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века», Курган, 2008 [Маслюженко, 2008]. В ней на с. 61–69 (на которые ссылается Я.В. Пилипчук) говорится об этнополитической ситуации в Зауралье, в XIII–XIV вв. входившем в состав Улуса Шибана. К уграм-мадьярам это никакого отношения не имеет.

⁸ Для сравнения: Р. Хаутала для того, чтобы только «поставить вопрос», написал 21 страницу текста [Хаутала, 2016], И. Вашари делает то же самое на почти 40 страницах текста [Vasary, 1976].

Р. Хаутала и И. Вашари (с соответствующими ссылками, правда). В итоге делается «глубочайший» по своей научной значимости вывод: «Проведя исследование, **мы пришли к следующим выводам. Исходной территорией расселения восточных венгров было Заволжье** (выделено мной – авт.). Во времена монгольских завоеваний часть восточных венгров мигрировала на запад и стала жить на территории Мещеры. **Эта группа стала известна как можеряне** (выделено мной – авт.). Они были ассимилированы татарами-мишарями, а также русскими (после расселения проведенного русской властью на значительных пространствах Восточной Европы). **Восточные венгры как общность существовали до XVII в.** (выделено мной – авт.). Миссионерская деятельность католических священников принесла скромные результаты даже в XIV в. Одной из причин этого вероятно было противодействие со стороны русских православных иерархов и князей» [Пилипчук, 2017, с. 152].

Таким образом, Я.В. Пилипчук на двух с половиной страницах своего текста, во-первых, «подтвердил» (очевидно, и сам того не подозревая) сделанный задолго до него вывод о Заволжской (точнее – Уральской) прародине венгров [II Международный..., 2013; Фодор, 2015a]. Во-вторых, определил как доказанное **предположение** Р. Хаутала о возможном отождествлении «азиатских венгров» с «мачяринами» (то есть можарами/мадьярами), по велению государя Ивана III в 1483 г. переселенными из Касимовского ханства в Рязанское княжество [Хаутала, 2016, с. 173]. И, наконец, после И.Фодора⁹ [Фодор, 2015], дал ещё одну характеристику так называемых «восточных венгров». Правда, в отличие от своего предшественника, считавшего, что «немногочисленные венгерские группировки с течением времени потеряли свой язык и ассимилировались с местными этническими группами. Во всяком случае, до нового времени они нигде не сохранились» [Фодор, 2015, с. 189], Я.В. Пилипчук считает, что восточные венгры, **ассимилированные татарами-мишарями**, «как общность существовали до XVII в.» [Пилипчук, 2017, с. 152]. Вообще в общепринятом понимании и толковании ассимиляция – это «слияние одного народа (или его части) с другим путем усвоения его языка, обычаев и т.п. и утраты своего языка, культуры и национального самосознания» [Словарь иностранных..., 1988, с. 57]. Поэтому приведенное выше умозаключение автора рассматриваемой статьи является ничем иным, как его, автора, ноу-хау.

У писателя Владимира Солоухина я прочел такую фразу: «Один факт – случайность. Два – преднамеренность. Три – тенденция». Четыре факта – это, надо полагать, уже закономерность. В связи с этим обратимся к ещё одной статье Я.В. Пилипчука, опубликованной в 2018 г. и посвященной «целостной исторической реконструкции истории Средневековой Башкирии». А задачей своей статьи автор ставит «анализ главных вопросов истории средневековой Башкирии» [Пилипчук, 2018, с. 135–136].

На сей раз при анализе указанной статьи я буду предельно краток. Ибо и приводимых фактов вполне достаточно для того, чтобы оценить её научное качество. Начну с того, что современную историографию средневековой истории башкир автор не знает. К моменту выхода его статьи уже в текущем столетии были опубликованы шесть монографий по данной теме [Антонов, 2006; 2012; 2013; Иванов и др., 2013; Злыгостев, 2015; Иванов, Злыгостев, 2017]. Из них Я.В. Пилипчуку оказалась известна только одна работа [Антонов, 2012], на которую он в своей статье ссылается трижды.

«Анализ главных вопросов» у автора, как и следовало ожидать, сводится к перечню имен исследователей проблемы по принципу X сказал это, Y сказал то, а Z написал вот это – без малейшего намека на историографический анализ.

Поскольку сам Я.В. Пилипчук археологическим материалом не владеет, в своих построениях ему приходится опираться на дискурсы других исследователей. А именно здесь как раз и нужен скрупулезный историографический анализ, поскольку проблемы этнической истории Южного Урала и Предуралья всё ещё остаются предметом дискус-

⁹ Исследования которого автор рассматриваемых статей не упоминает вообще.

сий, зачастую весьма ожесточенных. Но Я.В. Пилипчук идет своим излюбленным путем: он выбирает кого-то одного из исследователей¹⁰ и, кратко пересказав его суждения и выводы¹¹, делает свои, как ему кажется, оригинальные выводы.

Так, излагая историю Южного Предуралья в Эпоху великого переселения народов, автор рассматриваемой статьи просто сокращенно пересказывает дискурс Н.А. Мажитова, изложенный им в соответствующей главе 2-го тома «Истории башкирского народа»¹² [История башкирского народа. Т. 2., 2012, с. 123–146]. В результате появляется следующий, странный по смыслу пассаж: **«Вследствие контактов гуннов с прикамскими племенами в бассейне Камы появились тураевские курганы (выделено мной – авт.)»**¹³. Самая большая группа кочевников, которая *выйшла*¹⁴ за границы степи, обосновалась в районе рек Уфа и Белая. Там до гуннов жило сравнительно многочисленное **пермское и сарматское население**¹⁵. Там возникла общность известная в специальной литературе как турбаслинская культура. В районе Белой и Уфы **гунны столкнулись с носителями ананьинской и карабызовской культуры**¹⁶ (выделено мной – авт.). Местное пермское и сарматское население было разбито и подчинено гуннами. *С временем вследствие взаимодействия с местными у гуннов появляются стационарные поселения и развивается земледелие»* [Пилипчук, 2018, с. 137].

Подобные пассажи составляют все 24 страницы текста рассматриваемой статьи (1,5 п.л.). Приводить их все – значит перегружать и без того уже объемный текст настоящей работы. Но один из этих пассажей я все-таки приведу ещё один, впечатляющий своей невразумительностью: «А. Белавин считал¹⁷, что племя эсегель арабо-персидских источников это секеи, которые не *уйшли* на запад. С ними исследователь сопоставлял носителей угорских неволинской, ломомской, ломоватовской культур. А. Халиков считал неволинцев и ломоватовцев тюрко-угорским населением. Он считал, что они были секеями. К сожалению, свидетельств источников слишком мало о том, чтобы говорить о том, что эсгели это секеи. **Предположение Д. Хвольсона остается лишь гипотезой** (выделено мной – авт.). Первые достоверные сведения о секеях датированы лишь XII в. Куда продуктивнее называть угорское населения Прикамья ломоватовцами, неволинцами, ломомцами» [Там же, с. 147].

Упоминание Д.А. Хвольсона в данном пассаже лишено всякого эмпирического смысла (разве только как свидетельство того, что и этого автора Я.В. Пилипчук знает). Но если уж у него было желание хотя бы как-то обозначить историографию эсегелей-секеев, то следовало бы начать именно с Д.А. Хвольсона (1869 г.), предполагавшего, что «это известие Ибн-Даста (*об эсегелях* – авт.), очевидно, должно принимать не в географическом, а этнографическом смысле, то есть, Ибн-Даста хочет этим сказать, что три упомянутые им здесь племена (берсула, эсегель и болгар – авт.) были сродны между собою, а не то чтобы они были соседями друг другу» [Хвольсон, 1869, с. 92]. А.Х. Халиков (1987) действительно **допускал**, что неволинско-ломомские племена могли быть «булгарскими эсегелями».

¹⁰ Складывается впечатление, что первого, попавшегося под руку.

¹¹ Подчас, достаточно спорные.

¹² Получившего критическую рецензию [Васильев и др., 2014].

¹³ Вообще ни кому из исследователей региона, обращавшихся к материалам Тураевских курганов – В.Ф.Генинг, Г.И.Матвеева, Д.В.Шмуратко, Р.Д.Голдина, В.А.Бернц – в голову ни приходило отождествлять «тураевцев» с гуннами [Голдина, Бернц, 2010, с. 148–160].

¹⁴ Здесь и ниже – орфография Я.В. Пилипчука.

¹⁵ Если под пермским населением ещё можно видеть носителей мазунинской/бахмутинской культуры, то откуда там взялись сарматы?

¹⁶ Ко времени прихода в регион «турбаслинцев» уже не существовавшими.

¹⁷ Почему в прошедшем времени, если профессор А.М. Белавин, слава Богу, жив-здоров и не отказывается от своего мнения, высказанного в 2016 г.?

Поскольку Я.В. Пилипчук в данном пассаже на А.Х. Халикова не ссылается, довольствуясь пересказом фрагмента из статьи А.М. Белавина, приведу здесь соответствующую цитату: «В VII–VIII вв. начинается расцвет неволинской и ломовской археологических культур..., в которых (прежде всего в керамике, поясных наборах, украшениях) наблюдаются значительные отличия от кушнареновско-караякуповской (протомадьярской) культуры. Поэтому **нельзя исключить и не финно-угорский, возможно, тюркоязычный этнос неволинско-ломовских племен (болгарские эсегелы IX–X вв.)** (выделено мной – авт.)» [Халиков, 1987, с. 21].

И, наконец, А.М. Белавин **считает** (2016 г.), что «начиная с VIII в. носители угорских неволинской, ломоватовской и ломовской археологических культур Прикамья (выделено мной – авт.), находившихся на территории Пермского края и республики Удмуртия, частично переселяются на Среднюю Волгу и Нижнюю Каму... Возможно, эти племена описаны в письменных источниках как “эсегелы болгарские” (Аш. к.л., Ас.к.л.) – “старые племена”. Впервые это имя появляется у Ибн-Русте (первое десятилетие X в.) при перечислении трех разрядов болгар: берсула, эсегель (ас.к.л) и болгары» [Белавин, 2016, с. 72]. И у меня остается единственный вопрос: в чем смысл фразы, завершающей процитированный выше пассаж Я.В. Пилипчука?

И, как водится у Я.В. Пилипчука, завершают статью «далеко идущие», а главное «оригинальные» выводы: «Таким образом, мы пришли к следующим выводам. Древнеугорское лесостепное население было ассимилировано тюрками в XI в. Чияликцы же были более поздним населением *связанным* происхождением с сибирскими уграми...» [Там же, с. 149]. Какое «древнеугорское лесостепное население» и главное – какими «тюрками» было ассимилировано в XI в.? В X–XI вв. в Предуралье обитали угорские этнические группы угров, представленные памятниками петрогромско-мрясимовского типа¹⁸. Их в XII в. сменили родственные им носители чияликской культуры – тоже угры. В Среднем Прикамье на основе позднеломоватовской (угорской) культуры на рубеже XI–XII вв. формируется родановская археологическая культура – Пермь Великая [Очерки археологии, 2002, с. 162–166].

Заключение

Итак, пользуясь лексиконом автора рассмотренных статей, «мы пришли к следующим выводам»:

- доктор исторических наук Я.В. Пилипчук весьма слабо владеет компетенциями и навыками источниковедческого и историографического анализа (если вообще ими владеет);
- единственно, в чем он изрядно поднаторел, это составление и публикация огромных списков имен средневековых нарративистов и исследователей-дискурсантов, в разное время занимавшихся и занимающихся проблемами этнокультурной и этнополитической историей Урало-Поволжья в эпоху средневековья;
- высказывания и выводы своих предшественников Я.В. Пилипчук излагает по принципу библиографических аннотаций, абсолютно не утруждая себя действительно историографическим анализом;
- позитивным является то обстоятельство, что свои опусы по истории Урало-Поволжья Пилипчук публикует в изданиях, в географическом и эмпирическом контекстах далеких от нашего региона¹⁹. Это представляет своеобразную прививку для иссле-

¹⁸ Статью Г.Н. Гарустовича, опубликованную ещё в 2011 г. [Гарустович, 2011], прочесть-то, наверное, можно было бы?

¹⁹ Исключением является журнал «Историческая этнология», издаваемый Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ, в одном из номеров которого опубликован опус Я.В. Пилипчука о буртасах [Пилипчук, 2018а]. Но анализировать ещё и его не позволяет уже ни объем данной статьи, ни иссякшие моральные силы её автора, т.е. мои.

дователей, особенно молодых, от псевдонаучных «бацилл», которыми просто перенасыщены опусы Пилипчука. Характерно, что это присуще не только опусам названного автора, затрагивающим проблемы финно-угорской истории, но и его работам по истории средневековых кочевников Евразийских степей. Они так же, т.е. отнюдь не положительно, оценены специалистами [Нарожный, 2020; Тимохин, Тишин, 2020].

Библиографический список

1. Антонов И.В. Этническая история Волго-Уральского региона в XIII – начале XV вв. (историко-археологическое исследование). – Уфа, 2006. – 238 с.
2. Антонов И.В. Башкиры в эпоху средневековья (очерки этнической и политической истории). – Уфа, 2012. – 308 с.
3. Антонов И.В. Средневековые башкиры. – Уфа: Китап, 2013. – 192 с.
4. Белавин А.М. Западное Приуралье в составе Булгарского государства // История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. – С. 72–85.
5. Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. – Уфа: Издательский дом БГПУ, 2009. – 281 с.
6. Боталов С.Г., Костюков В.П. Кыпчакские погребения XI–XII вв. в Южном Зауралье // Новое в средневековой археологии Евразии. – Самара, 1993. – С. 42–49.
7. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <https://old.bigenc.ru/sociology/text/1958366> (дата обращения: 10.11.2022).
8. Васильев Д.В., Иванов В.А., Кореняко В.А. История башкирского народа в семи томах. Т. II / ред. коллегия С.Г. Кляшторный, В.В. Овсянников, А.В. Псянчин, Ф.Г. Хисамитдинова; науч. рук. издания М.М. Кулынарипов. – Уфа: Гилем, 2012. – 414 с. // Российская археология. – 2014. – № 4. – С. 162–177.
9. Габор Д. Древняя история мадьяр в зеркале истории Евразии. [Электронный ресурс]. – URL: <http://enu.kz/repository/repository2013/DREVNIAIA-ISTORIA-MAD'IAR.pdf> (дата обращения: 10.11.2022).
10. Гарустович Г.Н. Погребальный обряд Бакалинского курганного могильника эпохи средневековья // Уфимский археологический вестник. – 2011. – Вып. 11. – С. 80–95.
11. Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть): материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 17. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. – 499 с.
12. Дьёни Габор, Овчинникова Бронислава. Протовенгры на Урале в трудах венгерских и российских ученых. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. – 196 с.
13. Злыгостев В.А. И нагрянула черная рать... [Монгольское завоевание Южного Урала. 1205–1245]. Уфа: Китап, 2015. – 132 с.
14. Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. – Уфа: Гилем, 1999. – 123 с.
15. Иванов В.А., Злыгостев В.А., Антонов И.В. Южный Урал в эпоху Средневековья (V–XVI века н.э.). – Уфа, 2013. – 280 с.
16. Иванов В.А., Злыгостев В.А. Это были башкиры... – Уфа: Китап, 2017. – 128 с.
17. Мажитов Н.А. Исторический Башкортостан и формирование башкирского народа // История башкирского народа: в 7 т./ гл. ред. М.М. Кулышарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. – Уфа: Гилем, 2012. – 416 с.
18. Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века: монография. – Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2008. – 168 с.

19. *Нарожный Е.И.* Из истории изучения средневекового вооружения XIII–XIV вв. (юбилейная и полемические заметки) // Археология евразийских степей. – 2020. – № 6. – С. 301–315.
20. Очерки археологии Пермского Предуралья: учебное пособие для студентов и аспирантов / Перм. гос. пед. ун-т; под ред. А.М. Белавина. – Пермь, 2002. – 253 с.
21. *Пилипчук Я.В.* Башкирсько-угорська проблема (дискурс джерел та стереотипи історіографії) // Український історичний збірник. – 2015. – Вип. 18. – С. 288–300.
22. *Пилипчук Я.В.* Предыстория венгров и венгеро-пермская проблема // Гасырлар авазы – эхо веков. – 2015а. – № 1/2. – С. 121–132.
23. *Пилипчук Я.В.* Східні угорці Західноєвразійських степів та Східної Європи (XIII–XVI вв.) // Науковий журнал. – 2017. – 19–20. – С. 149–153.
24. *Пилипчук Я.В.* Иштякская проблема. Башкиры в эпоху Средневековья // Туркология. – 2018. – № 5. – С. 135–152.
25. *Пилипчук Я.В.* Кем были буртасы? // Историческая этнология. – 2018. – № 3. – С. 252–266.
26. *Тимохин Д.М., Тишин В.В.* Рецензия на монографию о социальной истории кыпчаков в IX–XIII вв. Пилипчук Я.В. Соціальна історія кипчаків у IX–XIII ст. – Київ – Вінниця: Національний педагогічний університет ім. М.П. Драгоманова, ТОВ «ТВОРИ», 2018. – 340 с. // История, археология и этнография Кавказа. – 2020. – Т. 16, № 1. – С. 210–226.
27. *Тимощук Е.А.* Дискурсивный анализ как феноменологическая стратегия социокультурного описания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2012. – Вып. 4 (12). – С. 66–73.
28. *Филлипс Н., Харди С.* Что такое дискурс-анализ? // Современный дискурс-анализ. – 2009. – Вып. 1, т. 1. – С. 49–64.
29. *Фодор И.* Венгры: древняя история и обретение родины. – Пермь: ООО «Типография «ЗЕБРА», 2015а. – 132 с.
30. *Фодор И.* Судьба восточных венгров после монгольского нашествия // Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения: сб. ст. междунар. конф. К 80-летию профессора М.А. Усманова. – Казань, 2015. – С. 185–192.
31. *Фуко Мишель.* Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебряниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.
32. *Халикова Е.А.* Magna Hungaria // Вопр. истории. – 1975. – № 7. – С. 37–42.
33. *Халикова Е.А.* Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // Советская археология. – 1976. – № 3. – С. 141–156.
34. *Халиков А.Х.* Узловые проблемы средневековой археологии Среднего Поволжья и Прикамья // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. – Уфа: БФ АН СССР, 1986. – С. 19–26.
35. *Хаутала Р.* Сведения о заволжских мадьярах в латинских источниках XIII–XV веков // История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – С. 156–177.
36. *Хвольсон Д.А.* Известия о хазарах, буртасах, мадьярах, славянах и руссах – Абу-Али-Ахмеда-бен Омара-Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века по рукописи Британского музея. – СПб., 1869. – 199 с.
37. *Шушарин В.П.* Ранний этап этнической истории венгров. – М., 1997. – 507 с.
38. *Chalikova E.A., Chalikov A.H.* Altungarn an der Kama und im Ural. Das Graberfeld von Bolshie Tigani. – Budapest, 1981.
39. II Международный Мадьярский симпозиум: сб. науч. тр. – Челябинск: Рифей, 2013. – 256 с.

-
40. *Rona-Tas A.* Hungarians and Europe in Early Middle Ages. – Budapest, 1999. – 566 p.
41. *Spinei V.* The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century. – Cluj-Napoca, 2003. – 835 p.
42. *Vasary I.* The Hungarians or Možars and Meščers / Mišers of the Middle Volga Region // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vo. 1. Lisse: Peter de Ridder Press, 1976. – P. 3–41.

Сведения об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, Россия, г. Уфа, e-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

Vladimir A. Ivanov, doctor of Historical Sciences, professor of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, e-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

УДК 902/904

DOI: 10.24412/2658-7637-2023-22-34-40

Г.Т. Обыденнова¹, А.С. Проценко², Е.В. Русланов³, Р.Р. Русланова⁴**БАШКИРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ – ФЕНОМЕН РАЗВИТИЯ
МОЛОДОЙ АРХЕОЛОГИИ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ**¹Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Уфа, Российская Федерация²Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа»,
Уфа, Российская Федерация³Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН,
Уфа, Российская Федерация⁴Национальный музей Республики Башкортостан,
Уфа, Российская Федерация

В статье рассматривается история становления и развития Башкирской археологической студенческой конференции, начиная с момента создания (2002 г.), когда она прошла в стенах Башкирского государственного университета и до настоящего времени. Дается краткий обзор проведенных научных мероприятий, приводятся количественные данные по составу участников и тематике представленных докладов. Отмечается эффективная и отчасти уникальная по своей специфике роль конференции для апробации научных исследований студентов вузов как республики, так и сопредельных территорий. Возрождение традиции проведения конференции на регулярной основе позволило стать столице Башкортостана одним из центров молодой археологии Урало-Поволжского региона. Подтверждением этому является ежегодное увеличение участников конференции.

Ключевые слова: региональная археология, студенческая конференция, Республика Башкортостан, Урало-Поволжье.

G.T. Obydennova¹, A.S. Protsenko², E.V. Ruslanov³, R.R. Ruslanova⁴**BASHKIR ARCHEOLOGICAL STUDENT CONFERENCE –
A PHENOMENON OF DEVELOPMENT OF
YOUNG ARCHEOLOGY OF THE URAL-VOLGA REGION**¹Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russian Federation²Republican Historical and Cultural Museum-Reserve "Ancient Ufa", Ufa, Russian Federation³Orders Badge of Honor Institute of History, Language and Literature UFITs RAS,
Ufa, Russian Federation⁴National Museum of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russian Federation

The article discusses the history of formation and development of the Bashkir Archaeological Student Conference, starting from the moment of its creation (2002), when it was held within the walls of the Bashkir State University and up to the present. A brief overview of the scientific events carried out and the quantitative data on the composition of participants and the topics of the reports presented is given. The effective and partly unique in its specificity, the role of the conference for approbation of scientific research of university students both in the republic and adjacent territories is noted. The revival of the tradition of holding a conference on a regular basis has made it possible to become the capital of Bashkortostan, one of the centers of young archeology in the Ural-Volga region. This is confirmed by the annual increase in a number of conference participants.

Key words: regional archeology, student conference, Republic of Bashkortostan, Ural-Volga region.

Введение

Подготовка научных (археологических) кадров в Башкирии на протяжении многих десятилетий осуществлялась на базе двух университетов: БГПИ (ныне – БГПУ им. М. Акмуллы) и БашГУ (ныне – Уфимский университет науки и технологий), выпускники исторических факультетов после обучения в аспирантуре либо оставались в стенах родного университета, либо переходили на работу в научные институты или музейные учреждения. В результате к началу XXI в. в республике сложились научные центры со своими традициями и научной школой.

Современный этап подготовки молодых кадров испытывает определенные кризисные явления, связанные в первую очередь либо с закрытием очной аспирантуры, либо перевод ее на коммерческие рельсы (открыт прием только на коммерческой основе с баснословными ценами за обучение). Отчасти по данной причине на сегодняшний момент на территории республики отсутствуют молодые исследователи (аспиранты), которые обучаются по профилю археологии (5.6.3. Археология). Исключительным явлением и феноменом, направленными на консолидацию начинающих археологов как из республиканских научных центров, так и Урало-Поволжского региона, в создавшейся ситуации является Башкирская археологическая студенческая конференция (далее – БАСК), вновь возрожденная усилиями авторов в 2021 г. [Русланов, Русланова, 2021, с. 3–9].

Основная часть

БАСК с момента своего создания (2002), на долгие годы стала флагманом в научных выступлениях и определенным трамплином для молодого поколения археологов республики.

Своим появлением конференция обязана кипучей деятельности д.и.н., профессора М.Ф. Обыденнова, к.и.н., доцента А.Н. Султановой и А.Л. Банникова, по инициативе которых 16 ноября 2002 г. на базе БашГУ состоялась I БАСК [Обыденнов, Банников, 2002, с. 3–4]. Тогда в работе конференции приняли участие 15 студентов, представлявших Сибайский институт БашГУ, Стерлитамакский ГПИ, ВЭГУ, БашГУ, БАКБ при БашГУ*. По решению оргкомитета следующая БАСК должна была пройти в стенах Стерлитамакского ГПИ. С этого момента БАСК стала практически ежегодным явлением, успев побывать во всех археологических центрах республики, сконцентрированных в крупных городах (табл. 1).

Таблица 1

Организации и города-участники БАСК

№ п/п	Даты	Организация	Город
I	16.11.2002 г.	БашГУ	Уфа
II	26–27.03.2005 г.	Бирская государственная социально – педагогическая академия	Бирск
III	11.12.2010 г.	Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. З. Бишовой	Стерлитамак
IV	16.12.2011 г.	Сибайский филиал БашГУ	Сибай
V	15.12.2012 г.	БашГУ	Уфа
VI	14.12.2013 г.	БГПУ им. М. Акмуллы	Уфа
VII	20.12.2014 г.	Стерлитамакский филиал БашГУ	Стерлитамак
VIII	11–12.12.2015 г.	БашГУ	Уфа
IX	16.12.2016 г.	БашГУ	Уфа
X	16.12.2021 г.	БГПУ им. М. Акмуллы/НМ РБ/АО РБ	Уфа
XI	8.12–10.12 2022 г.	БГПУ им. М. Акмуллы/НМ РБ/АО РБ/ИИЯЛ УФИЦ РАН	Уфа

* Стерлитамакский ГПИ в дальнейшем стал Стерлитамакской государственной педагогической академией им. З. Бишовой, а ныне Стерлитамакский филиал БашГУ; ВЭГУ – Восточный институт экономики, гуманитарных наук, управления и права; БАКБ при БашГУ – Башкирская академия комплексной безопасности предпринимательства при БашГУ.

Как уже отмечено, проведение II БАСК было запланировано в г. Стерлитамаке, но по неизвестным для нас причинам было перенесено в г. Бирск, где конференция проходила в марте 2005 г. в стенах Бирской государственной социально-педагогической академии [II Башкирская археологическая ..., 2005].

Стерлитамаку пришлось ждать БАСК целых 5 лет – только в 2010 г. на базе Стерлитамакской государственной педагогической академии им. З. Бишовой прошла III БАСК.

Надо отметить, что эта конференция стала во многом знаковой: с 2010 по 2016 г. БАСК проходила регулярно, появились устоявшиеся (удобные для учебного плана) даты проведения – начало-середина декабря. Именно тогда сформировался основной состав участников конференции, на долгие годы определивший специфику работы секций.

Следующие БАСК прошли последовательно в Сибее, Уфе, в Стерлитамаке и далее снова в Уфе. Таким образом, традиционно БАСК становится столичной конференцией, проходя в ведущих вузах республики – четыре раза в родном для конференции БашГУ и три раза (в 2013 и 2021–22 гг.) в стенах БГПУ им. М. Акмуллы.

Конференция была запланирована как студенческая, предваряющая крупные конференции региона и служила платформой для обсуждения докладов начинающих исследователей Башкортостана [Обыденнов, Банников, 2002, с. 3–4; Султанова, 2012, с. 3]. В состав экспертного жюри привлекались ведущие специалисты-археологи республики. Изначально конференция опиралась в основном на студенческий потенциал республики (I–III БАСК), но, начиная с БАСК, прошедшей в г. Сибее, мероприятие значительно расширило свою географию, включив практически весь Урало-Поволжский регион, а отчасти Сибирь и Казахстан [IV Башкирская археологическая ..., 2011].

За время существования конференции в ней приняли участие 273 учащихся (по уровням специалитета, бакалавриата, магистратуры и аспирантуры) из 27 городов, в том числе из Уфы (87 человек), из Стерлитамака, Сибая и Бирска, представив в общей сложности 256 докладов (табл. 2).

Таблица 2

Количественный состав участников по городам

№ п/п	Город/ организация	Порядковый номер БАСК											Итого
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	
1	Уфа/БГУ	7	5	2	3	6	1	2	2	6	3	1	37
	Уфа/БГПУ		3	3	4	4	5	3	1	1	2		26
	Уфа / МЗ «Древняя Уфа»							3	2	2	4		11
	Уфа/ИИЯЛ УФИЦ РАН			1	1						3	1	6
	Уфа / ГБУ НПЦ				2	2							4
	Уфа / Национальный музей РБ										1	2	3
	Уфа/ВЭГУ	1											1
2	Стерлитамак	4	3	4	7	7	5	2					32
3	Сибай	3	1	7	2	1							14
4	Бирск		3		3								6
5	Оренбург				3	4	2	7	6		2	1	25
6	Курган				3	1		4		4	2		12
7	Ижевск							1	4	1	3	4	13
8	Челябинск				1		4	1	1			1	8
9	Пермь						1		2		4	5	12
10	Киров										6		6
11	Ульяновск								3	2			5
12	Казань				1				2				3

Окончание табл. 2

№ п/п	Город/ организация	Порядковый номер БАСК											Итого
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	
13	Екатеринбург				1		1			1		2	5
14	Орск					3							3
15	Тобольск				2								2
16	Самара										2		2
17	Тюмень										2	4	6
18	Пенза					1				1			2
19	Елабуга									2		7	9
20	Москва				1	1							2
21	Астана (Казахстан)				1				1				2
22	Набережные Челны										1	7	8
23	Новосибирск				1								1
24	Шадринск						1						1
25	Чита											2	2
26	Санкт-Петербург											1	1
27	Астрахань											1	1
Общее кол-во участников		15	15	17	36	30	20	23	24	20	35	38	273

Отработанные на БАСК доклады, расширенные тематически, «отшлифованные» и дополненные иллюстративным материалом, были с успехом озвучены на других конференциях (Урало-Поволжской археологической и Российской археолого-этнографической студенческих конференциях). Немаловажным фактором дальнейшего становления специалиста-археолога был и опыт публичных выступлений, а также практика в ведении научного дискурса, полученные участниками в дружеской и комфортной обстановке башкирской конференции.

Специфика докладов отражает региональную направленность в изучении тех или иных исторических периодов. В выступлениях преобладают доклады по проблемам эпохи бронзы, раннего железа, Средневековья, затем примерно поровну распределялись опубликованные тезисы по эпохе камня, Нового времени, вопросам историографии и проблемам сохранения ОКН (табл. 3).

Таблица 3

Тематика статей участников БАСК

БАСК	Камень	Бронза	РЖВ	СВ	Новое время	Охрана ОКН	Историография	Итого
I	1	2	3	1		1		8
II		2	6	5			2	15
III	1	3	4	3	1		5	17
IV	1	12	9	3	3	3	2	33
V	1	6	9	10	1	2		29
VI		6	8	3	1	1	1	20
VII		6	6	4	2	2		20
VIII		6	3	11	1		2	23
IX	11	5		7	3	2		28
X	2	2	3	11	1	6	3	28
XI	3	1	9	17	4		1	35
Итого	20	51	60	75	17	17	16	256

Последние две конференции VIII и IX были организованы во многом силами студентов и преподавателей БашГУ. Вероятно, не видя дальнейших перспектив по развитию БАСК, а также инициативы у других образовательных учреждений республики, оргкомитет принял решение на время приостановить проведение конференций [VIII Башкирская археологическая..., 2015; АрхЛаб. IX Башкирская археологическая конференция..., 2016].

БАСК, являясь по целям и формату проведения молодежной площадкой для научной апробации исследований, на 5 лет прекратила свою деятельность. Ощущая потребность в решении возникшей проблемы, инициативная группа археологов БГПУ им. М. Акмуллы в 2018 г. провела собственную конференцию, на которой было заслушано 12 докладов от представителей Уфы (8 человек), Оренбурга, Екатеринбурга, Челябинска и Перми [Молодая археология Урала и Поволжья..., 2018]. К сожалению, практика проведения «Молодой археологии Урала и Поволжья» в педагогическом университете не закрепились, организация молодежных археологических конференций в республике практически прекратилась. Здесь стоит отметить, что единственной площадкой для молодых исследователей осталась секция археологии при научно-практической конференции молодых ученых «Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность», организаторами которой являются члены Совета молодых ученых Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук [Ахатов, 2022, с. 122].

Весной 2021 г. авторами данной работы начался процесс подготовки к юбилейной X Башкирской археологической студенческой конференции, которая прошла в стенах БГПУ им. М. Акмуллы и была приурочена к 100-летию отдела археологии Национального музея Республики Башкортостан и 10-летию музея-заповедника «Древняя Уфа». Организаторами конференции выступили РОО «Археологическое общество Республики Башкортостан», музей-заповедник «Древняя Уфа» и Национальный музей Республики Башкортостан. В 2022 г. эстафету принял Институт исторического, правового и социально-гуманитарного образования педагогического университета (мероприятие было приурочено к 100-летию Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН и 130-летию со дня рождения исследователя уфимских древностей Петра Федоровича Ищериков). Необходимо отметить, что оргкомитет БАСК на протяжении двух лет, помимо самой конференции, организовал насыщенную культурную программу, участники побывали в музеях столицы республики, участвовали в интересных мастер-классах. Решением оргкомитета следующая конференция пройдет на базе Национального музея Республики Башкортостан в декабре 2023 г.

Обсуждение

Трудно переоценить те результаты, которые были получены в процессе подготовки и проведения конференций. Отметим лишь основные достижения.

Благодаря витку интереса студентов к археологии, их желанию продемонстрировать итоги ежегодных полевых и камеральных исследований на совместных научных собраниях, сложился костяк молодых археологов Башкортостана. Безусловно, большую роль в их вычленении из общей массы многочисленного на то время студенческого сообщества, их формировании как молодых специалистов, в поддержке молодых инициатив и проведении конференции сыграли ведущие археологи вузов республики – Н.А. Мажитов, М.Ф. Обыденнов, А.Н. Султанова, В.А. Иванов, Н.С. Савельев, Г.Т. Обыденнова, С.В. Сиротин, И.М. Акбулатов, И.И. Бахшиев и др.

Выступления на БАСК стимулировали студентов принимать участие и в более крупных конференциях – практически каждый участник побывал в дальнейшем на Урало-Поволжской студенческой конференции и обзавелся там внушительным кругом друзей и единомышленников. Результатом этого отчасти стало проведение XLI УПАСКа в

2009 г. на базе БашГУ [Тамимдарова, 2009, с. 172–174], организаторами которого явились в основном студенты-участники различных БАСКов.

БАСК способствовала профессиональному росту и становлению 25 молодых археологов республики, так или иначе связавших свою судьбу с изучением древностей Южного Урала. Из них 5 человек стали кандидатами исторических наук (И.И. Бахшиев, С.Л. Воробьева, Р.Р. Русланова, Е.В. Русланов, А.С. Проценко), 23 человека имеют возможность получать Открытые листы. Практически все из них (21 человек) работают в организациях, связанных с археологической деятельностью.

И, наконец, БАСК – это консолидирующая платформа, дающая возможность молодым начинающим археологам разных вузов и организаций знакомится как друг с другом, так и с профессиональными учеными, формируя неповторимое по душевной теплоте сообщество в мире вузовской науки, создавая тоем самым сменяемость поколений.

Заключение

Хотим отметить, что БАСК – это эффективная и уникальная по своей специфике площадка для апробации научных исследований студентов вузов как республики, так и сопредельных территорий. Конференция имеет хорошие перспективы для продолжения своего существования, увеличения числа участников, появления интересных научных работ и формирования молодых специалистов-археологов Республики Башкортостан, Урало-Поволжья и России в целом. Возрождение традиции проведения конференции на регулярной основе позволило стать столице Башкортостана, городу Уфе, одним из центров молодой археологии Урало-Поволжского региона. Подтверждением этому является ежегодное увеличение участников конференции (см. табл. 2).

Отчасти благодаря авторам настоящей статьи спустя 15 лет Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция в 2024 г. пройдет в Уфе, на базе Уфимского университета науки и технологий. Участие в XI БАСК начинающих археологов и преподавателей из пяти округов (Северо-Западного, Поволжского, Уральского, Сибирского, Дальневосточного, Южного) позволило выйти конференции на новый, федеральный уровень, в прошедшем году БАСК получила приставку «всероссийская конференция». Стоит только надеется, что в результате проведения подобного рода мероприятий в республике появятся серьезные молодые исследователи, которые смогут сохранить и приумножить начинания предшествующих поколений археологов.

Библиографический список

1. АрхЛаб. IX Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых: сборник научных статей / отв. ред. Р.Р. Русланова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – Вып. 2. – 94 с.
2. Ахатов А.Т. Из истории проведения Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых «Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность» (2006–2021 гг.) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. – 2022. – Т. 12, № 2. – С. 122–131.
3. Молодая археология Урала и Поволжья: сборник научных статей / ред. колл. В.А. Иванов, А.С. Проценко, Н.Н. Атнабаев. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2018. – 72 с.
4. Обыденнов М.Ф., Банников А.Л. Первая Башкирская археологическая студенческая конференция // От древности к новому времени. Проблемы истории и археологии: сб. науч. работ / отв. ред. М.Ф. Обыденнов. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – Вып. 5. – С. 3–4.
5. Русланов Е.В., Русланова Р.Р. Башкирские археологические студенческие конференции: история становления, этапы развития, первые итоги и перспективы // X Башкирская археологическая студенческая конференция (X БАСК): материалы научной конференции, посвященной 100-летию отдела археологии Национального му-

зая Республики Башкортостан и 10-летию с момента создания ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа» (г. Уфа, 16 декабря 2021 г.) / отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Е.В. Русланов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С. 3–9.

6. *Султанова А.Н.* Приветственное слово // V Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых: мат. рег. научн. конф. / отв. ред. А.Н. Султанова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. – С. 3.

7. *Тамимдарова Р.Р.* XLI Международная Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых // Уфимский археологический вестник. – 2009. – № 9. – С. 172–174.

8. II Башкирская археологическая студенческая конференция: тезисы докладов / отв. ред. И.М. Акбулатов. – Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2005. – 65 с.

9. IV Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых (IV БАСК): материалы конференции / отв. ред. И.И. Бахшиев. – Сибай: ГУП РБ «Сибайская городская типография», 2011. – 141 с.

10. VI Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых: материалы региональной научной конференции / ред. колл. В.А. Иванов, Г.Т. Обыденнова, А.С. Проценко. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. – 75 с.

11. VII Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых: сб. материалов регион. научной конференции (г. Sterlitaamak, 20 декабря 2014 г.) / отв. ред. С.В. Сиротин. – Sterlitaamak: Sterlitaamakskiy filial BashGU, 2014. – 108 с.

12. VIII Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых: материалы региональной научной конференции (г. Уфа, 11–12 декабря 2015 г.) / отв. ред. А.Н. Султанова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – 128 с.

13. X Башкирская археологическая студенческая конференция (X БАСК): материалы научной конференции, посвященной 100-летию отдела археологии Национального музея Республики Башкортостан и 10-летию с момента создания ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа» (г. Уфа, 16 декабря 2021 г.) / отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Е.В. Русланов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – 132 с.

14. XI Башкирская археологическая студенческая конференция (XI БАСК): сборник статей Всероссийской научной конференции (г. Уфа, 8–10 декабря 2022 г.) / отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Е.В. Русланов. – Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2022. – 126 с.

Сведения об авторах:

Обыденнова Гюльнара Талгатовна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и культурного наследия, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы (БГПУ им. М. Акмуллы), г. Уфа, e-mail: gto1104@mail.ru

Проценко Антон Сергеевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии, Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа» (РИКМЗ «Древняя Уфа»), г. Уфа, e-mail: anton.procenko@mail.ru

Русланов Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, г. Уфа, e-mail: butleger@mail.ru

Русланова Рида Раисовна, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии, Национальный музей Республики Башкортостан, г. Уфа, e-mail: ridushka@mail.ru

Gyulnara T. Obydenнова, doctor of Historical Sciences, professor. M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa, e-mail: gto1104@mail.ru

Anton S. Protsenko, candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Archeology, Republican Historical and Cultural Museum-Reserve "Ancient Ufa", Ufa, e-mail: anton.procenko@mail.ru

Evgeny V. Ruslanov, candidate of Historical Sciences. the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the RAS, Ufa, e-mail: butleger@mail.ru

Rida R. Ruslanova, candidate of Historical Sciences, The National Museum of the Republic of Bashkortostan, Ufa, e-mail: ridushka@mail.ru

УДК 902

DOI: 10.24412/2658-7637-2023-22-41-56

К.А. Руденко**НАХОДКИ СТРЕМЯН НА БУЛГАРСКИХ СЕЛИЩАХ
X–XIV ВВ. В НИЗОВЬЯХ КАМЫ**

Казанский государственный институт культуры, Казань, Российская Федерация

В статье рассматриваются находки предметов снаряжения коня и всадника на поселениях эпохи Волжской Булгарии и Булгарской области Золотой Орды, расположенных в нижнем течении реки Камы. Они исследовались в последней трети XX в. казанскими археологами Е.П. Казаковым, П.Н. Старостиным и Е.А. Беговатовым. В конце XX – начале XXI в. некоторые селища обследовал К.А. Руденко. Часть этих находок была опубликована. Автор обобщил находки железных стремян, найденных на 10 селищах. Их оказалось 23 экземпляра. Стремена были сгруппированы в 11 типов. Они относятся к нескольким хронологическим группам. К первой группе IX–X вв. относится одно стремя, обнаруженное у села Измери, видимо, связанное с могильником угров, известном в этой местности. Вторая группа, куда входит 8 артефактов, датируется XI – началом XIII в. Это стремяна так называемого «степного» типа, и появление их на булгарских поселениях связывается с кочевниками – половцами. Самая большая часть стремян – третья хронологическая группа в количестве 14 экземпляров датируется второй половиной XIII–XIV вв. Формы их очень разнообразны, в отличие от стремян домонгольского времени.

Ключевые слова: Волжская Булгария, Золотая Орда, стремя, кочевники, типология, средневековые селища, средневековые городища.

K.A. Rudenko**DISCOVERIES OF STRUPS IN THE BULGAR SETTLEMENTS
X–XIV CENTURIES LOWER KAMA**

State Institute of Culture, Kazan, Russian Federation

The article deals with the finds of items of horse and rider equipment at the settlements of the era of the Volga Bulgaria and the Bulgar region of the Golden Horde, located in the lower reaches of the Kama River. They were studied in the last third of the 20th century by Kazan archaeologists E.P. Kazakov, P.N. Starostin and E.A. Begovatov. At the end of the 20th and the beginning of the 21st century, some settlements were examined by K.A. Rudenko. Some of these findings have been published. The author summarized the finds of iron stirrups found in 10 settlements. There were 23 of them. The stirrups were grouped into 11 types. They belong to several chronological groups. One stirrup found near the village of Izmeri belongs to the first group of the 9th–10th centuries, apparently associated with the burial ground of the Ugric peoples known in this area. The second group, which includes 8 artifacts, dates from the 11th to the beginning of the 13th century. These are stirrups of the so-called "steppe" type and their appearance in the Bulgar settlements is associated with nomads – Kipchaks. The largest part of the stirrups – the third chronological group in the amount of 14 pieces, dates back to the second half of the XIII–XIV centuries and was formed after the invasion of the Mongols. Their forms are very diverse, in contrast to the stirrups of pre-Mongol times.

Keywords: Volga Bulgaria, Golden Horde, stirrup, nomads, typology, medieval settlements, medieval hillfort.

Введение

Из многочисленных категорий предметов средневекового булгарского кузнечно-го ремесла особое место занимают предметы конской упряжи, в том числе и стремяна. Благодаря фундаментальным исследованиям, прежде всего археологов-кочевникове-

дов, была разработана типология этих изделий, установлена хронология [Фёдоров-Давыдов, 1966, рис. 1; Плетнева, 1958; Плетнева, 1967, с. 169, рис. 46/1–13; Плетнева, 1989, с. 90, рис. 44; Мыськов, 2015, с. 53–58, табл. III; Иванов, Кригер, 1988, с. 8, рис. 1; Степи, 1981, с. 148, 253, 258, рис. 36, 78, 82]. Археологи-булгароведы, как правило, опирались в своих исследованиях на труды коллег, используя уже имеющиеся классификационные схемы и в специальном монографическом исследовании этой группы булгарских изделий не было необходимости. Сказалась и относительная немногочисленность этих артефактов даже с учетом подъемного материала в сравнении с кочевническими древностями. Внимание чаще всего привлекали отдельные категории артефактов, например, удила и псалии. К настоящему времени опубликованы находки из раскопок раннебулгарских могильников, а также поселений, как городищ, так и селищ, как домонгольского, так и золотоордынского времени. В последнем случае это в подавляющем большинстве подъемный материал.

Из этой обширной категории артефактов остановимся на стремянах¹. Отметим, что встречаемость этих артефактов даже в погребальных комплексах языческих булгарских могильников различна. Так, из Кайбельского курганного могильника в Ульяновской области, датированного VIII – началом IX в. происходит одно стремя [Сташенков, 2003, с. 337, 344, рис. 4/1]. Из Автозаводского грунтового могильника IX в., находящегося в г. Ульяновске, – 2 стремяни из одного погребения [Семыкин, Казаков, 2003, с. 122, 138, рис. 15]. Из грунтовых некрополей IX – X вв. в Среднем Поволжье – Больше-Тарханского, Танкеевского, Больше-Тиганского и погребения на 116-м км, где в целом изучено 1647 захоронений, происходит 14 экземпляров таких артефактов: соответственно 9, 2, 2 и 1 экз., что составляет менее 1 % (0,85 %) от общего числа погребений [Казаков, 1992, с. 49, 66, 151, рис. 5/13; 12/5–8; 24/12]. То есть одно стремя приходится на 118 погребений. Больше всего стремян в Больше-Тарханском могильнике – 64 % от общего количества этих артефактов из этих некрополей. В некоторых некрополях раннебулгарского времени Казанского и Ульяновского Поволжья, например Тетюшском, их нет совсем.

Сделаны вышеобозначенные стремяна, по данным Ю.А. Семыкина, примерно по одной технологической схеме – из кричного железа и неравномерно науглероженной стали (Больше-Тарханский и Больше-Тиганский могильники). Впрочем, известны в единичных случаях и иные приемы изготовления, например,ковка из пакетной заготовки [Семыкин, 2014, с. 58].

С селищ низовий Камы домонгольского времени Е.П. Казаковым опубликовано 4 экз. стремян² – одно целое, остальные в фрагментах [Казаков, 1991, с. 107, рис. 37/5, 6, 10, 11]. Из Билярского городища Ф.Ш. Хузиным из старых музейных коллекций учтено 7 экз. [Хузин, 1985, с. 202–204, табл. LXVII; табл. Л']. Два билярских стремяни были исследованы Ю.А. Семыкиным. Согласно полученным результатам, они изготовлены из полос кричного железа и полосы высокоуглеродистой стали соединенных сваркой с последующим охлаждением в воде [Семыкин, 2014, с. 85].

Больше находок стремян – с памятников золотоордынского времени, в основном селищ нижнего течения Камы [Казаков, 1988, с. 79, рис. 3/30, 33; он же, 1991, с. 102–108, рис. 36, 37; он же, 1993, с. 127, рис. 5/10, 24, 25; Руденко, Казаков, 2022, с. 108, рис. 5/3]. Также отметим Лаишевское селище, где было зафиксировано 5 экз. этих артефактов [Руденко, 1994, с. 108, рис. XL/2; Руденко, 2000, рис. 14/1–5; Руденко, 2011, с. 99, 131, рис. 12/1–4]. Суммарную характеристику стремян по материалам селищ нижнего течения Камы сделал К.А. Руденко. Всего было проанализировано 18 стремян, отнесенных

¹ Благодарю Е.П. Казакова за возможность использовать материалы его исследований на селищах низовий Камы в данной статье, а также сотрудников МА ИА АН РТ, за помощь при работе в фондах музея.

² Здесь же ученым охарактеризованы основные типы удила и псалии [Казаков, 1991, с. 103–105, рис. 36/21–30].

к типам VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV по Г.А. Фёдорову-Давыдову [2000, с. 90, рис. 14/1–17].

Кроме того, стремяна встречаются вкладах золотоордынского периода, например Семеновском, где имеется 4 экз. таких артефактов [Халиков, 1981, с. 104, 105, рис. 1/31–35]. Значительное количество стремян было обнаружено на городском рынке Булгара XIV в. [Центральный, 2022, рис. 41]. Этот материал пока не опубликован.

Источники и материалы

Одним из наиболее исследованных в археологическом отношении регионов Татарстана является территория приустьевой части Камы. Здесь сосредоточены археологические памятники разного времени, в том числе и эпохи средневековья. Обширный материал, собранный казанскими археологами в 1960-х – 2000-х гг., в первую очередь Е.П. Казаковым, П.Н. Старостиным, Е.А. Беговатовым, хранящийся в настоящее время в фондах музея археологии Института археологии АН РТ (далее – МА РТ), опубликован только частично. Это можно отнести и к предметам снаряжения коня и всадника. В Казанском (Приволжском) университете в бывшем музее археологии исторического факультета находились предметы конской упряжи из раскопок и сборов К.А. Руденко на Лаишевском селище. Материалы раскопок Мурзихинского селища хранятся в фондах Национального музея РТ (далее – НМ РТ). В качестве аналогий привлекались артефакты из Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (далее – БГИАМЗ) и Билярского государственного историко-археологического и природного музея-заповедника (далее – БГИАПМЗ).

Основная часть

Нами было проанализировано 23 экз. железных стремян, как целых, так и фрагментов, с 10 поселений: Семеновского острова (I, V селища), Измерского-I, Мурзихинского, Старо-Куйбышевского-IV, Коминтерновского-II, Коминтерновского-III, Лаишевского, Дамба-I селища и могильника Песчаный остров. Стремяна были отнесены к 11 типам. Нумерация их сквозная. Выделение типов основывается на форме контура стремени – от грушевидного (тип 1), далее к вариантам арочно-кольцевидных (типы 2–7) и к геометризованным формам арочных: П-образным (тип 8), килевидным (тип 9), О-образным (тип 10) и трапециевидным (тип 11). Форма стремян в данном случае не всегда определённа, учитывая неизбежную деформацию контура, если стремя сохранилось не полностью. Для выделения типа был взят комплекс признаков, включавший как общий контур изделия, где его можно было установить или реконструировать, и детали – особенности путилища, подножки, сечения боковых сторон арки и т.п.

Тип 1 (1 экз.; рис. 1). На Семеновском острове в 1981 г. было найдено стремя грушевидной формы с выступающим подпятиугольным путилищем (3,5×2,5×0,4 см) с прорезью прямоугольной формы (1,5×0,6 см). Пропорции: 1:1,5. Верхняя часть его плоская, подовального сечения. Нижняя часть арки имеет ромбическое сечение (1×0,6 см). Подножка прямоугольная чуть вогнутая, шириной 4,5 и длиной 13 см с ребром с обратной стороны и нависающими краями.

Аналогии этому стремени имеются в погребении 1 Чишминского могильника, датированного IX–X вв. [Казаков, 1978, с. 24, 25, 27, рис. 5/27]. Близкое стремя найдено на Измерском I селище и здесь же фрагмент дужки от аналогичного изделия. У них более округлая форма и путилище квадратной и прямоугольной формы [Казаков, 1991, с. 107, рис. 37/10,11]. Стремя этого типа было выявлено в погребении 66 Дубовского могильника IX – X вв. на Ветлуге [Архипов, 1984, с. 153, рис. 19/1]. Более позднюю дату стремян этого типа – XI в., дают находки кочевнического могильника у Саркел-Белой Вежи [Плетнева, 1990, с. 55, 71, 73, рис. 24/16,17; 26/4].

Стремена этого типа являются производными от стремян рубежа VIII – X вв., как, например, в Больше-Тарханском или Старо-Бадиковском могильниках [Генинг, Халиков, 1964, табл. IX/11, 12; Петербургский, 2011, с. 199, рис. 62/3]. При этом в крупнейшем болгарском могильнике – Танкеевском, языческая часть которого датируется IX – X вв. – стремян практически нет, за исключением двух экземпляров, отличающихся от вышерассмотренного [Казаков, 1992, с. 151]. Прототипы стремян этого типа можно найти в могильниках кочевников IX – XI вв. северо-западных предгорий Алтая [Могильников, 2002. 347, рис. 211/1]. В данном случае стремя можно связать с XII Измерским могильником IX – X в., исследованным Е.П. Казаковым [Казаков, 2007, с. 11].

Тип 2 (3 экз.; рис. 2/1–4). С Семеновского острова, а также селищ: Мурзихинского и Старо-Куйбышевского-IV происходят железные стремяна практически одного типа. Это изделия арочной формы, размером 15×14×0,3–0,5 см (рис. 2/2), с пропорциями 1:1,5, с плоским раскованным верхом, шириной 3 см, имеющим округлую форму с широкой прорезью (2,5×0,7 см) для путилица. Подножка вогнутая, овальной формы (11×5,5 см) с отогнутыми краями. Средняя часть арки имеет прямоугольное сечение, в верхней части – квадратное (0,7×0,7 см). Практически идентичны ему стремяна с Мурзихинского селища (рис. 2/1, 4), как и стремя с Старо-Куйбышевского-IV селища (рис. 2/3). Фрагмент стремени этого типа со Старо-Куйбышевского городища опубликован Е.П. Казаковым [Казаков, 1991, с. 105, рис. 37/5].

Аналогии этим стремянам имеются в древностях восточноевропейских кочевников XI – XIII вв. [Плетнева, 1973, с. 90. Табл. 42/10]. Из ближайших, отметим, сходные по форме стремяна из Мрясимовских курганов XI – XII вв. на Южном Урале [Мажитов, 1981, с. 154, рис. 75/14]. Они занимают промежуточное положение между типами Д-II и Д-IV по Г.А. Фёдорову-Давыдову и Иванову-Кригеру; последние отнесли их к печенежско-гузскому кругу древностей [Федоров-Давыдов, 1966, с. 12, 13, рис. 1; Иванов, Кригер, 1988, с. 8, 9, рис. 1].

Тип 3 (2 экз.; рис. 2/5; 4/3). Отдельный тип стремени, близкий предыдущему, был выявлен на Измерском-I селище (рис. 2/5). Это стремя арочной формы (14,5×14×0,4 см), пропорций 1:1, но с широким раскованным верхом (высота 4 см) и крупным отверстием для путилица длиной 2,8 и шириной 1 см. Часть арки под отверстием ровная, чуть выпуклая. Боковые стороны арки плоские, шириной 1,2–1,4 см, прямоугольного сечения; их толщина – 0,3–0,4 см. Подножка овальная, вогнута на 2 см, длиной 13, шириной 5,5 см; края ее загнуты вниз. Боковина при переходе от подножки к арке массивная, прямоугольного сечения (1,5×1 см). Близко вышерассмотренному артефакту стремяна типа А1б по Е.П. Мыськову, датированные XIV в. [Мыськов, 2015, с. 56, 59, табл. III]. Близко ему стремя с селища Дамба I, датированное по комплексу находок XIV в. (рис. 4/3).

Тип 4 (3 экз.; рис. 3/1, 2; 5/4). Найдены на Семеновском острове, Лаишевском и Мурзихинском селищах [Казаков, 1988, с. 79, рис. 3/33]. Мурзихинское стремя имеет арочную, близкую к кольцевой, форму (13×11×0,5 см) с приостренным верхом, с узким отверстием для путилица (2×0,5 см). Стороны арки плоские, прямоугольного сечения. Пропорции 1:1,2 (рис. 3/2). Подножка узкая, длиной 11 и шириной 3 см. Стремя с Семеновского острова (рис. 3/1) деформировано, но промеры показали, что параметры его почти аналогичны мурзихинскому. Подножка у него шире – около 5 см. Нижняя часть арки квадратного сечения (0,8×0,6 см). С Семеновского острова происходит еще одно стремя этого типа, опубликованное Е.П. Казаковым [Казаков, 1988, с. 79, рис. 3/30]. Фрагмент похожего стремени был обнаружен в подъемном материале на Старо-Куйбышевском IV селище [Казаков, 1991, с. 107, рис. 37/6]. Два стремени этого типа происходят из погребений 17 Дубовского могильника средневековых мари [Архипов, 1984, с. 153, рис. 19/3; Никитина, 2012, с. 49, 50, рис. 226/3]. По мнению Т.Б. Никитиной, это захоронение может быть датировано XI–XII вв. [Никитина, 2012, с. 72]. Отме-

тим, что у средневековых марийцев стремена в погребения встречаются редко, причем в каких-то их вообще нет (Русенихинский, Веселовский), а в других стремена других типов, как, например, в могильнике «Нижняя Стрелка» [Никитина, 2012, с. 270, 301, 316, рис. 164/4; 195/2; 210/4].

К этому типу можно отнести два стремена с врезной таушировкой из Измерско-го-I селища (БГИАМЗ, инв. № 372–30/178 Арх) и Семеновского-I селища (МА ИА АН РТ, инв. № 1-С.с. 81/178) [Руденко, 2022, с. 206, 207, рис. 2/1,2]. Относятся к типу IV-26 по Е.А. Армарчук, датированных XI – началом XII в. [Армарчук, 2006, с. 25, 26]. Стремена аналогичного типа известны в материалах Древней Руси (типы IX и IXa по А.Н. Кирпичникову), где бытовали в основном в середине XII – середине XIII в., хотя известны и находки XI в. [Кирпичников, 1973, с. 52, 53, рис. 29]. Этим же временем датируются стремена из Южной Сибири [Кызласов, 1983, с. 104, табл. XVI/1].

Таким образом, датировка этого типа XI–XII вв. Вероятно, они связаны с кругом половецких древностей.

Более поздние варианты этого типа имеют более низкие пропорции, форму близкую к грушевидной, а также широкое отверстие для путилища, как, например, стремя с Коминтерновского-II селища [Казаков, 1993, с. 127, рис. 5/24].

Тип 5 (2 экз., рис. 3/3,4). Оба экземпляра происходят с Мурзихинского селища. Первое стремя округлой формы ($\approx 12 \times 14 \times 0,4$ см) с плоской верхней частью, чуть выделяющейся небольшим уступчиком и с широким отверстием для путилища ($3 \times 0,6$ см) и выгнутым низом. Боковые края арки плоские прямоугольного сечения ($0,4 \times 1,2$ см). подножка не сохранилась (рис. 3/4). Второй фрагмент (рис. 3/3) аналогичен вышеописанному. Исходя из материалов памятника, вероятная дата – XI – XIII вв. Одно из стремян (рис. 3/3) имеет близкие аналогии в находках с Золотаревского поселения [Белорыбкин, 2001, с. 157, 158, рис. 95/2; 96/3]. При этом стремян с округлой выгнутой подножкой, как на Золотаревском поселении или древнерусских памятниках, на объектах рассматриваемого региона не зафиксировано. Древнерусские стремена датированы IX – XI вв. [Кирпичников, 1973, с. 45, рис. 29/II; Белорыбкин, 2001, с. 157, рис. 95/3].

Тип 6 (3 экз.; рис. 4/1,4; 5/2). Целое стремя происходит из погребения 8 могильника Песчаный остров (№ 7 по плану погребения), близко типу 3. Стремя арочной формы ($14 \times 13 \times 5,5$ см) с раскованной верхней частью (высота этой части стремени 3,3 см), с ровным основанием. Здесь находится отверстие для путилища прямоугольной формы ($3 \times 0,7$ см). Арка стремени пластинчатая прямоугольного сечения ($1,2 \times 0,5$ см). Подножка овальной формы ($5 \times 12,5$ см) с загнутыми вниз краями, выгнута вверх. Пропорции стремени 1:1,1. Могильник Песчаный остров датирован второй половиной XIV в. [Руденко, 2002, с. 309, рис. 6; 7/2; Руденко, 2013, с. 209]. Близко этому изделию стремя, фрагмент которого был найден на Коминтерновском-III селище (рис. 4/4). Аналогичная форма стремени из впускного захоронения ордынского времени в кургане 2 Александровского курганного могильника в Самарской области [Васильева, 1979, с. 222, рис. 11/5].

Фрагменты близкого по форме стремени обнаружены в погребении 1 кургана 7 и 1 кургана 10 могильника Телеутский Взвоз-I на Алтае [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 220, 240, рис. 22/2; 40]. Не противоречит этой датировке и материалы курганного могильника Вербовый Лог-VIII, который функционировал во второй половине XIII – первой половине XIV в. и где в нескольких погребениях были найдены железные стремена [Власкин и др., 2006, с. 16, рис. 58/1]. Данный тип стремян может быть сопоставлен со стременами типа Д II по Иванову – Кригеру [Иванов, Кригер, 1988, с. 9, рис. 1]. По Е.П. Мыскову это стремена типа B1a2 [Мысков, 2015, с. 59, табл. III].

Как вариант этого типа можно рассматривать находку с Коминтерновского-II селища (рис. 5/2). Очень близкие аналогии ему имеются в кургане 6 могильника Теле-

утский Взвоз-I на Алтае, датированного концом XIII – началом XIV в. [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 141, 214, рис. 16/2,3].

Тип 7 (1 экз.; рис. 4/2). Стремя происходит из того же погребения 8 могильника Песчаный остров (№ 2 по плану погребения), Стремя округлой формы (13,5×12,9×6 см) с раскованной верхней частью (3 см) и с очень широким отверстием для путилища шириной 1 см и длиной 4 см (возможно, такой размер обусловлен утратами металла от коррозии). Подножка овальной формы (6×12 см) с загнутыми вниз краями. Могильник Песчаный остров датирован второй половиной XIV в. [Руденко, 2002, рис. 7/1]. Близкий тип, только с узкой дужкой, встречен на Золотаревском поселении [Белорыбкин, 2001, с. 157, рис. 95/1]. Близкое стремя происходит из кургана 3 могильника золотоордынского времени у с. Черемшино на Среднем Подонцовье [Красильников, 2001, с. 222, рис. 3/3,4]. У кочевников Волго-Донских степей наиболее близки этому изделию стремена типа Б1а3 по Е.П. Мыськову [Мыськов, 2015, с. 59. Табл. III]. Типологически схожее стремя было найдено на археологическом комплексе Ближние Елбаны на Алтае [Тишкин, 2009, с. 56, рис. 19].

Тип 8 (5 экз., рис. 5/1,3; 6/3,4,5). Находки с Коминтерновского-II и Лаишевского селищ. Стремена арочной формы, П-образной формы (угол между плечом и боковой частью дужки составляет почти 90°), с прямоугольной в сечении дужкой, с полоской, вогнутой или прямой подножкой прямоугольной формы. Более крупные стремена такой же формы происходят с Лаишевского селища (рис. 6/4). Аналогичные им, но отличающиеся в деталях, встречены в кладе с Семеновского острова, в подъемном материале с Мало-Каратаевского селища в Лениногорском районе Татарстана, и в погребальном инвентаре кургана 4 могильника у с. Черемшино в Луганской области [Халиков, 1981, с. 104, рис. 1/31,32; Руденко, 2019, с. 355, рис. 21/2,3; Красильников, 2001, с. 217, рис. 5/3,4].

Эти стремена относятся к типу В-I по Г.А. Федорову-Давыдову и типу БПб по Е.П. Мыськову. Они имели хождение у кочевников Волго-Донских степей и Южного Урала ордынского времени [Федоров-Давыдов, 1966, с. 12, рис. 1; Плетнева, 1973, с. 91, табл. 43/12,13; Иванов, Кригер, 1988, с. 8; Мыськов, 2015, с. 59, 69, табл. III]. Одно стремя этого типа встречено на Золотаревском поселении в Пензенской области [Белорыбкин, 2001, с. 157, 158, рис. 96/2]. Близкие во форме стремена известны в могильниках XIII – XIV вв. в Горном Алтае [Тишкин, 2009, с. 194, рис. 137/12]. Стремена с выделенной петлей (типы 1–3 по В.С. Николаеву) часто встречаются в захоронениях кочевников Средней Сибири XII – XIV вв. [Николаев, 2004, с. 98, 99, табл. 10].

Тип 9 (2 экз., рис. 6/1,2). Стремена найдены на Лаишевском селище (Чакма). Они килевидной формы, с приостренным верхом. Арка плоская, широкая (2×0,3 см), прямоугольного сечения с резким переходом нижней части боковой части арки и острой верхней частью (угол 50°). Отверстие для путилища широкое (1,7×2,8 см). Подножка шириной 3,5 см, без изгиба. Аналогии встречены в погребении 33 могильника Ахтырский лиман в Краснодарском крае. Оно датировано XIII – началом XIV в. [Армарчук, Сорокина, 2001, с. 201,207, рис. 3/16].

Тип 10 (1 экз., рис. 5/5). Фрагмент стремени О-образной (?) формы с расплющенной верхней частью, с небольшим выступом под прорезью. Верхняя часть стремени образует правильную дугу. Соответствует типу Е-II по Г.А. Фёдорову-Давыдову, датированному XIV в. [Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 13, 16, рис. 1].

Тип 11 (1 экз.; рис. 6/6). Фрагмент стремени трапециевидной формы (≈13×13 см) с плоской верхней частью с ровным срезом, с узким путилищем (2×0,5 см). Подножка, вероятно, была чуть округлой. Относится к типу В-IV по Г.А. Фёдорову-Давыдову, датированному им второй половиной XIII – XIV вв. Это не противоречит и комплексу находок из постройки VI Лаишевского селища, в которой было обнаружено стремя

[Руденко, 1994, с. 108, рис. XL/1–4]. Аналогичное стремя известно в Билярских древностях – тип 4 по Ф.Ш. Хузину [Хузин, 1985, с. 204, табл. LXVII/3, табл. Л', № 5].

Заключение

Таким образом, наибольшее количество рассмотренных стремян относится к эпохе Золотой Орды – 14 экз. (60 %) от изученных артефактов. Одним экземпляром (4,3 %) представлено стремя IX – X вв. (тип 1). К XI – XII вв. относятся 3 стремени (13 %) (тип 2), остальные – к XII – XIII вв., преимущественно домонгольскому времени (21,7 %) (типы 4 и 5). Рост количества стремян с XI и, особенно, с XII в. в основном степных типов, характерных для кочевников восточноевропейских степей, может быть связан с усилением кочевого компонента в Волжской Булгарии. Отметим, что в XI – XII вв. стремени степных типов попадают и в лесную зону Марийского Поволжья, что, видимо, связано с какими-то событиями в соседних, болгарских, землях. Стремени ордынского времени достаточно вариабельны в деталях, хотя они укладываются в большинство известных на сегодняшний день типов кочевнических и древнерусских стремян. При этом география аналогий стремени пойменных поселений низовий Камы, весьма широка – от Восточной Сибири и до Поднепровья.

Библиографический список

1. Армарчук Е.А. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. – М.: ИА РАН, 2006. – 226 с.
2. Армарчук Е.А., Сорокина И.А. Богатое средневековое погребение воина-всадника в Западном Закубанье // Средневековые древности Евразийских степей / отв. ред. А.З. Винников, Т.И. Макарова. – Воронеж: Изд-во ун-та, 2001. – С. 195–209 (Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 15).
3. Архипов Г.А. Дубовский могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья / науч. ред. Г.А. Архипов. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1984. – С. 113–159 (АЭМК. Вып. 8).
4. Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. – СПб.-Пенза: Изд-во ПГПУ, 2001. – 198 с.
5. Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья / отв. ред. С.Г. Басин. – Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1979. – С. 202–240.
6. Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А. Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала. – М.: Памятники исторической мысли, 2006. – 232 с. (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VI).
7. Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). – М.: Наука, 1964. – 200 с.
8. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). – М.: Наука, 1988. – 94 с.
9. Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. – М.: Наука, 1978. – 132 с.
10. Казаков Е.П. Булгарские памятники приустьевой части Закамья и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие / отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. – С. 71–82.
11. Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1991. – 176 с.
12. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). – М.: Наука, 1992. – 336 с.

13. Казаков Е.П. Коминтерновское II селище // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: ИЯЛИ АНТ, 1993. – С. 117–129.
14. Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны: проблемы взаимодействия. – Казань: ИИ АН РТ, 2007. – 208 с.
15. Киртичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. – Л.: Наука, 1973. – 140 с. (САИ. Вып. Е1-36).
16. Красильников К.И. К вопросу о монгольском периоде на среднем Подонцовье // Средневековые древности Евразийских степей / отв. ред. А.З. Винников, Т.И. Макарова. – Воронеж: Изд-во ун-та, 2001. – С. 214–224 (Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 15).
17. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. – М.: Наука, 1983. – 128 с. (САИ. Вып. Е3-18).
18. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII – XII вв. – М.: Наука, 1981. – 164 с.
19. Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. – М.: Наука, 2002. – 362 с.
20. Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. – Волгоград: Изд-во Волг.фил. ФГБОУ РАНХиГС, 2015. – 484 с.
21. Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX – XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. – Казань: ИИ АН РТ, 2012. – 408 с. (Археология евразийских степей. Вып. 14).
22. Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII – XIV веках: Усть-Талькинская культура. – Владивосток; Иркутск: Изд-во Инст-та географии СО РАН, 2004. – 306 с.
23. Петербургский И.М. Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. – Саранск: Изд-во ун-та, 2011. – 408 с.
24. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Труды Волго-Донской экспедиции. Т. I. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 151–226 (МИА № 62).
25. Плетнева С.А. От кочевий к городам Салтово-маяцкая культура. – М.: Наука, 1967. – 198 с. (МИА, № 142).
26. Плетнева С.А. Древности Черных клобуков. – М.: Наука, 1973. – 96 с. (САИ. Вып. Е1-19).
27. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. – М.: Наука, 1989. – 288 с.
28. Плетнева С.А. Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела-Белой Вежи). – М.: ИА АН СССР, 1990. – 104 с.
29. Руденко К.А. Булгарская металлообработка в золотоордынский период // Историко-археологическое изучение Поволжья / отв. ред. Ю.А. Зеленеев. – Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. – С. 107–110.
30. Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI – XII вв. (археологические аспекты проблемы) // Татарская археология. – 2000. – № 1–2 (6–7). – С. 42–102.
31. Руденко К.А. Золотоордынские кочевники в Среднем Поволжье (К постановке проблемы) // Нижневолжский археологический вестник. – 2002. – № 5. – С. 308–320.
32. Руденко К.А. Города и села Булгарского Улуса Золотой Орды (особенности материальной культуры) // Татарская археология. – 2011. – № 1–2 (20–21). – С. 32–151.
33. Руденко К.А. Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская Археология. – 2013. – № 2. – С. 189–211.

34. Руденко К.А. Этногеография Булгарской области Золотой Орды (по археологическим материалам) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдилов. – Казань – Кишинев: Stratum+, 2019. – С. 325–378.
35. Руденко К.А. Железные изделия с инкрустацией из Волжской Булгарии XI – XII вв. // Пензенский археологический сборник: международный сборник научных трудов. Вып. 5 / ред. Г.Н. Белорыбкин. – Пенза: Институт регионального развития Пензенской области, 2022. – С. 203–225.
36. Руденко К.А., Казаков Е.П. Коминтерновское III селище эпохи Золотой Орды в Татарстане // Поволжская археология. – 2022. – № 4(42). – С. 101–112. DOI: 10.24852/ра2022.4.42.101.112.
37. Семькин Ю.А. Черная металлургия и кузнечное производство Волжской Булгарии в VIII – начале XIII вв. – Казань: Отечество, 2014. – 168 с. (Археология евразийских степей. Вып. 21).
38. Семькин Ю.А., Казаков Е.П. Исследование новых памятников раннеболгарского времени в Ульяновском Поволжье // Из археологии Поволжья и Приуралья / отв. ред. П.Н. Старостин. – Казань: ИИ АН РТ, 2003. – С. 114–138.
39. Сташенков Д.А. Раскопки Кайбельского средневекового могильника в 1953–1954 годах // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3 / ред. И.Б. Васильев. – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2003. – С. 324–345.
40. Степи Евразии в эпоху средневековья / отв. ред. С.А. Плетнева. – М.: Наука, 1981. – 302 с. (Археология СССР).
41. Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). – Барнаул: Азбука, 2009. – 208 с.
42. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. – Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2002. – 276 с.
43. Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. – М.: Изд-во ун-та, 1966. – 276 с.
44. Халиков А.Х. Семеновский клад железных изделий // Из истории ранних булгар / отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. – С. 102–107.
45. Хузин Ф.Ш. Снаряжение всадника и верхового коня // Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / отв. ред. А.Х. Халиков. – М.: Наука, 1985. – С. 193–213.
46. Центральный базар Болгара и его окружение (междисциплинарные исследования по материалам раскопок 2011–2019 гг.) / отв. ред. В.Ю. Коваль. – М.; СПб.: Нестор-История, 2022. – 288 с. (Материалы и исследования по археологии Болгарского историко-архитектурного комплекса. Т. IV).

Сведения об авторе:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор; Казанский государственный институт культуры (КазГИК), г. Казань, e-mail: murziha@mail.ru

Konstantin A. Rudenko, Doctor of Historical Sciences, Professor; Kazan State Institute of Culture (KazGIK), Kazan, e-mail: murziha@mail.ru

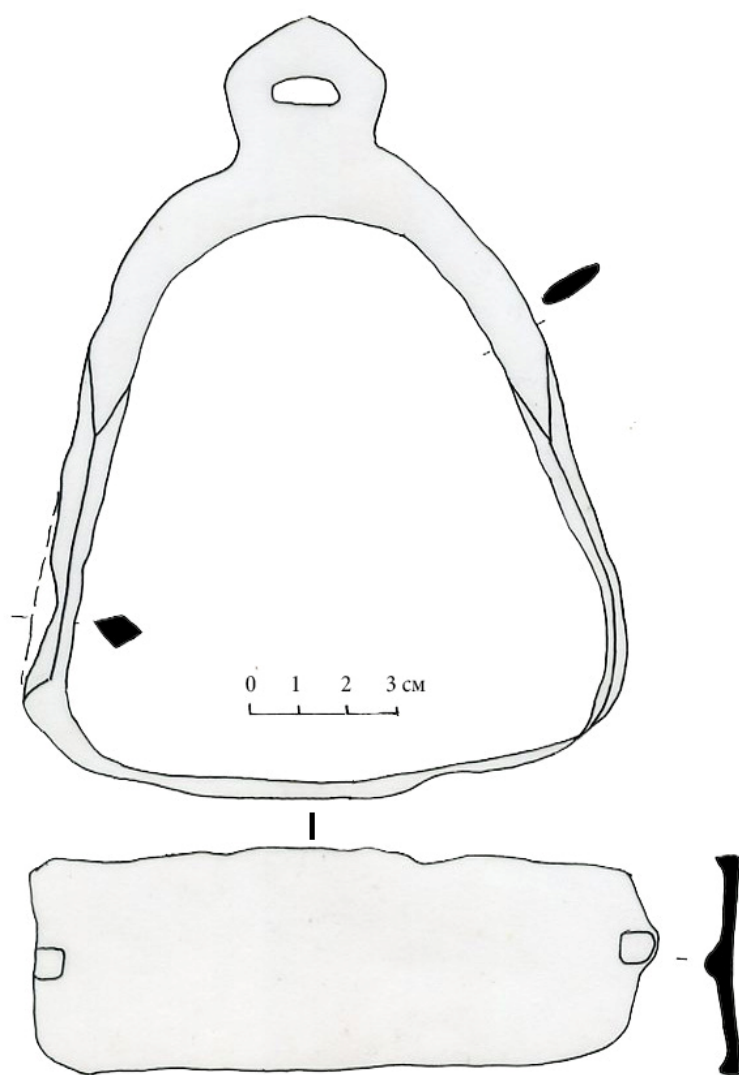

Рис. 1. Стремя железное. Тип I, IX – X в.
Семеновский остров. МА РТ, инв. № V Сем. С.-81

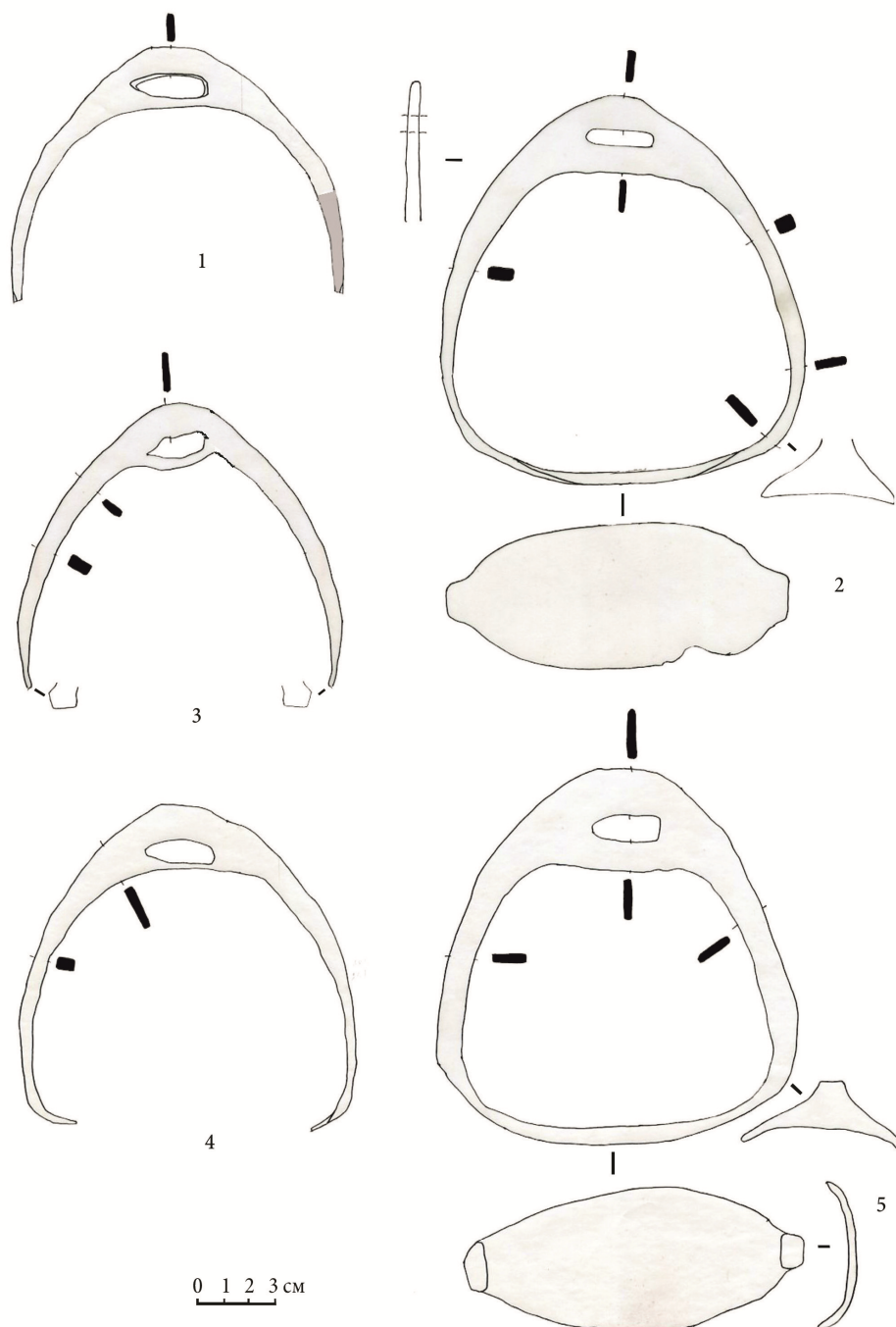

Рис. 2. Стремени железные с Семеновского острова (2), IV Старо-Куйбышевского (3), Мурзихинского (1, 4), Измерского (5) селищ. Тип 2 (1–4), XI – XII вв.; тип 3 (5), XIV в.; 1 – АКУ 251/755–1; 2 – МА РТ, инв. № С.с.-V-82/75; 3 – МА РТ, инв. № IV Ст.к.с. – 89/50; 4 – АКУ 251/755–2; 5 – МА РТ, инв. № Из-83/II-01

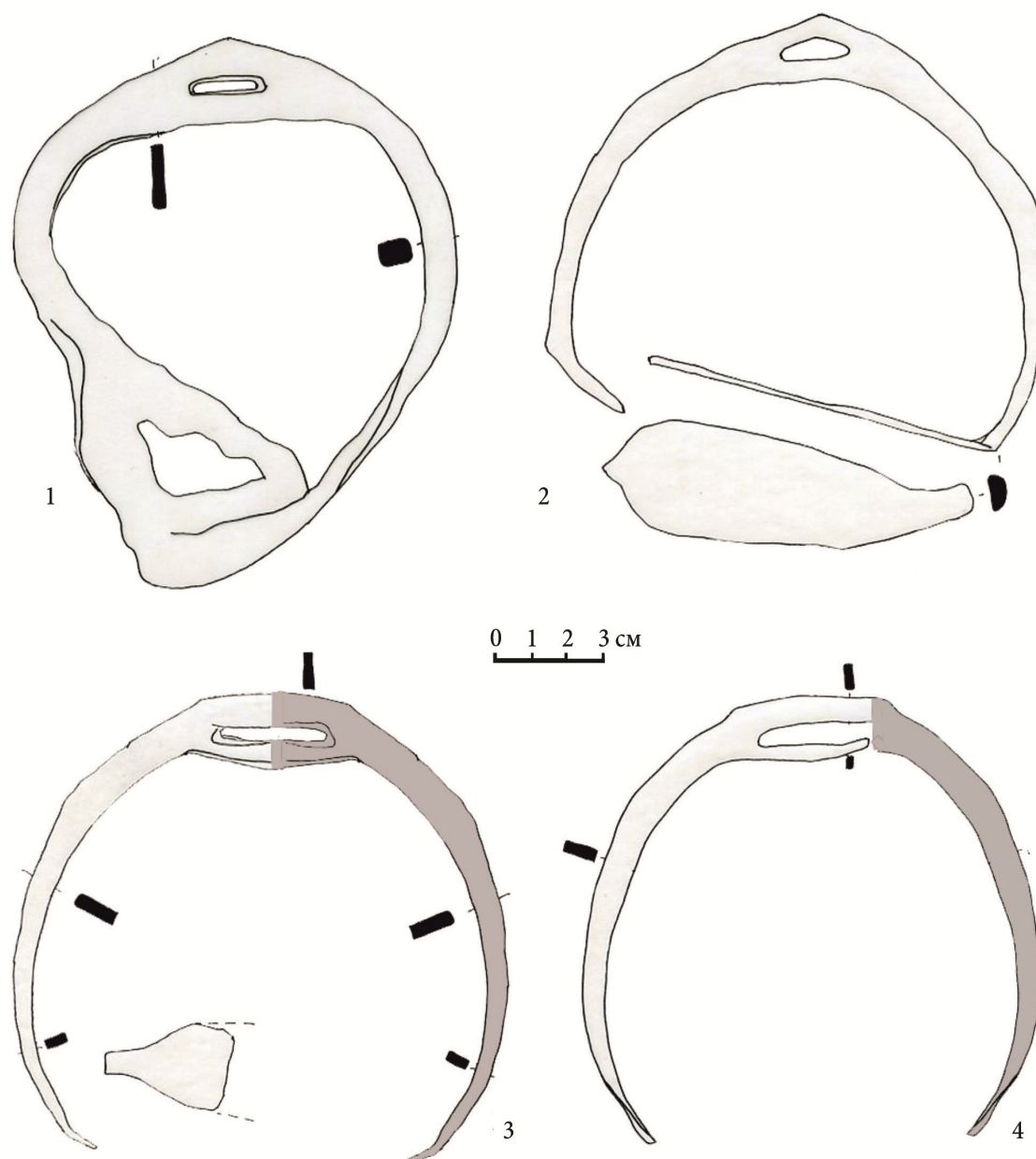

Рис. 3. Стремения железные с Семеновского острова (1) и Мурзихинского (2–4) селища. Тип 4 (1,2), XII – пер. пол. XIII в.; тип 5 (3,4), XII – XIII вв. 1 – МА РТ, инв. № V с.с. – 82; 2 – АКУ 251/755–3; 3 – АКУ 251/755–5; 4 – АКУ 251/755–4. 1 – опубликовано: [Казаков, 1988, рис. 3/33]

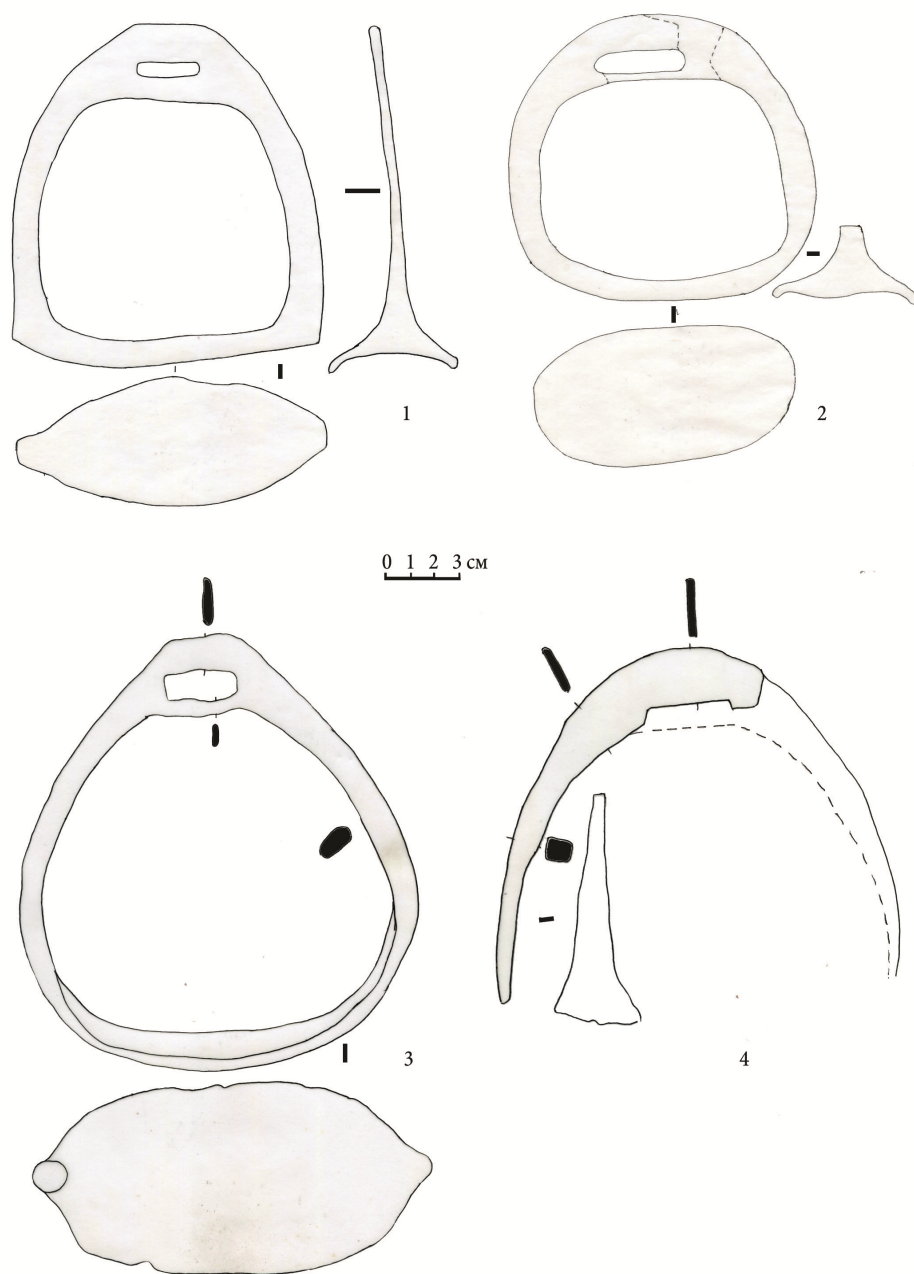

Рис. 4. Стремения железные с могильника Песчаный остров (1,2), селищ: Дамба-I (3), Коминтерновского-III (4). Тип 3 (3), XIV в., тип 6 (1,4), 2 пол. XIV в., тип 7 (2), 2 пол. XIV в. 1,2,3 – АКУ 272; 4 – МА РТ, инв. № III К.с. – 01/II-24

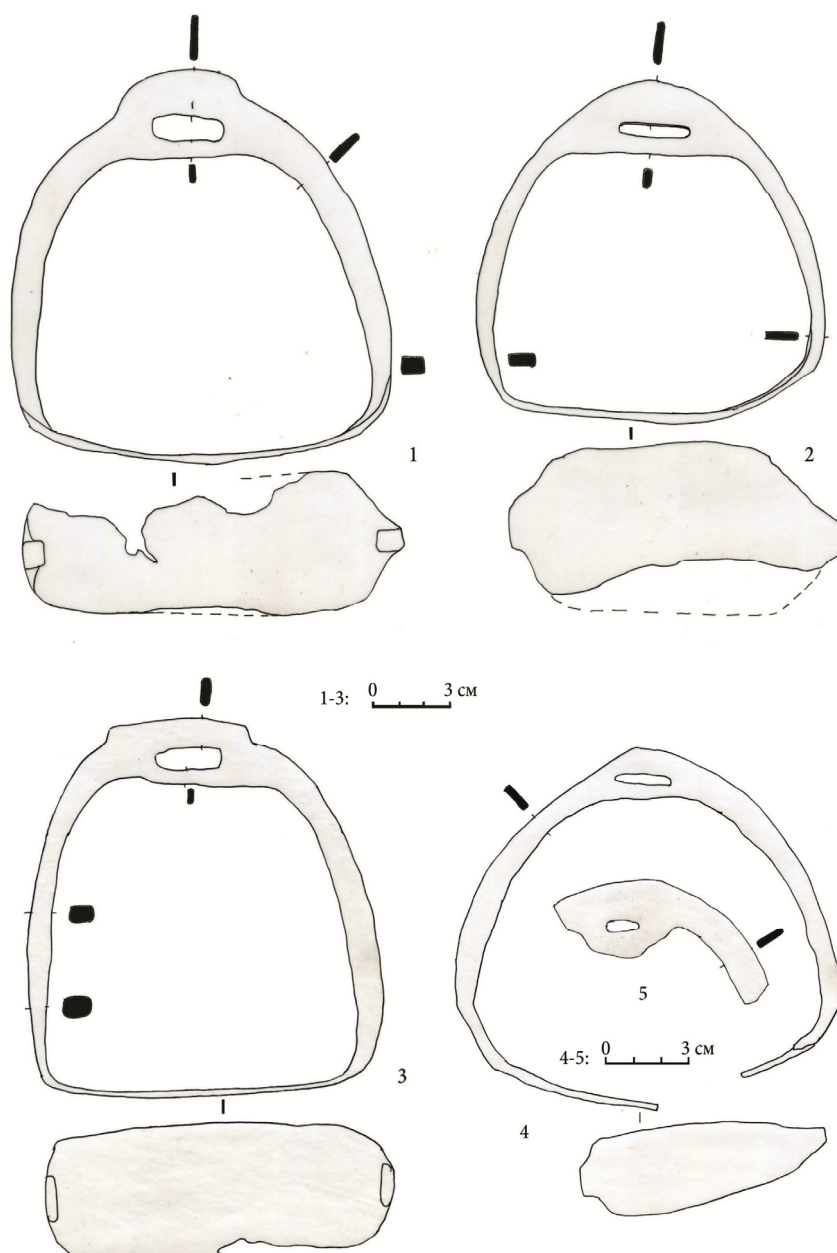

Рис. 5. Стремена железные с Коминтерновского-II (1-3) и Лаишевского (4,5) селищ. Тип 4 (4), XII – пер. пол. XIII в.; тип 5 (2), 2 пол. XIV в., тип 8 (1,3), XIII – XIV вв., тип 10 (5), XIV в. 1 – МА РТ, инв. № П К.с.-00/П-85; 2 – МА РТ, инв. № П К.с.-00/П-84; 3 – МА РТ, инв. № П Ком.с.-91/14; 4 – АКУ 267/188, 5 – АКУ, полевой шифр: Л.с./93, западная часть

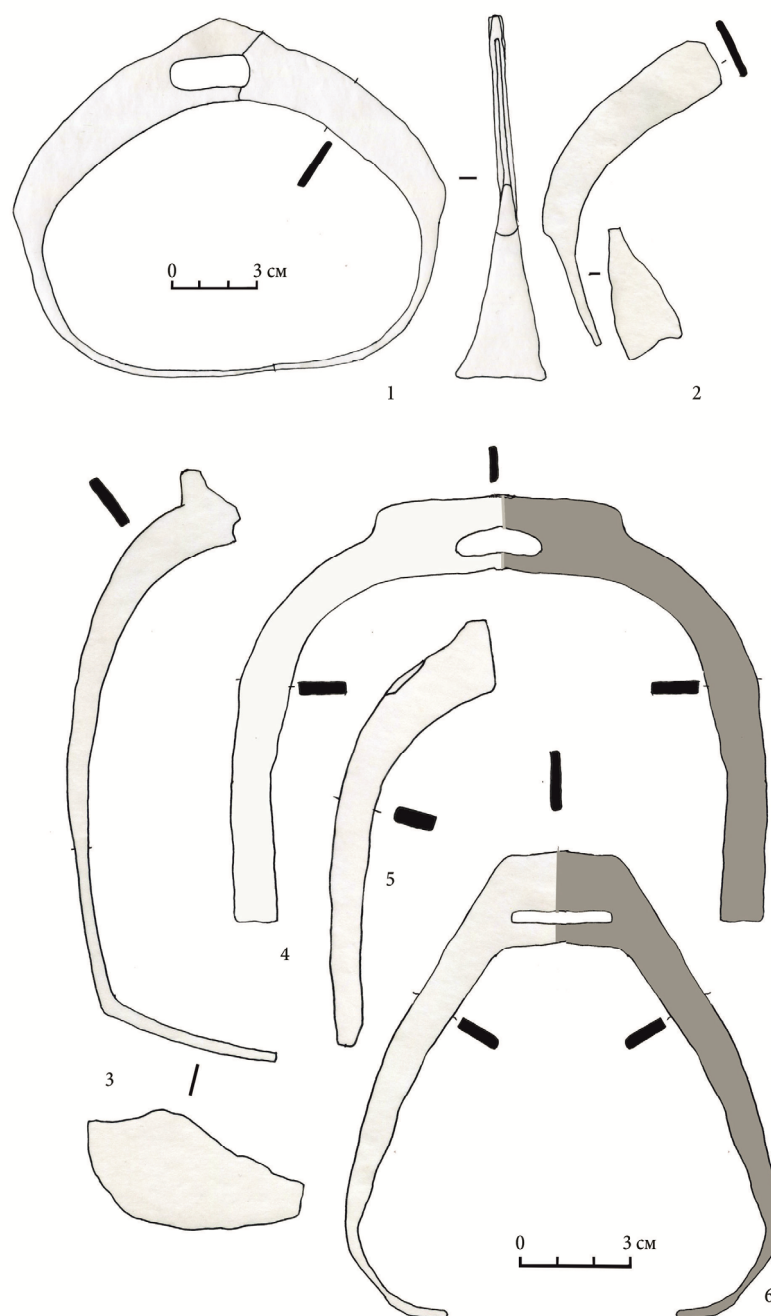

Рис. 6. Стремена железные с Лаишевского селища (Чакма) (1–6). Тип 8 (3, 4, 5), XIII – XIV вв., тип 9 (1, 2), XIII – начало XIV в., тип 11 (6), 2 пол. XIII – XIV в. 1 – Л.с./93, западная часть; 2 – АКУ-271/1035; 3 – АКУ-251/816; 4, 5, 6 – АКУ, полевой шифр: Л.с./90

Список сокращений

- АКУ – Археологические коллекции университета
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АЭМК – Археология и этнография Марийского края
БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
БГИАПМЗ – Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИЯЛИ АНТ – Институт языка, литературы и искусства Академии наук Татарстана
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории Казанского филиала академии наук Союза Советских Социалистических Республик
КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт
МА ИА АН РТ – Музей археологии Института археологии Академии наук Республики Татарстан
НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан
ПГПУ – Пензенский государственный педагогический институт
САИ – Свод археологических источников
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук

УДК 902.01

DOI: 10.24412/2658-7637-2023-22-57-72

Н.Б. Крыласова^{1,2}, Ю.А. Подосёнова^{1,2}**АССОРТИМЕНТ ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЙ
В СРЕДНЕВЕКОВОМ ПРИКАМСКОМ КОСТЮМЕ***¹ Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН,
Пермь, Российская Федерация² Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация

После завершения процессов, связанных с великим переселением народов, в Пермском Предуралье началось формирование традиционного костюма, характерного для двух родственных археологических культур – ломоватовской и неволинской. В уборе костюма наряду с многочисленными деталями и украшениями из сплавов на основе меди широко использовались ювелирные предметы из серебра, сначала исключительно импортные, а со временем – произведенные местными мастерами. Ювелирные украшения развивались по мере совершенствования навыков ювелиров, но набор их до финала ломоватовской культуры (конец XI в.) оставался стабильным. В период родановской культуры костюм претерпел существенные изменения, что отразилось и на смене ассортимента ювелирных украшений. Прикамское ювелирное дело в это время испытывало пик своего развития, продукция прикамских мастеров в XII–XIV вв. обеспечивала потребности не только местного населения, но и сопредельных территорий.

Ключевые слова: археология, Пермское Предуралье, эпоха средневековья, костюм, декоративный убор, ювелирные украшения.

N.B. Krylasova,^{1,2} Y.A. Podosyonova^{1,2}**THE VARIETY OF JEWELLERY IN THE PRIKAMYE ATTIRE
IN THE MIDDLE AGES**¹ Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Academy of Sciences,
Perm, Russian Federation² Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Perm, Russian Federation

After the processes connected with the great migration of peoples had run their course, the traditional costume began acquire its features in the Perm Preduralye. This costume was peculiar to two related archaeological cultures – the Lomovatovo and the Nevolino cultures.

Alongside numerous accessories and decorations made of copper-based alloys, jewellery silver items were widely used in the attire – first exclusively imported ones, and later those produced by local artisans.

Jewellery items became more elaborate as jewellers grew to be more proficient. Still, their variety did not alter until the end of the Lomovatovo culture (late 11th century). In the period of the Rodanovo culture the attire underwent dramatic changes, which reflected on the variety of the jewellery items. Jewellery in Prikamye reached its evolutionary peak, and in the 12–14th centuries the produce of Prikamye craftsmen was in demand not only among the local population, but on neighbouring territories as well.

Key words: archaeology, the Perm Preduralye, the Middle Ages, attire, decorative attire, jewellery.

© Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А., 2023

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края, проект № 20-49-590001 «Средневековое ювелирное наследие Пермского края: стилистические и химико-технологические особенности» и в рамках государственного задания номер государственной регистрации темы АААА-А19-119032590066-2.

Прикамский средневековый костюм весьма выразителен и своеобразен, и ярко выделяется на фоне костюмов родственных финно-угорских культур. Особое значение в нем имел декоративный убор из металлических украшений, дополненных цветными бусами и вставками из стекла, поделочных камней и янтаря. Убор этот начал формироваться в VII–VIII вв., когда несколько стабилизировались бурные процессы, связанные с Великим переселением народов, произошла ассимиляция пришлых групп, и сложилось население, являвшееся носителем двух родственных средневековых культур – ломоватовской и неволинской.

Металлический убор преимущественно состоял из элементов, изготовленных способом литья из сплавов на основе меди. Но наряду с этим довольно широко использовались украшения из драгоценных металлов, в особенности – из серебра, выполненные с применением разнообразных ювелирных техник. Основная задача данного исследования – проследить, как формировался и развивался во времени комплекс прикамских ювелирных украшений.

Самые ранние стадии, которые выделяются вслед за периодом Великого переселения народов, это *агафоновская стадия ломоватовской культуры и бартымская стадия неволинской культуры, которые датируются концом VI – VII вв.*

В это время исследователи отмечают несколько внешних культурных импульсов со стороны Византии, Ирана, Передней и Средней Азии, которые могли оказать влияние на формирование художественных мотивов при создании металлических украшений костюма. Наиболее подробно историческая ситуация и характер поступления «восточного» серебра в Прикамье обобщены в публикации материалов Бартымского комплекса памятников [Голдина и др., 2011, с. 128–133]. Фиксируются эти связи, главным образом, по находкам художественной серебряной посуды и монетного серебра. По материалам прослеживается, что «дальний импорт» поступал в Прикамье партиями. К примеру, во второй четверти VII в. поступила одна из таких партий, материалы которой представлены в Шестаковском кладе, на Усть-Сылве и в Бартымском комплексе, где даже присутствуют монеты, чеканенные одними штемпелями.

В Шестаковском кладе помимо всего прочего содержались и фрагменты плетеных серебряных цепей, и можно предположить, что все такие цепи, самая известная из которых происходит из п. 13 Агафоновского могильника (рис. 1, 28) [Голдина и др., 1980, табл.IV/8], попали в Прикамье одновременно. Целый ряд общих признаков у всех плетеных серебряных цепей, найденных в Предуралье, свидетельствует о том, что они, возможно, происходят из одной мастерской. В целом считается, что такие цепи являются продукцией мастерских византийского круга рубежа VI–VII вв. Поступали они по р. Белой, затем по ее притоку – Уфе, по р. Иргине – на р. Сылву, оттуда – на р. Каму и далее до р. Печоры [Голдина и др., 2011, с. 136].

В составе находок из Усть-Сылвенского клада присутствовала и серебряная шумящая арочная подвеска (рис. 1, 27). Очевидно, такие подвески (рис. 1, 20, 21, 26, 27) тоже могли принадлежать к дальнему импорту. В этот период они довольно редки, но на последующих стадиях на их основе выработались местные формы литых шумящих арочных подвесок, которые стали неотъемлемым элементом женского прикамского костюма.

Височные украшения этого времени весьма своеобразны – представляют собой кольцо с надетой на него свободно вращающейся привеской (рис. 1, 1–19, 23–25). Иногда в качестве привесок использовались предметы постгуннского полихромного стиля, которые на этой стадии довольно часто присутствуют в погребениях (рис. 1, 22, 23) (напр. [Голдина и др., 1980, табл.VII/15]). Подобные височные украшения не получили дальнейшего развития, но следует обратить внимание на то, что уже в это время височные украшения начали соединять цепочкой, которая свисала под подбородком (рис. 1, 23, 24). Эта традиция сохранялась и позднее.

Обращают также на себя внимание деревянные ножны, обтянутые серебряными или медными пластинами, встречающиеся в женских погребениях (рис. 1, 31, 32). Впоследствии этот элемент костюма стал традиционным.

Наряду с деталями костюма отметим еще одну категорию ювелирных изделий – погребальные маски. На данном этапе – это золотые и серебряные наглазники и наротики (рис. 1, 30).

На *деменковской стадии ломоватовской и неволинской стадии неволинской культуры (конец VII – VIII вв.)* прослеживаются оживленные контакты с населением Сибири и Средней Азии. В VIII – начале IX в. поступление «восточного» серебра в Предуралье по-прежнему осуществлялось по приуральскому сухопутному маршруту [Иванов, 1997, с. 110]. Присутствие раннесалтовских вещей и подражаний им свидетельствует о взаимодействии с Хазарским каганатом.

В это время появились новые формы височных украшений, где основной частью привески выступают полые конструктивные элементы – шарики и конусы (рис. 2, 1–12). Прототипами этих украшений могли быть отдельные варианты свободно вращающихся привесок предшествующего периода или изображения на предметах торевтики. Причем тот факт, что наибольшая концентрация таких височных украшений отмечается в материалах VII – VIII вв. неволинской культуры, может быть свидетельством того, что именно отсюда происходила трансляция или ретрансляция идей или самих украшений на территорию соседних ломоватовской и полоумской археологических культур [Подосенова, 2021, с. 135–136].

Арочные шумящие подвески дополнялись вставками из сердолика и зернофилигранным декором (рис. 2, 13, 14, 16, 17). На подвеске с Кишертского I поселения отчетливо прослеживаются следы позолоты (рис. 2, 14).

Из погребальных масок в это время известны наглазники (рис. 2, 18–20).

На *урьинской стадии ломоватовской и сухоложской стадии неволинской культуры (конец VIII–IX вв.)* прикамское население было вовлечено в сферу влияния населения юга Восточной Европы, в частности – носителей салтово-маяцкой культуры, о чем свидетельствует как наличие собственно салтовских импортных вещей (например, рис. 3, 28–31), так и разнообразных местных вещей, подражающих салтовским. Вполне возможно, что носители салтово-маяцкой культуры – ранние булгары – установили прямые регулярные контакты с Прикамьем, о чем, в частности, свидетельствует регулярное и массовое поступление куфических монет. Наличие достаточного количества монетного серебра способствовало активному развитию местного ювелирного дела. Начиная с этого периода, доля импортных ювелирных изделий начала неуклонно снижаться.

Для этого времени характерны височные украшения с «грушевидной» привеской, основной частью которой выступают полый шар и усеченный конус (рис. 3, 22–27). Они были характерны исключительно для женского костюма, иногда они соединялись цепочкой, обрамлявшей подбородок. Наряду с ними большой популярностью и у женщин и у мужчин пользовались височные украшения с гроздьевидной привеской (рис. 3, 3–12, 15), а также простые проволоочные кольца овальной формы (рис. 3, 16–18, 20), импульсом для появления и развития которых могли послужить салтовские украшения.

Женские пояса в это время стали дополняться деревянными ножнами, обтянутыми металлическими пластинами и литыми кольцами (рис. 3, 44–46). Предшествующие ножны нельзя считать их прямыми прототипами. Вероятнее всего, эти ножны появились на основе салтовских образцов. Но сама традиция использования ножен в женском костюме восходит к VII в.

Еще на предыдущей стадии в женском костюме появились бронзовые флаконовидные пронизки-игольники, которые наиболее часто присутствуют в комплекте привесок, дополнявших пояса неволинского типа. На урьинской стадии они стали еще более распространенными и приобрели стандартную форму и орнаментацию. Но на Бая-

новском могильнике была выявлена и разновидность флаконовидных пронизок из серебряных тисненых пластин (рис. 3, 49–52). Они тоже выполняли функцию игольников – внутри находилась полоска войлока, куда втыкались иглы.

Распространенным элементом костюма стали монеты и монетовидные подвески (рис. 3, 34) (иногда с сюжетами пермского звериного стиля (рис. 3, 35–38)). В этот период их обычно припаивали на медную основу с петлей. Такие подвески дополняли женские ожерелья, иногда по несколько экземпляров, как в монистах. Их носили и мужчины на шее на шнурке. Иногда такие подвески помещались на висках в дополнение к височным украшениям.

На данной стадии впервые наряду с бронзовыми получили широкое распространение перстни из серебра с цветными вставками из стекла или камня – так называемые «перстни салтовского типа» (рис. 3, 39–43). Как показали исследования, наряду с салтовскими были распространены и перстни, изготовленные местными ювелирами в подражание импортным образцам. Помимо этого в конце VIII–X вв. встречаются серебряные перстни с припаянным щитком и вставкой из янтаря, которые, скорее всего, происходят с Предкавказья [Моряхина, с. 230–231].

В элитарном мужском костюме появились литые серебряные подвески-всадники, которые носили на груди на шнурке (рис. 3, 32–33).

Погребальные маски в это время имели вид личин, разделенных на две части (рис. 3, 47–48).

Неволинская культура в начале IX в. прекратила свое существование. А ломоватовская культура продолжала развиваться, и за счет тесных связей с Волжской Булгарией переживала свой расцвет, что выразилось в бурном развитии ремесел, в том числе, и ювелирного.

Следующая стадия (с начала до последней четверти X в.) условно названа баяновской по Баяновскому могильнику, где изучено наибольшее количество погребальных комплексов этого времени.

Грушевидные височные подвески (рис. 4, 9–16) в это время становятся крупнее, выполняются исключительно из серебра, зерно-филигранный декор становится обильнее, начинает применяться горячее золочение изделий. Наряду с ними продолжают использоваться височные украшения с гроздьевидной привеской и проволоочные кольца округлой, овальной, овально-подтреугольной и восьмеркообразной формы (рис. 4, 1–6). На основе восьмеркообразных колец в это время возникли ранние варианты калачевидных височных подвесок (рис. 4, 8).

Использование бронзовых шумящих украшений в женском костюме оставалось почти без изменений, только отмечается постепенное сокращение использования арочных подвесок традиционных типов и преобладание биконьковых. Вместе с тем именно в это время вновь появляются варианты ювелирных шумящих арочных подвесок из серебра (рис. 4, 42). Не исключено, что процесс развития серебряных арочных шумящих украшений, изготовленных с применением ювелирных техник, был непрерывным на протяжении ломоватовской культуры, и имеющаяся лакуна в материалах конца VIII–IX вв. со временем заполнится.

В элитарном мужском костюме наряду с серебряными литыми подвесками-всадниками появились серебряные медальоны (рис. 4, 21–28) и монетовидные подвески (рис. 4, 29–31). Наиболее простые экземпляры представляли собой вырезанный из серебряной пластины кружок с отверстиями для пришивания к ткани. Но наряду с ними существовали медальоны с чеканным орнаментом, которые нашивали на круглый шелковый воротник, нередко по несколько экземпляров или в сочетании с монетами. Иногда встречаются медальоны, вырезанные из восточных серебряных сосудов (рис. 4, 33–34).

На большинстве монет, которые применялись как в мужском, так и в женском костюме, в это время обычно пробивали пару отверстий для нашивания на ткань.

В женском костюме появились оригинальные украшения нагрудников – звездчатые подвески, в качестве центрального медальона которых использовались элементы, вырезанные из изделий постгунского полихромного стиля (рис. 4, 17–20). Вокруг золотой медальон обрамлялся серебряной штампованной проволокой, а на лучах «звездочек» помещались тисненные элементы [Крыласова, Подосенова, 2022].

Наряду с перстнями, продолжавшими развитие «салтовских» перстней, распространились также перстни, у которых на месте щитка помещалось серебряное полушарие («колпачок») с зерно-филигранным декором и вставкой из стекла или сердолика (рис. 4, 37–40) [Моряхина, 2015]. Они обычно сопровождали мужские элитарные погребения.

Принадлежностью женских поясов оставались деревянные ножны с металлической обкладкой (рис. 5, 1–5). В этот период ножны обычно обтягивались серебряными пластинами и украшались зерно-филигранным декором и янтарными вставками или тисненым орнаментом [Крыласова и др., 2022].

Погребальные серебряные маски в этот период приобретают вид цельных личин, нередко декорируются чеканным орнаментом и даже позолотой (рис. 5, 6–9).

Завершающая стадия ломоватовской культуры (последняя четверть X – конец XI в.) названа Огурдинской по хорошо изученному могильнику с достаточно узкой датировкой, приходящейся на этот период.

В это время наряду с консервативно сохранявшимися височными украшениями прежних типов, использовались проволочные кольца овальной и грушевидной формы и производные от них калачевидные височные украшения (рис. 6, 1–21). Щиток калачевидных височных подвесок обычно кованный, иногда украшен чеканным орнаментом (рис. 6, 1–8, 15). Во второй половине XI в. появились калачевидные украшения с зерно-филигранным декором и позолотой (рис. 6, 18–21) и их литые бронзовые копии.

Вместе с тем традиционные височные подвески с грушевидной привеской в XI в. достигли пика своего развития – пышный зерно-филигранный декор покрывает почти все тулово привесок, все свободные пространства позолочены, на дужке появляются дополнительные декоративные элементы в виде шариков, пирамидок зерни или рядов филигрании (рис. 6, 22–27) [Подосенова, 2021, с. 137]. Эти предметы начали беречь, и крайне редко помещали в погребения. Они больше известны покладам, иногда даже датированным XII в., что свидетельствует о том, что они хранились как семейные реликвии.

Наряду с серебряными медальонами с чеканным орнаментом, которые сохранились с предыдущего периода, появились *медальоны* с зерно-филигранным декором и вставками (рис. 6, 41), которые зачастую копировались в бронзе (рис. 6, 42, 43).

Перстни с серебряным «колпачком» на месте щитка продолжали широко использоваться. Но в это время они претерпели некоторые изменения: «колпачки» стали крупнее, увеличилось количество зерни в их декоре, шинки стали делать исключительно из согнутой медной пластины, поэтому они крайне редко сохраняются (рис. 6, 32–40). Наряду с такими перстнями существовали и перстни с плоскими щитками, оформленными зернью и филигранью (рис. 6, 30, 31), но они сравнительно редки.

Финальная стадия ломоватовской культуры с одной стороны отличалась значительным количеством инноваций, которые в конце концов привели к смене археологических культур на рубеже XI–XII вв., а с другой стороны – крайним консерватизмом. В это время сохранялись все знаковые элементы костюма, притом многие из них дополнялись шумящими привесками, что, вероятно, призвано было максимально усилить функцию предметов как амулетов. Отдельные характерные ломоватовские украшения начали выполняться в серебре в зерно-филигранной технике.

Среди них, прежде всего, следует упомянуть арочные шумящие подвески, редкие экземпляры которых происходят из кладов (рис. 6, 28, 29). Традиционные бронзовые арочные подвески к этому времени практически вышли из употребления.

В серебре стали изготавливать и флаконовидные пронизки-игольники, которые дополнялись шумящими привесками (рис. 6, 49, 50), а также туалетные коробочки – «самоварчики» (рис. 6, 47, 48), которые были заимствованы из салтово-маяцкой культуры еще в IX в. и получили в Прикамье дальнейшее развитие вплоть до конца XI в.

Традиция использования в погребальном обряде ножен в ювелирном оформлении угасла, но подобные ножны, очевидно, продолжали существовать, судя по находке ювелирной рукояти на Огурдинском могильнике (рис. 6, 46).

В XI в. появились первые трапециевидные подвески, пик распространения которых приходится на XII–XIII вв. Одна из них (рис. 6, 45) была найдена в погребении-кенотафе на Рождественском могильнике [Крыласова и др., 2017]. Вместе с трапециевидной подвеской в комплексе содержались детали вооружения (сабля, наконечники стрел, топор), стальное и биметаллическое кресало, а также многочисленные серебряные изделия – рукоять плети, рукоять сабли, «колпачок» от перстня. Большинство предметов, в том числе сломанная на 4 части сабля, были обернуты согнутой маской и обвязаны ремнем с серебряными накладками. То, что погребение датируется XI в., сомнения не вызывает. Еще одна трапециевидная подвеска (рис. 6, 44) была найдена браконьерами с комплексом вещей XI в.

В погребальном обряде XI в. сохранялась традиция использования серебряных масок. По сравнению с предыдущим периодом они стали меньше по размерам и проще по оформлению (рис. 6, 51–54). Хотя одна из масок, найденная на Рождественском могильнике (рис. 6, 51), интересна тем, что глаза у нее были обозначены чернью, ряд пятен черни располагался и вдоль носа. Предметы с чернью (главным образом, поясные наборы) поступали в XI в. в составе дальнего импорта. И, вероятно, местные мастера начали опробовать новую технологию, которая более широко стала применяться в последующий период.

На рубеже XI–XII вв. в Пермском Предуралье произошла смена археологических культур. *Родановская культура датируется XII – началом XV в.*, но материалы XV в. практически неизвестны. Пик ювелирного дела приходится на XII–XIII вв.

Среди височных украшений в это время преобладают бусинные кольца (рис. 7, 4–13, 17), хотя в XII в. еще известны калачевидные височные украшения со вставками (рис. 7, 1–3), которые завершали эволюцию калачевидных подвесок X–XI вв.

Продолжают старую традицию и арочные шумящие подвески, которые, судя по бубенчикам, датируются не ранее XII в. (рис. 7, 14, 15). Самым характерным родановским украшением были бронзовые биякорьковые подвески, которые изредка воспроизводились и в серебре (рис. 7, 16).

Как уже отмечалось, в это время были довольно широко распространены трапециевидные подвески (рис. 7, 35–37). Судя по находкам на сопредельных территориях, куда поступала продукция прикамских ювелиров, носили их на плетеных цепях (рис. 7, 37).

По материалам могильников известно, что в женском костюме использовались крестовидные подвески (рис. 7, 27–29) [Подосенова, 2023].

Пока известно 2 экз. оригинальных ожерелий из спиралевидных пронизок, перемежающихся круглыми или квадратными бляшками с петлей на обороте (рис. 7, 17, 18). Есть и примеры использования таких бляшек (рис. 7, 19–26) в поясных наборах. Ожерелья составлялись и из ювелирных бусин и бубенчиков (рис. 7, 30–34, 29, 39).

Наиболее знаковыми украшениями были медальоны с изображением сокольника [Белавин, 2004] – они сопровождают богатые мужские погребения. Среди них выделяется серия медальонов с черневым рисунком (рис. 8, 1–4), а также медальоны и лунницы в зерно-филигранном исполнении (рис. 8, 5–7).

С изображениями сокольника связаны и мотивы, встречающиеся на разного рода мужских подвесках (рис. 8, 8–11), – изображение личины в окружении соляных

символов, иногда дополненные фигурками животных [Крыласова, Подосенова, 2018; 2019].

К широко распространенным мужским украшениям принадлежат лунницы замкнутые или разомкнутые, иногда – со вставками (рис. 8, 12–25).

Реже встречаются ромбовидные подвески (рис. 8, 11, 28–29) [Крыласова, Подосенова, 2019] и круглые медальоны с зерно-филигранным декором и вставками (рис. 8, 26–27).

Материалы могильников показывают, что медальоны и лунницы иногда по несколько экземпляров присутствуют преимущественно в детских и мужских погребениях, но это обычно украшения из сплавов на основе олова. Серебряные изделия известны в основном покладам.

Среди разнообразных перстней выделяется серия широкосрединных перстней с черневым декором, которые в известны как перстни «булгарского типа» (рис. 7, 41–52). В последнее время доказано, что прикамские перстни имеют свои особенности и, очевидно, являлись продукцией местных мастеров. Импортные булгарские перстни составляют незначительную часть находок.

К редким находкам принадлежат браслеты с округлыми концами (рис. 7, 40), возникшие на основе медных родановских пластинчатых браслетов аналогичной формы. Концы серебряных браслетов оформлены вставками и зерно-филигранным декором. Известны и фрагменты шарнирных браслетов с черневым орнаментом (рис. 8, 30), которые, возможно, имели древнерусское происхождение, хотя некоторые исследователи не исключают, что они были произведены прикамскими ювелирами по древнерусским образцам.

Подытоживая данный обзор, можно сказать, что ассортимент ювелирных изделий на всех этапах был достаточно стандартным и развивался по мере совершенствования навыков прикамских мастеров. Ювелирный убор ломоватовского и родановского костюма демонстрирует различие как в типах украшений, так и в способе их ношения. Погребальные маски, которые тоже являлись продукцией местных ювелиров, характерны только для ломоватовской культуры.

Продукция прикамских ювелиров, в особенности в XII–XIV вв., обеспечивала потребности не только местного населения, но и сопредельных территорий, где она ярко выделяется за счет своеобразия декоративного оформления и технологических особенностей.

Библиографический список

1. Белафин А.М. К вопросу об изображениях Мир-сусне-хума из Прикамья и Зауралья // Удмуртской археологической экспедиции 50 лет. УДИИЯЛ. – Ижевск, 2004. – С. 331–340.
2. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Ирк. ун-т, 1985. – 280 с.
3. Голдина Р.Д. Неволинский могильник VII–IX вв. н.э. в Пермском Предуралье. – Ижевск: УдГУ, 2012. – 472 с.
4. Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск: Ирк. ун-т, 1990. – 176 с.
5. Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылченском поречье: материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 13. – Ижевск-Пермь: УдГУ, 2011. – 340 с.
6. Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / Н.А. Алексашенко, Н.Г. Брусницына, М.И. Литвиенко, П.А. Косинцев [и др.]. – Екатеринбург – Салехард: УрО РАН, 2005. – 368 с.

7. *Иванов А.Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII вв. – Ижевск: УДИИ-ЯЛ УрО РАН, 1997. – 309 с.

8. *Крыласова Н.Б., Белавин А.М., Подосёнова Ю.А.* Новый «венгерский комплекс» из раскопок Рождественского могильника // Вестник Пермского научного центра УРО РАН. – 2017. – № 4. – С. 91–99.

9. *Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А.* Звездчатые подвески из Пермского Предуралья (или вторая жизнь изделий в гуннском полихромном стиле) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2022. – Т. 50, № 4. – С. 95–102.

10. *Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А.* Лунница из Рождественского городища // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – Пермь: ПГГПУ, 2018. – Вып. VIII. – С. 31–35.

11. *Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А.* Ромбическая ювелирная подвеска из Рождественского городища // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – 2019. – Вып. 9. – С. 86–93

12. *Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А., Данич А.В.* Деревянные ножны с металлическими обкладками в средневековом Пермском Предуралье // Поволжская археология. – 2022. – № 2 (40). – С. 72–88.

13. *Моряхина К.В.* Перстни-«колпачки» с территории Пермского Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2015. – № 10. – С. 163–167.

14. *Моряхина К.В.* Украшения рук средневекового населения Пермского Предуралья: дис. ... канд. ист. наук. – Пермь: ПГГПУ, 2018. – 300 с.

15. Наследие народов Прикамья / Р.Д. Голдина, Н.А. Лещинская, Е.М. Черных, В.А. Бернц. – Ижевск: УдГУ, 2007. – 196 с.

16. *Подосёнова Ю.А.* Височные украшения средневекового населения Пермского Предуралья. – Пермь: ПФИЦ УрО РАН, 2021. – 210 с.

17. *Подосёнова Ю.А.* Зерно-филигранные крестовидные подвески Пермского Предуралья // Известия Коми НЦ УрО РАН. Серия: История и филология. – 2023. – № 1 (59). – С. 19–25.

18. *Путешествие Ибн-Фадлана:* Волжский путь от Багдада до Булгара: каталог выставки. – М.: Изд. дом Марджани, 2016. – 560 с.

19. *Руденко К.А.* Булгарское серебро. Древности Биляра. – Казань: Заман, 2015. – Т. II. – 528 с.

20. *Савельева Э.А.* Вымские могильники XI–XIV вв. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1987. – 200 с.

Сведения об авторах:

Крыласова Наталья Борисовна, д.и.н., главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН, профессор Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, e-mail: n.krylasova@mail.ru

Подосёнова Юлия Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований ПФИЦ УрО РАН, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Пермь, e-mail: podosenka@yandex.ru.

Natalia B. Krylasova, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Institute of Humanitarian Studies, Perm Federal Research Centre of the Uralski branch of the Russian Academy of Sciences; professor, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, e-mail: n.krylasova@mail.ru

Yulia A. Podosenova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Humanitarian Studies of the PFIC of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of National and Universal History, Archeology of the Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, e-mail: podosenka@yandex.ru

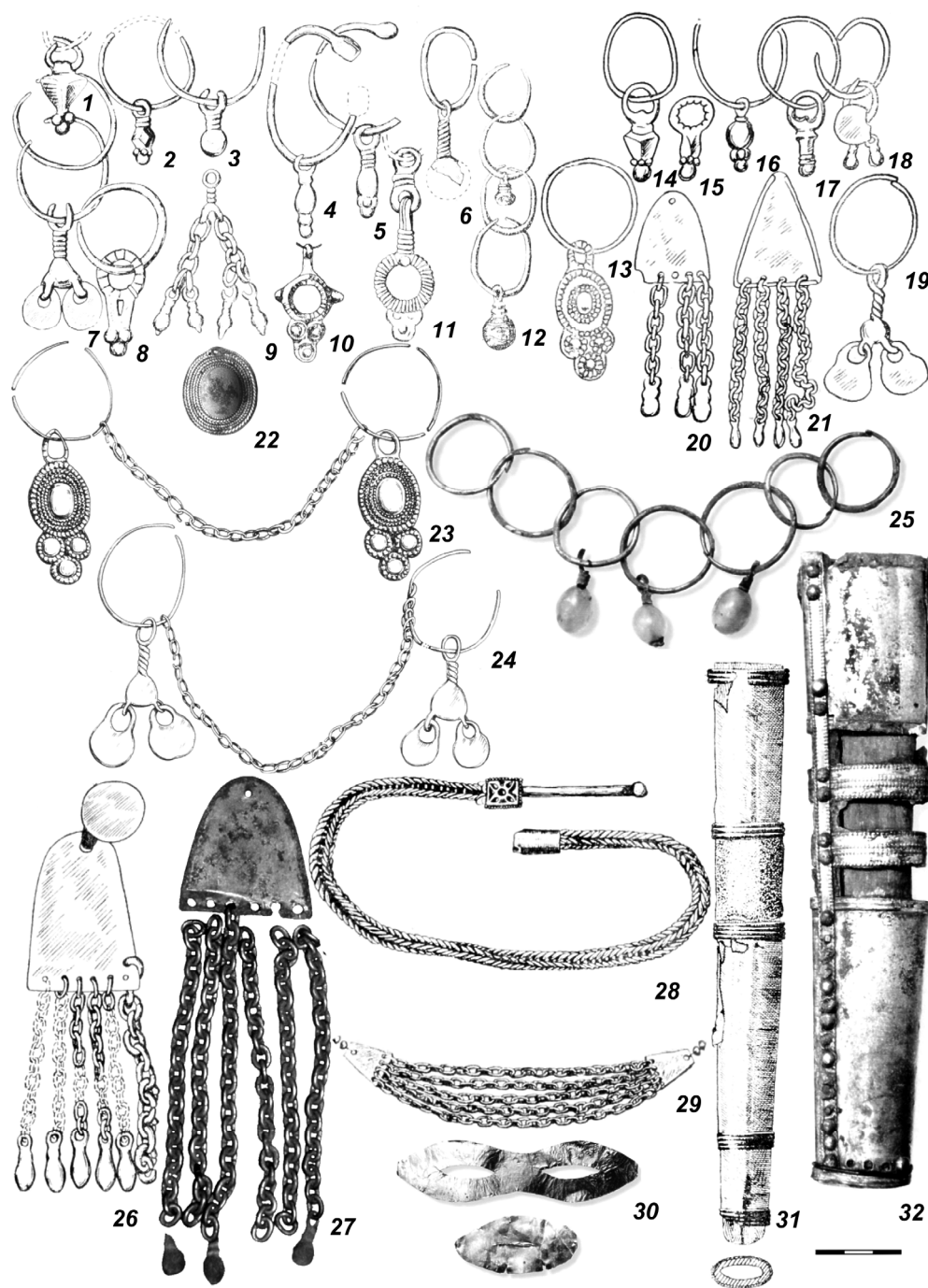

Рис. 1. Ассортимент ювелирных изделий агафоновской стадии ломоватовской и бартымской стадии неволинской археологических культур (VI–VII вв.). Прорисовки по Р.Д. Голдиной, Н.В. Водолаго [Голдина, Водолаго, 1990; Голдина, 2012], фото из каталога «Наследие народов Прикамья» [Наследие..., 2007] и из архива Н.Б. Крыласовой. Агафоновский мог-к: 1 (п. 66), 2 (п. 140), 3 (п. 140), 7 (п. 136), 28 (п. 13), 31 (п. 13); Аверинский II мог-к: 4 (п. 135), 5 (п. 135), 6 (п. 62), 7 (п. 50, 966, 122, 135, 140, 206), 9 (п. 47, 83), 11 (п. 135), 26 (п. 149); Висимский I мог-к: 8 (п. 1); Каневский мог-к: 10 (п. 10); Бурковский мог-к: 12 (п. 54), 29 (п. 29); Неволинский мог-к: 13 (п. 213), 14 (п. 223), 15 (п. 174), 16 (п. 212), 17 (п. 212, 213, 223), 19 (п. 212), 20 (п. 225), 21 (п. 212), 23 (п. 213), 24 (п. 185, 207, 212, 213, 228); Бартымский мог-к: 18; Горбунята мог-к: 18 (п. 16); Верх-Сая мог-к: 20 (к. 9/2, к.17/1), 21 (п. 88), 25, 30, 32; Пермское Предуралье: 22; Усть-Сылвенское городище: 27

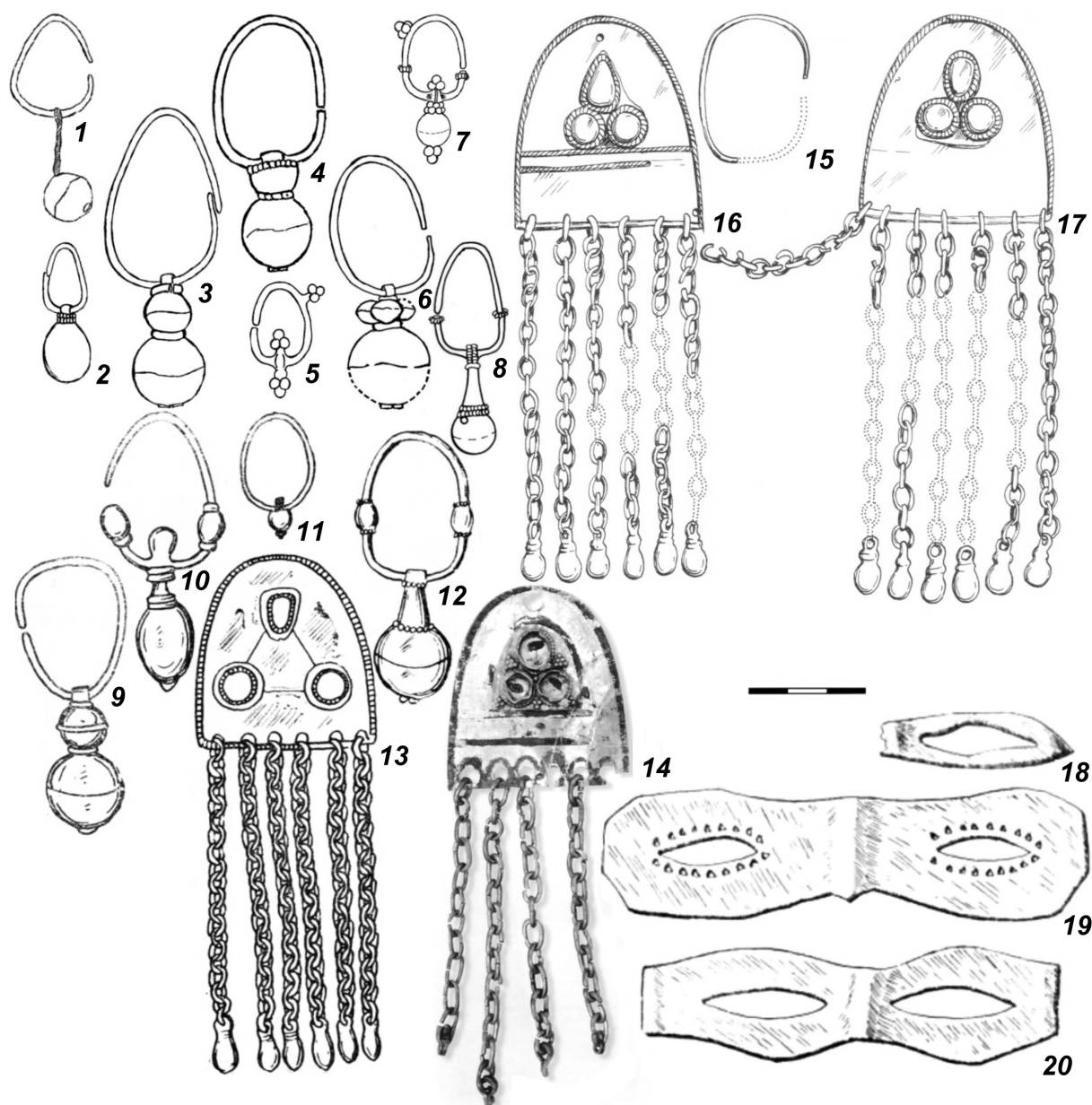

Рис. 2. Ассортимент ювелирных изделий деменковской стадии ломоватовской и неволинской стадии неволинской археологических культур (конец VII–VIII вв.). Прорисовки по Р.Д. Голдиной, Н.В. Водолаго [Голдина, Водолаго, 1990; Голдина, 2012], Ю.А. Подосёновой [Подосёнова, 2021]. Фото из каталога «Наследие народов Прикамья». Большевисимский мог-к: 1, 3 (п. 2), 4; Деменковский мог-к: 2 (п. 72), 6 (п. 37), 19 (п. 141), 20 (п. 26, 48а); Митинский мог-к: 5 (п. 51); Степаново Плотбище: 7, 8; Неволинский мог-к: 9 (п. 69, 82), 10 (п. 155), 11 (п. 245), 12 (п. 65), 13 (п. 155), 15 (п. 83, 170, 253), 16 (п. 155), 17 (п. 155); Кишертское I поселение: 14; Плесинский мог-к: 18 (п. 45), 20 (п. 43)

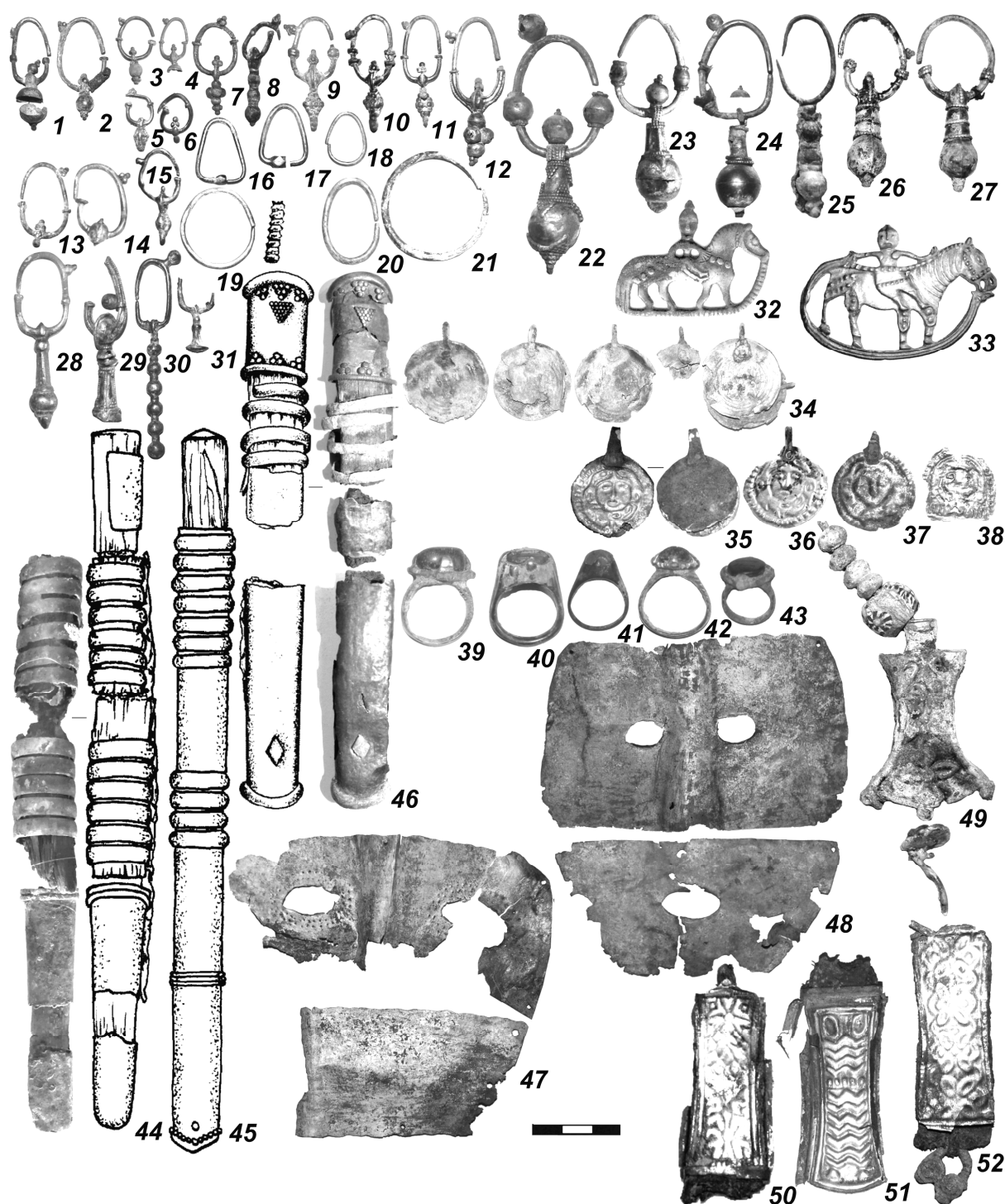

Рис. 3. Ассортимент изделий урьинской стадии ломоватовской археологической культуры (конец VIII–IX вв.). Прорисовки по Р.Д. Голдиной [Голдина, 1985].

Фото из архива Н.Б. Крыласовой, Ю.А. Подосёновой, А.В. Данича.

Баяновский мог-к: 1 (п. 81), 2 (п. 77), 3 (п. 146), 4 (п. 137), 5 (п. 363), 6 (п. 123), 7 (п. 342), 8 (п. 351), 9 (п. 158), 10 (п. 59), 11 (п. 114), 12 (п. 362), 13 (п. 52), 14 (м/м), 15 (п. 70), 16 (п. 65), 17 (п. 104), 18 (п. 76), 19 (п. 107), 20 (п. 285), 21 (п. 107), 22 (п. 425), 23 (п. 330), 24 (п. 376), 25 (п. 283), 26 (п. 55), 27 (п. 55), 28 (п. 115), 29 (п. 124), 30 (п. 129), 31 (п. 452), 32 (п. 107), 34 (п. 51), 38 (п. 77), 39 (п. 76), 40 (п. 92), 41 (п. 111), 42 (п. 125), 43 (п. 106), 47 (п. 76), 48 (м/м), 49 (п. 136), 50 (п. 333, 404), 51 (п. 127), 52 (п. 129); Пермское Предуралье: 33, 36; Селище Запоселье: 35;

Городище Саламатово: 37; Каневский мог-к: 44 (п. 40); Урьинский: 45 (п. 10);

Редикарский мог-к: 46 (п. 51)

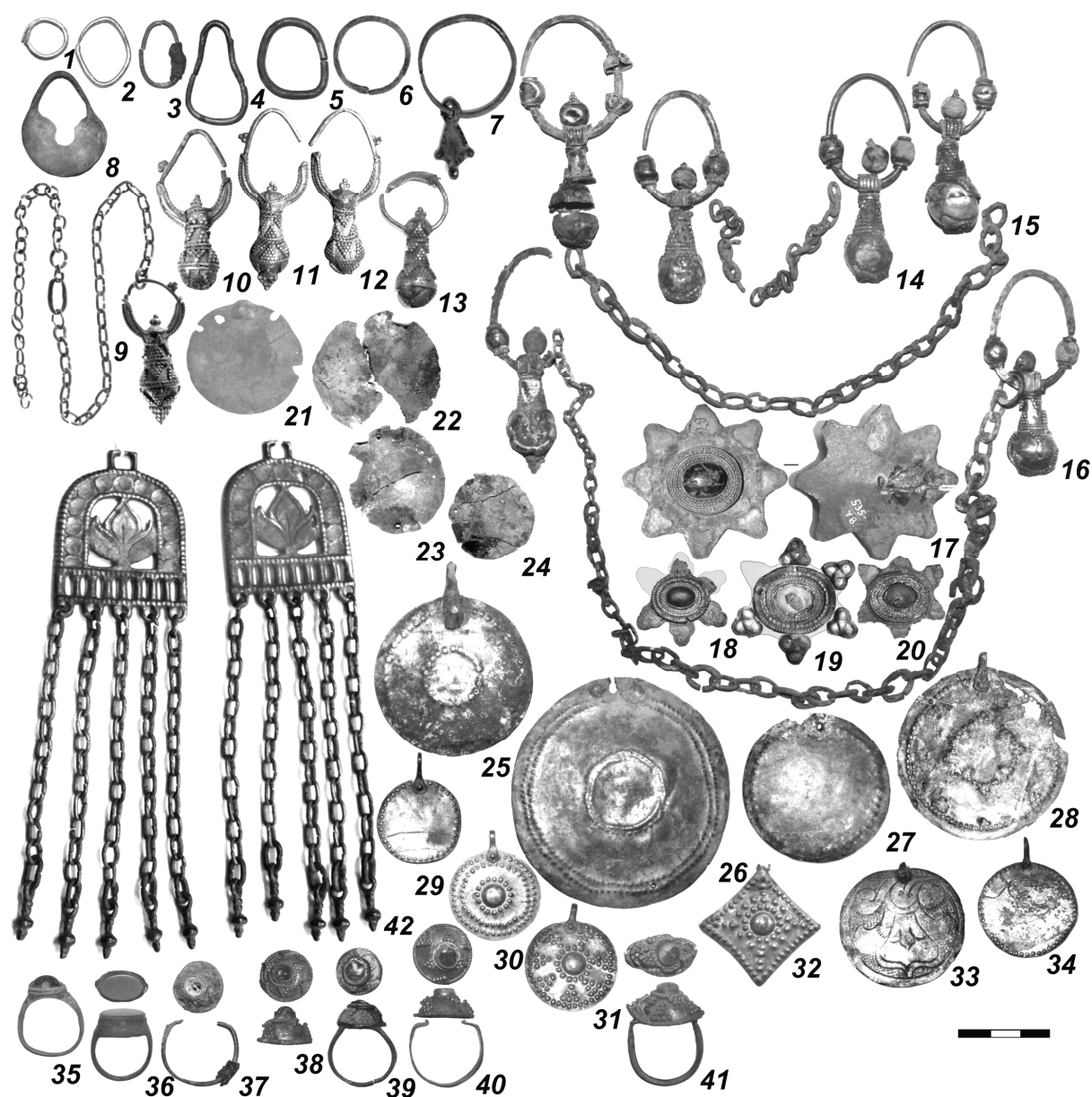

Рис. 4. Ассортимент изделий баяновской стадии ломоватовской археологической культуры (начало X – последняя четверть X века). Фото по «Путешествие Ибн-Фадлана...» (17, 29–34, 42) [Путешествие, 2016, рис. 269–271] и из архива Н.Б. Крыласовой, Ю.А. Подосёновой, А.В. Данича

Рождественский языческий мог-к: 1 (п. 264), 21–24, 25 (п. 207), 26 (п. 207), 27 (п. 228), 28;
 Баяновский мог-к: 2 (п. 54), 3 (п. 77), 4 (п. 69), 5 (п. 62), 8 (п. 61), 14 (п. 101), 15 (п. 92),
 16 (п. 252), 18 (п. 136), 19 (п. 101), 20 (п. 136), 35 (п. 101), 36 (п. 136), 37 (п. 128), 38 (п. 440),
 39 (п. 61), 40 (п. 416), 41 (п. 355); мог-к Телячий Брод: 6; городище Саламатово: 7; Вашкурское
 погребение: 9; Пермское Предуралье: 10, 13; Лекмартовский клад: 11, 12; Редикарский клад:
 17, 29–34, 42

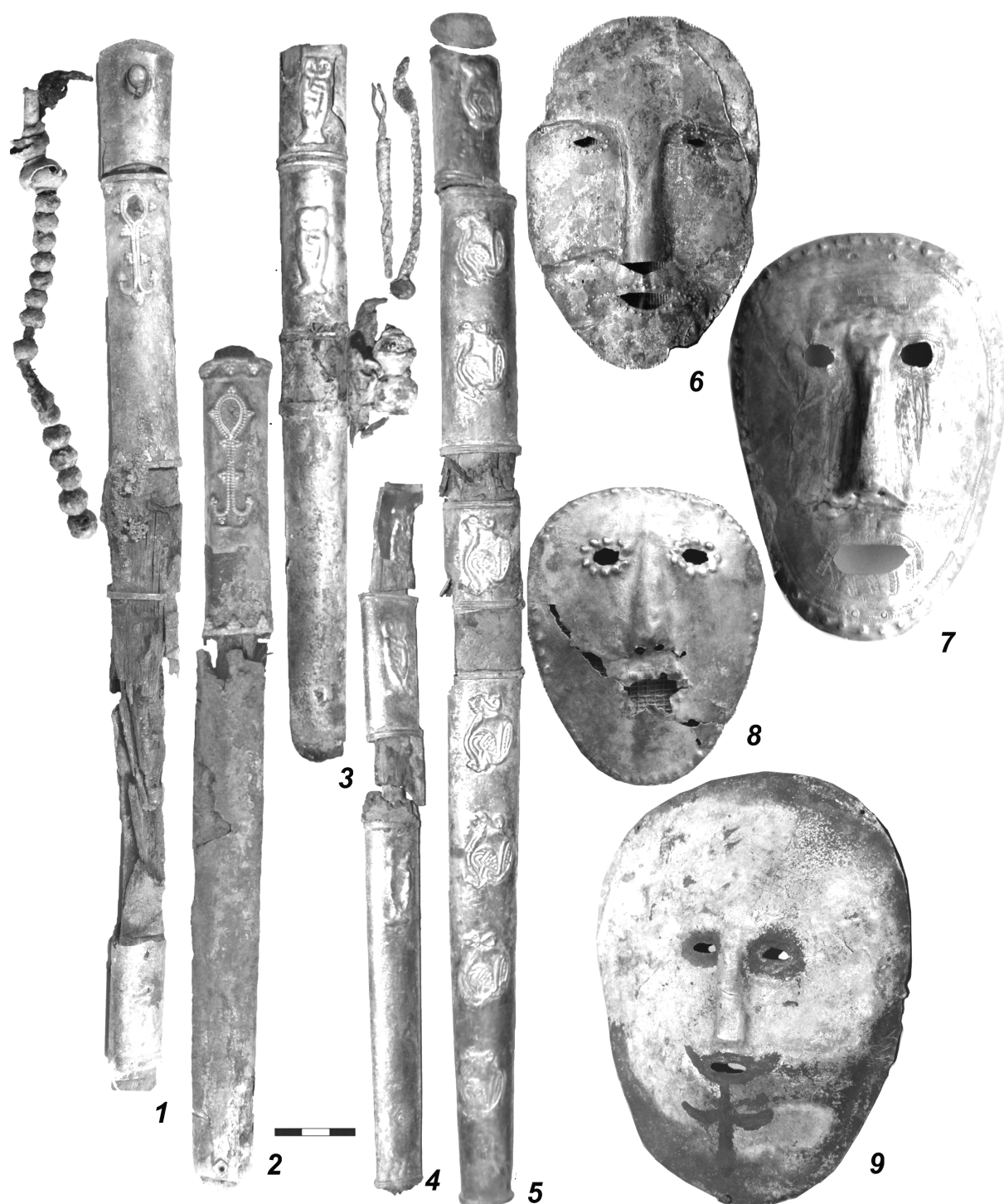

Рис. 5. Ассортимент изделий баяновской стадии ломоватовской археологической культуры (начало X – последняя четверть X в.): продолжение.

Фото из архива Н.Б. Крыласовой, Ю.А. Подосёновой, А.В. Данича

Баяновский мог-к: 1 (п. 392), 2 (п. 328), 3 (п. 492), 4 (п. 124), 5 (п. 374), 6 (уч.);
Пермское Предуралье: 7–9

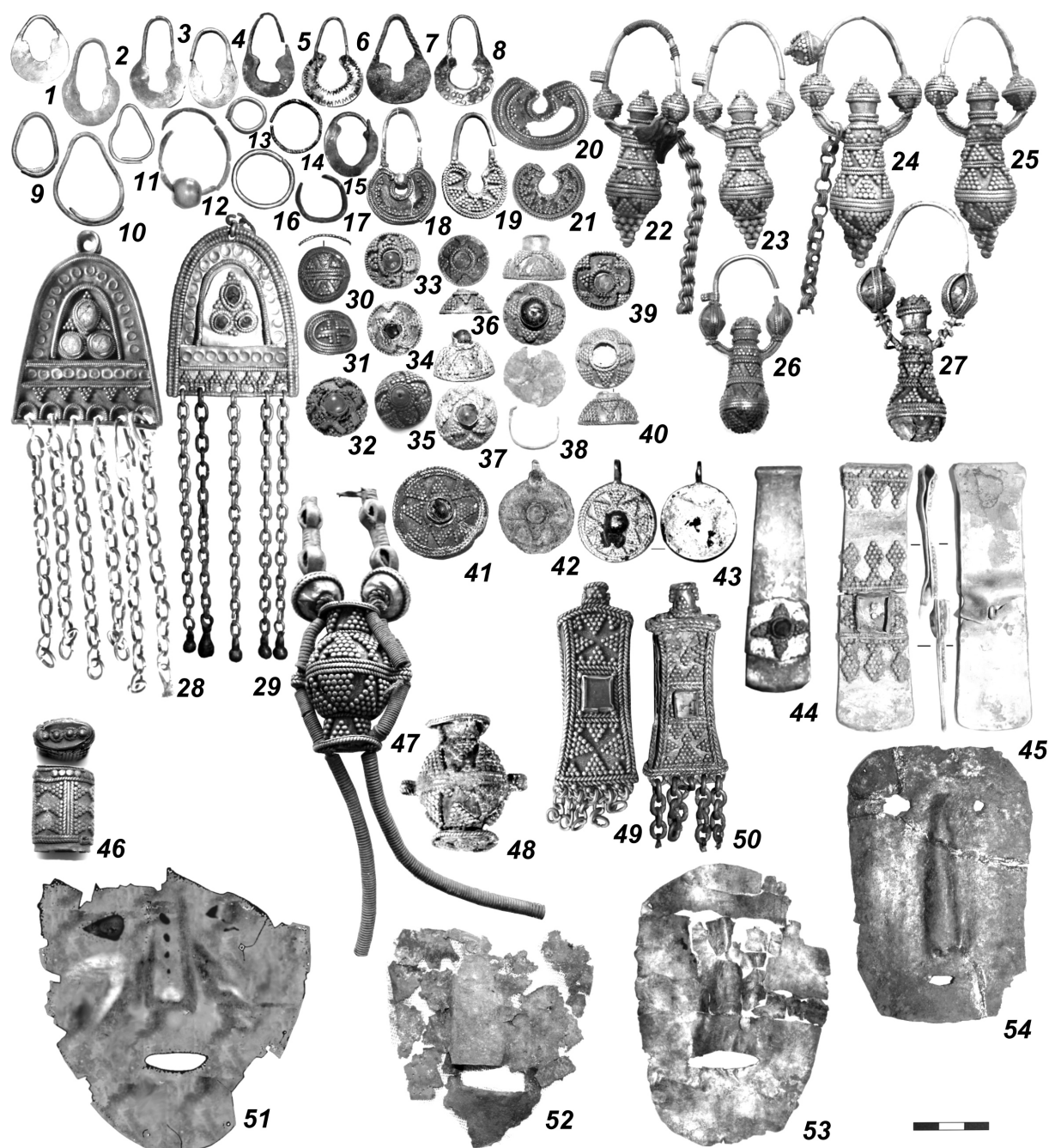

Рис. 6. Ассортимент изделий огурдинской стадии ломоватовской археологической культуры (последняя четверть X – конец XI вв.). Фото из архива Н.Б. Крыласовой, Ю.А. Подосёновой, А.В. Данича

Рождественский языческий мог-к: 1 (п. 120), 3 (п. 225), 4 (п. 113), 5 (уч.), 6 (п. 319), 7 (п. 98), 11 (уч.), 12 (п. 156), 13 (п. 264), 15 (п. 234), 16 (п. 135), 17 (п. 53), 18 (п. 220), 30 (п. 102), 38 (п. 52), 39 (п. 92), 40 (п. 91), 41 (м/м), 45 (п. 325), 51 (п. 52), 52 (п. 76), 53; Рождественское городище: 42; Баяновский мог-к: 2 (п. 266), 9 (п. 62), 10 (п. 276); Пермское Предуралье: 8, 19, 21–25, 26–28 (коллекция Теплоухова), 31–34, 43, 44, 47, 49 (коллекция Теплоухова), 54; могильник Телячий Брод: 14; городище Саламатово: 20; Лекмартовский клад: 29, 50; Огурдинский мог-к: 35 (м/м), 36 (п. 48), 37 (п. 102), 46 (м/м); Вильгортский клад: 48

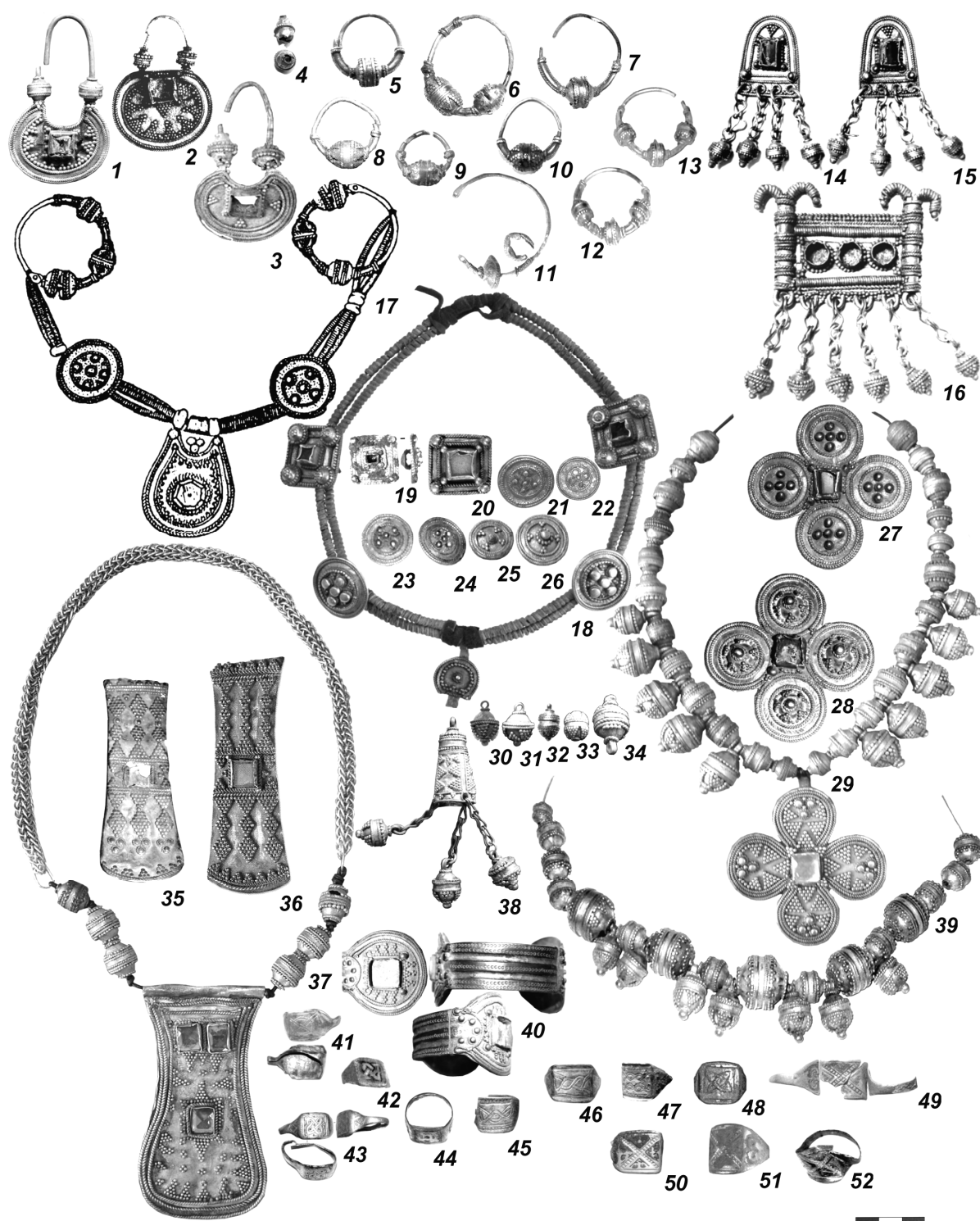

Рис. 7. Ассортимент изделий родановской археологической культуры (XII–XIII вв.). Прорисовка по Э.А. Савельевой (17) [Савельева, 2012, рис. 33], фото по: К.А. Руденко (36) [Руденко, 2015, илл. 283], «Зеленый Яр..» (2) [Зеленый Яр, 2005, цв.вкл.] (2), а также фото из архива Н.Б. Крыласовой, Ю.А. Подосёновой, А.М. Белавина. Пермское Предуралье: 1, 3, 4, 12–15, 16, 18–20, 26, 29, 32–34, 35 (коллекция Теплоуховых), 36, 37, 38, 39, 41–44, 47, 49, 52; городище Роданово: 5; Плотниковский мог-к: 6 (п. 156), 8 (п. 25), 45 (п. 24), 46 (п. 29), 48 (п. 77), 50 (п. 25), 51 (п. 42); городище Рачево: 7; Антыбарский мог-к: 9; селище Вакино: 10; мог-к Телячий Брод: 11, 21–23; Рождественское городище: 30, 31; Чупинский клад: 40; Вильгортский клад: 27, 28; городище Саламатово: 24, 25. Прикамские изделия из памятников сопредельных территорий: Зауралье: 2; Северное Предуралье: 17

Рис. 8. Ассортимент изделий родановской археологической культуры (XII–XIII вв.): продолжение. Фото из архива Н.Б. Крыласовой, Ю.А. Подосёновой, А.М. Белавина. Деревня Искор: 1; мог-к Телячий Брод: 2, 4 (п. 5), 6, 25; деревня Сечище: 3; Кишерсткий мог-к: 5; Пермское Предуралье: 7–9, 12–21, 23, 24, 27; Рождественское городище: 10, 11; Антыбарский мог-к: 22; городище Роданово: 26; Вильгортский клад: 28, 29; Кардымское городище: 30

**СБОРНИК в СБОРНИКЕ «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПОЛЕВЫЕ РАБОТЫ В ПЕРМСКОМ КРАЕ 2021–2022»**

Археологические
полевые работы
в Пермском крае
2021-2022

От редактора

В ноябре 2022 г. на базе Пермского гуманитарно-педагогического университета прошла первая конференция Региональная научно-практическая конференция «Археологические полевые работы в Пермском крае в 2022 г.», организованная молодым коллективом археологов. Участниками конференции являлись археологи-исследователи, держатели Открытых листов и все заинтересованные в сохранении и популяризации историко-культурного наследия Пермского края. К таковым относятся сотрудники Камской археологической экспедиции ПГНИУ, Камской археолого-этнографической экспедиции ПГГПУ, научные сотрудники ПФИЦ УрО РАН, сотрудники и археологи Пермской региональной общественной организации «Археологи Прикамья».

В данном сборнике представлены материалы полевых исследований, результаты которых были представлены на конференции в ноябре. Первоначально предполагалось сформировать сборник отдельным изданием, однако из-за небольшого объема и в целях экономии средств было принято решение издать его в рамках очередного выпуска «Трудов КАЭЭ ПГГПУ». При этом сохранен авторский вариант оформления статей.

Надеемся, что материалы сборника окажутся полезными начинающим и практикующим археологам!

Н.С. Батуева

УДК 902.21

DOI: 10.24412/2658-7637-2023-22-75-88

Смертин Андрей Романович

археолог Камской археолого-этнографической экспедиции
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
магистрант историко-политологического факультета
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия, e-mail: arsmertin@mail.ru

Смертин Павел Романович

археолог Камской археолого-этнографической экспедиции
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
магистрант историко-политологического факультета
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
научный сотрудник
Пермская региональная общественная организация «Археологи Прикамья»,
Пермь, Россия, e-mail: paulsmert@mail.ru

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ ПО ЛЕВОМУ БЕРЕГУ РЕКИ
ЧУСОВОЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУСОВСКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА
В 2021–2022 ГГ.**

Andrew R. Smertin

Archaeologist of the archaeologist and ethnography expedition of the Kama Region
Perm State Humanitarian Pedagogical university
master of the Faculty of History and Political Science Perm State University
Perm, Russia, e-mail: arsmertin@mail.ru

Pavel R. Smertin

Archaeologist of the archaeologist and ethnography expedition of the Kama Region
Perm State Humanitarian Pedagogical university
master of the Faculty of History and Political Science Perm State University,
Researcher
Perm Regional Public Organization "Archaeologists of the Kama region"
Perm, Russia, e-mail: paulsmert@mail.ru

**ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATION ON THE LEFT SHORE
THE CHUSOVAYA RIVER ON THE TERRITORY OF THE CHUSOVSKY
CITY DISTRICT IN 2021–2022**

Отражены результаты разведочных работ в низовьях р. Чусовой в Предуралье. Эта территория с конца XIX в. исследуется краеведами и археологами. Проблема разведок определена пробелами в открытии археологических памятников и в уникальности ломоватово-родановских памятников ввиду смешанности чусовского населения. В результате обследования удалось выявить новый памятник Глушка I, селище, и поставить на учёт известные ранее памятники – городища Бовинское I-II (Маруша I-II) и Плёс, Плёс селище. По историографическим данным и керамическому материалу большинство памятников датируются ранним

средневековья. Также удалось выявить небольшие комплексы эпохи палеолита, нового времени. Расселение на левом берегу р. Чусовой преобладало в пойме на селищах, когда городища сыграли роль убежищ. Дальнейшее изучение региона необходимо в охранно-спасательных целях, а также для уточнения культурно-хронологической атрибуции ряда памятников, расширения их набора.

Ключевые слова: археологическая разведка, Пермское Предуралье, р. Чусовая, городище, селище.

The article reflects the results of exploration archaeological work in the lower reaches of the Chusovaya River in the Pre-Urals. This territory has been studied by local historians and archaeologists since the end of the XIX century. The problem of exploration lies in the gaps in the discovery of archaeological site and in the uniqueness of the lomovatovo and rodanovo sites as a whole, in view of the mixing of the population of the Chusovaya river region. It was possible to identify a new site to Glushka I settlement and to register the previously known site Bovinskoe I-II (Marusha I-II), the Ples hillfort, the Ples settlement. According to historiographical data and ceramics material, most of the monuments date back to the early Middle Ages. It was also possible to identify small complexes of the paleolithic era, modern period. Settling on the left bank of the Chusovaya River prevailed in the floodplain on the settlements, when the hillfort served as shelters. Further study of the region is necessary for security and rescue purposes, as well as to clarify the cultural and chronological attribution of sites, to expand their set.

Key words: archaeological investigation, Perm Pre-Urals, Chusovaya River, hillfort, settlement.

Введение

В период 2021–2022 гг. отрядом Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета была проведена серия археологических разведок по левому берегу р. Чусовой (левый приток р. Камы), в её нижнем течении на территории Чусовского городского округа Пермского края (рис. 1) [19; 20; 21].

Проблематика разведочных работ в Почусовье давно обозначена в научной литературе. Пермский краевед В.Н. Шишонко приводит сведения местных жителей о самых разнообразных древних местах и артефактах в долине р. Чусовой [28, с. 625]. Вслед за этим, во второй половине XIX в., Ф.А. Теплоуховым производились сборы археологических находок в Почусовье, которые вошли в обобщающую работу А.А. Спицына «Древности Камской Чуди» [23]. Профессиональное археологическое обследование района впервые было произведено в 1935 г., когда отряд Камской экспедиции ГАИМК под руководством М.В. Талицкого обследовал всё нижнее течение р. Чусовой. Именно им были открыты большинство известных памятников района и отмечено их обилие и разнородность [25, с. 130].

Следующий этап связан с деятельностью студента Молотовского государственного университета Р.А. Коренченко, который в 1951 г. сделал планы и составил паспорта археологических памятников: Вереинский I, могильник, Вереино I, городище, Вереино I, селище, Вереинское II (Малышатское), городище, Родники I (Малышата, Чудиново поле), селище [4; 5; 7; 8; 17].

Изучение памятников продолжено КАЭ ПГУ. В 1969 г. В.Ю. Лещенко осуществил раскопки на Вереинском I и Вереинском II городищах [12; 13, с. 167]. В 1988 г. С.Н. Коренюк провел раскопки на Зуевском селище [10].

В 1999 г. в ходе инвентаризации объектов археологического наследия была произведена проверка состояния памятников археологии Пермской области сотрудниками КАЭЭ ПГПУ под руководством А.М. Белавина. Далее памятники повторно осматривались в рамках мониторингов состояния и использования объектов археологического наследия сотрудниками КАЭ ПГУ: в 2005 г. Д.А. Изосимовым и в 2011 г. Д.А. Майстренко, работой которых установлены координаты памятников и их современное состояние [4; 5; 6; 7; 8; 10; 17].

Важно отметить, что в результате данных работ далеко не все памятники, открытые в советский период, были включены в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, что только повышает актуальность проводимых разведочных исследований. Так, памятники близ д. Бовино и д. Плёсо не вошли в мероприятия по инвентаризации и мониторингу объектов культурного наследия, но были, тем не менее, известны и представлены в литературе. В сборник «Археологические памятники реки Чусовой» 1988 г. памятников включено больше, чем поставлено на государственную охрану в 1999 г. [3]. Отдельно Бовинскую группу памятников описывал и сотрудник КАЭЭ ПГПУ – С.Л. Островский. Автор выделял все чусовские памятники средневековья в юго-восточный локальный вариант ломоватово-родановской общности, характеризующийся проживанием в нём разнородного населения [15, с. 116, 119].

Таким образом, нами было выделено две позиции в пользу актуальности разведочных работ в Почусовье: локальная обособленность средневековых памятников р. Чусовой и пробелы в поисках объектов культурного наследия в данном районе.

Результаты исследований

Цикл разведочных работ было решено начать с левого берега нижнего течения р. Чусовой. Здесь можно выделить два отрезка исследования: **первый** – в окрестностях д. Вереино, **второй** – от д. Вереино до д. Шалыги. Деревня Вереино располагается в 21 км к юго-западу от г. Чусовой. Деревня Шалыги расположена в 17 км к юго-западу от д. Вереино и в 3 км к юго-востоку от п. Верхнечусовские Городки.

В **первом** отрезке исследования известно восемь памятников, один из которых обнаружен в ходе полевых работ 2022 г.

Вереино I, поселение, XVI–XIX вв. Памятник расположен в д. Вереино, упоминается в «Пермской старине» А.А. Дмитриева как поселение Великопермской вотчины Строгановых XVII в. [9, с. 115]. На территории поселения расположены два памятника градостроительства и архитектуры – Дом священнослужителя и Церковь Святой Троицы (оба построены в XIX в.) [6]. Дом священнослужителя находится в удовлетворительном состоянии, ныне в нём располагается местный дом культуры.

Церковь утрачена в результате пожара 2008 г. От неё остался лишь фундамент, сложенный из камня. Рядом с церковью найдено каменное надгробие, воздвигнутое над захоронением местного священника. На памятнике различимы следующие надписи: «Здесь похоронен священник Алексей Тарасович Горский, умер 25 октября 1898 г. 38 лет от роду», «Незабвенному мужу от нежно-любящей жены Марии Горской», «Последний долг от любящих детей» (рис. 4, А–В). Со слов местных жителей, памятник всё время передвигали с места на место, пока тот не был случайно разрушен трактором при развороте плуга.

В 2011 г. на территории памятника были проведены разведочные работы сотрудником КАЭ ПГУ Д.А. Майстренко. Было разбито два шурфа 1×1 м в непосредственной близости к церкви (к северу и югу от неё). Шурфы неглубокие, артефактов и культурного слоя обнаружено не было, материковый слой, идущий сразу же после дерна, представляет собой камень, аналогичный фундаменту церкви [6]. Это указывает, что при строительстве Святроицкой церкви в Вереино использовался местный строительный материал.

В 2022 г. в границах памятника (в его северном углу, по ул. Зуевская) был разбит шурф 2×2 м и зафиксирована следующая стратиграфия: сразу под дёрном следует серо-коричневый суглинок (пахотный слой), мощностью до 0,32 м, материковый слой представлен рыжей глиной. В пахотном слое найдена круговая керамика с зеленой поливой (4 фр.) (XVII–XIX вв.) [22, с. 125] и без неё (8 фр.), 2 кованых гвоздя (строительный и обувной), сбруйная пуговица, относящаяся, вероятно, к XIX в. (рис. 4, 1–6).

Вереино I, городище, VI–VIII вв. Известно по письменным источникам с XIX в. (среди местных жителей его называли как «Малогорское», так как оно располагается на так называемой «Малой Горе» [4; 25, с. 128]). На памятнике дважды проводились разведочные работы – в 1935 г. М.В. Талицким и в 1969 г. отрядом КАЭ ПГУ (под руководством В.Ю. Лещенко). В обоих случаях было заключено, что культурный слой на площадке городища отсутствует [12; 25, с. 128].

В ходе разведочных работ 2021–2022 гг. зафиксированы валы городища с южной и восточной сторон. В настоящий момент состояние памятника удовлетворительное, площадка занята жилыми постройками. На распаханной части огорода найдено множество фрагментов поздней круговой керамики.

Вероятно, городище могло использоваться как убежище [12], чем объясняется отсутствие культурного слоя и артефактов, одновременных времени существования городища.

Вереинский I, могильник, X–XIII вв. Древний некрополь обнаружен во время строительства домов в XIX в., когда были найдены человеческие останки и древние артефакты. Среди местных жителей его называли «крестик», или «Плотницкое кладбище» [5; 14; 27, с. 618]. Памятник раскапывался в 1935 г. М.В. Талицким [25, с. 127, 129], найдены разрозненные кости (что указывает на разрушенность могильника), фигурка железного всадника, небольшой сосуд. Анализ археологического материала позволяет отнести могильник к позднему этапу ломоватовской культуры.

М.В. Талицкий отмечал, что могильник находится на территории д. Вереино – раскопы были разбиты на «параллельной берегу» улице [24; 25, с. 126, 129]. Р.А. Коренченко также указывал, что могильник находится на территории деревни [5].

Сегодня его точное местоположение неизвестно. Местные жители слышали о могильнике, но точно объяснить его расположение не смогли (указывали на территорию церкви, возможно, путая со старым православным кладбищем при Церкви Святой Троицы, и на дворы домов по ул. Зуевской, где, однако, на пашне, не было найдено артефактов и скелетных останков).

По мониторингам памятник указан у подножия террасы р. Чусовой. Хотя архивные фото и описания М.В. Талицкого говорят о его расположении в деревне, на склоне холма, что в целом соответствует закономерностям расположения средневековых могильников.

Зуята I (Зуевское), селище, VI–VIII вв. Памятник обнаружен к северо-северо-востоку от д. Вереино и исследован КАЭ ПГУ под руководством С.Н. Коренюка в 1988 г. Изучена площадь 160 м², найдены следы жилищ и хозяйственных сооружений, керамика и бронзовые изделия ломоватовского времени [10].

В результате разведок 2021–2022 гг. в обнажениях берега найдена лепная керамика ломоватовского типа, а также круговая деревенская керамика. Лепная керамика представлена 20 фрагментами без орнамента. Круговая керамика относится к деятельности деревни и датируется XVIII – началом XX в. [22] В результате зачистки обнажения зафиксирована стратиграфия: под дерном следовал черный гумусированный суглинок (пахотный слой, мощностью менее 10 см), затем – серый комковатый рассыпчатый суглинок (культурный слой, мощностью от 18 до 24 см). Материковый слой представлен коричневым запесоченным суглинком (рис. 2, I).

Памятник находится в аварийном состоянии – западная часть селища размывается водами р. Чусовой, его южная часть разрушена карьером площадью около 200 м² [10], восточная часть активно разрушается деятельностью «черных копателей». Также большая часть памятника была распахана и занята постройками д. Зуята (нежилая, на поверхности фиксируются жилищные ямы, в конце 1980-х гг. еще сохранялись два заброшенных деревянных дома). Актуальным здесь будет проведение охранно-спасательных раскопок.

Вероятно, именно это селище обнаружил в 1935 г. М.В. Талицкий, назвав его **Вереинским** и отнеся его к ломоватовской культуре [24; 25, с. 129]. **Вереинское селище** юридически находится севернее **Зуевского** [7; 10]. Полевые земляные работы 2021–2022 гг. на

Вереинском селище результата не дали – ни культурного слоя, ни археологических артефактов найдено не было, в отличие от Зуевского селища, где существование культурного слоя подтверждено. Таким образом, открытие Зуевского селища в 1988 г. возможно было повторным открытием Вереинского селища.

Р.А. Коренченко также указывал на существовании двух селищ северо-восточнее деревни и восточнее территории Зуевского селища, в значительном удалении от р. Чусовой [7]. Поиск таковых в 2021–2022 гг. не дал результатов.

Глушка I, селище, VIII–XI вв., обнаружено в ходе разведки 2022 г. в устье р. Глушки (левый приток Чусовой), в 3 км к северо-востоку от д. Вереино. До этого селище не упоминалось в литературе. Памятник распахивается, его северная часть размывается водами р. Чусовой. Границы памятника довольно точно установлены по распространению керамики на пашне, что подтверждается проведенной шурфовкой. Установлена стратиграфия селища: под дерновым слоем следовал темно-коричневый суглинок (пахотный слой, мощностью от 29 до 37 см), затем – черный гумусированный суглинок (культурный слой, мощностью до 8 см). Материк представлен светлой рыже-коричневой глиной (рис. 2, I).

Керамика представлена 69 фрагментами, из которых 2 имеют орнамент (рис. 3, 10–12). Венчик с внутренней стороны имеет оттиски тонкого гребенчатого штампа, с внешней – «елочку», сделанную такими же оттисками. Второй фрагмент (стенка сосуда) орнаментирован рядом диагонально поставленных оттисков гребенчатого штампа, ниже идет шнуровой орнамент. Схожие мотивы встречены на керамике некоторых позднемомоватовских памятников [11, с. 134; 2]. Один фрагмент представлен волнистым венчиком, наплывающим на внешнюю сторону стенки, аналогичный находкам с Запоселье I, селища [28].

Предварительно, по керамическому материалу селище можно датировать VIII–XI вв. Раскопки памятника позволят более точно установить хронологию и культурную принадлежность селища.

Вереинское II (Малышатское), городище, VI–VIII вв. Площадка памятника расположена к юго-западу от д. Вереино, над д. Малышата. Городище известно местному населению с XIX вв. [27, с. 625], неоднократно подвергалось археологическому изучению.

В 1935 г. М.В. Талицким было заложено 9 шурфов на площадке городища, обнаружена керамика ломоватовского типа, узколезвийный топор, нож, точильный камень, фрагменты тиглей и шлаки [8; 25, с. 128]. В 1969 г. отрядом КАЭ ПГУ, под руководством В.Ю. Лещенко были проведены разведочные раскопки, в результате которых зафиксирован распаханный культурный слой до 15 см и найдено более 1000 фрагментов ломоватовской керамики [12; 13, с. 167].

В 2021–2022 гг. на площадке городища (в основном, в предвальной части) зафиксированы около десятка грабительских вкопов, в отвалах которых были встречены 5 мелких фрагментов неорнаментированной керамики VII–VIII вв., аналогичные найденной в ходе работ В.Ю. Лещенко [12].

Родники I (Малышата, Чудиново поле), селище, VI–VIII вв. Селище располагается на подножии террасы между старичными протоками, к западу от д. Малышата. Открыто М.В. Талицким в 1935 г. Им на пашне была собрана керамика ломоватовского типа.

Культурный слой памятника полностью распахан, артефактов в ходе разведок 2021–2022 гг. не найдено, зондаж результатов не дал.

Все памятники, указанные выше (за исключением Вереино I, поселения и Глушки I, селища), были отнесены С.Л. Островским, к *Вереинской* группе памятников юго-восточного локального варианта ломоватово-родановской общности. При этом *Вереинской* группе памятников отводится центральная роль среди всех памятников Чусовского микрорегиона по критериям высокой концентрации разнотипных памятников и их центральному расположению относительно других групп [15, с. 117].

Мы с осторожностью относимся к этому выводу, так как культурные слои на всех памятниках *Вереинской* группы превалируют на селищах, а на городищах практически отсутствуют. Также не зафиксированы крупные могильники и сколько-нибудь серьезные производственные площадки (за исключением нескольких фрагментов шлаков и тиглей на Вереинском II (Малышатском) городище).

В данном отношении более развитой можно считать *Усьвинскую* группу памятников, где зафиксированы мощные культурные слои и производственные площадки (селище Телячий Брод, Саломатовское I городище), а также крупные могильники (Телячий Брод, Антыбарский могильник).

В окрестностях д. Вереино было обнаружено **3 клада**. Первый – найден в 1872 г. под Вереинским II (Малышатским) городищем, на террасе, где стояла д. Малышата. Он содержал 3 серебряных блюда, монеты и подвески. Предметы из этого клада хранились в коллекции Теплоуховых, позже были переданы Строгановым, затем – в Эрмитаж. Также М.В. Талицкий указывает на обнаружение другого Вереинского клада, который найден под городищем Вереино I, при распаивании целины [24; 25, с. 128–129; 26]. В 2021 г. от местных жителей получены сведения о находке серебряного блюда на пахотном поле над д. Малышата. Достоверность данных о третьем кладе вызывает сомнения.

На грунтовой дороге от д. Малышата до автотрассы «Чусовой-Верхнечусовские городки» были обнаружены предметы *палеолитического времени*. Найденные артефакты изготовлены из кремнистого сланца и представлены сколом, тремя отщепами и пластиной (рис. 3, 1–5). На двух последних фиксируется краевая ретушь. Каменные артефакты были найдены в отсыпке на разных участках дороги в 2021 и в 2022 гг. Отметим, что слой отсыпки является переотложенным, а сам памятник эпохи палеолита, вероятно, находится на берегу, где и добывали песчано-гравийную смесь. Нами было осмотрено несколько предполагаемых мест добычи, где не было обнаружено свидетельств материальной культуры.

На **втором** отрезке исследования не было известно памятников, состоящих на государственном учёте. Как было указано выше, М.В. Талицким были открыты несколько памятников археологии, местонахождение которых в точности не было известно. Работами 2022 г. данные памятники повторно открыты, точно локализованы, включены в единый государственный реестр объектов культурного наследия.

Бовинское I (Маруша I), городище, IV–VI вв. Памятник расположен на левом берегу р. Чусовой, на площадке коренной террасы, напротив о. Заблудящий, между бывшими дер. Филатовка и Бовино.

Памятник впервые был обнаружен М.В. Талицким в 1935 г., его местонахождение было обозначено «ниже дер. Бовиной, в лесу Маруша». В ходе пробной шурфовки артефакты не были найдены исследователем [25, с. 129–130].

Городище было повторно локализовано и осмотрено лишь в 2022 г. Подтреугольная площадка памятника в основном заросла лесом, частично используется под свалку мусора, ограничена крутым склоном к р. Чусовой и оврагами с северо-западной, юго-западной, северо-восточной сторон. С юго-восточной стороны граница проходит по окраине леса, по изгибу частично распаханного вала, тянущегося между оврагами (высота 1–1,5 м). С северо-восточной стороны площадку городища от оврага отделяет ещё один небольшой вал (высота 1–1,5 м), который не соединяется с внешним валом и не доходит до окончания мыса (рис. 2, II – Б).

В результате разбитого в предвальной части шурфа удалось зафиксировать стратиграфию: сразу под дерном следовал пахотный слой мощностью до 25 см, ниже располагался невыразительный серо-коричневый суглинок – культурный слой (?) толщиной до 6–7 см, материковый слой представлен рыжей глиной, артефактов не обнаружено.

Датировка лишь предположительно может быть соотнесена с вторым городищем по схожей топографии и фортификации. Возможно, первое городище не было построено.

Бовинское II (Маруша II), городище, IV–VI вв. Памятник расположен к юго-западу от первого городища, на другой стороне глубокого оврага.

Городище также впервые было обнаружено М.В. Талицким в 1935 г. «ниже дер. Бовиной, в лесу Маруша». Исследователем были заложены несколько шурфов и получен керамический материал [25, с. 130].

Памятник был повторно локализован и осмотрен в 2022 г. Его топография схожа с первым городищем: подтреугольная залесенная площадка ограничена крутым склоном к р. Чусовой и оврагами с северо-западной, юго-западной, северо-восточной сторон. С юго-восточной стороны граница проходит по окраине леса, по изгибу вала и рва, высотой 2–3 м, соединяющего овраги.

В отличие от первого городища, ближе к окончанию мыса, площадка перерезана ещё одним валом, высотой 1–1,5 м, параллельно внешнему. Данные валы дополнительно соединены небольшим средним валом, высотой 1–1,5 м, и образуют трехстороннюю защиту второй площадки в форме буквы «П» (рис. 2, II–А). Отметим, что точных аналогий подобной системы соединения внешних валов, защищающих поселение с напольной стороны, третьим валом, защищающим поселения со стороны одного из оврагов, не удалось обнаружить ни на прикамских памятниках, ни на сопредельных территориях.

Исходя из выявленной системы памятника, на его площадке было заложено два шурфа – на мысовой площадке рядом с внутренним валом, на второй площадке в углу между средним и внешним валами, и одна зачистка обнажения – на мысу.

Наиболее интересной представилась шурфовка мысовой площадки. Стратиграфия представлена следующим образом (рис. 2, I): сразу под лесной подстилкой следовал серо-коричневый суглинок мощностью до 25 см с небольшим количеством красной и коричневой неорнаментированной керамики (11 фр.) (рис. 3, 8–9). Ниже располагался серо-коричневый, насыщенный гумусом суглинок – основной культурный слой толщиной до 15 см, в котором сделаны находки коричневой и темно-коричневой керамики (19 фр.) (рис. 3, 6–7) и два зуба с нижней челюсти крупного рогатого скота. Материковый слой представлен рыжей глиной.

Лишь один фрагмент керамики имел орнамент, нанесенный гребенчатым штампом в виде однорядного зигзага. Подобный орнамент был встречен на Опутятском, Федотовском, Черновском I, Горюхалинском, Пещерском городище, Коновалютском I селище [16, с. 289–295] и поселении Володин Камень I [11, с. 134]. Все сосуды были, вероятно, чашевидной формы с примесью органики (дробленой раковины?) в формовочной массе.

На внешней площадке, закрытой тремя валами, наблюдалась совсем невыразительная прослойка темно-серого суглинка – культурного слоя без гумуса. Здесь найден один фрагмент неорнаментированной керамики.

Зачистка в мысовой части городища показала незначительный культурный слой, а зондаж снаружи рва показал его отсутствие.

Предположительно, внутреннюю площадку городища можно считать жилой (слой больше насыщен отложениями жизнедеятельности и находками), а вторая площадка либо была образована позже, после возведения среднего и внешнего валов, либо использовалась только в качестве укрытия (?), посад отсутствовал.

Предварительно оба городища можно датировать IV–VI вв.

Между Бовинскими городищами М.В. Талицкий указывал наличие тонкого культурного слоя и керамики [25, с. 130], но в настоящее время площадка распахана, находок и признаков культурного слоя не обнаружено.

Ниже по течению р. Чусовой, на месте бывшей **д. Филатовки** (новое – новейшее время) на проселочной дороге был обнаружен железный нож XVII–XIX вв. (рис. 4, 13).

Плёс I, городище, VI–IX вв. Памятник располагается на левом коренном берегу р. Чусовой, на восточной окраине д. Плёсо (бывшей д. Тюриной).

Городище было обнаружено ещё в 1879 г. Ф.А. Теплоуховым. В 1935 г. памятник посетил М.В. Талицкий и по находкам керамики датировал памятник ломоватовским временем [24].

Памятник был повторно локализован в 2022 г. Его площадка частично застроена, имеет подпрямоугольную форму, ограничена крутым склоном к р. Чусовой и оврагами с северо-западной, юго-западной, северо-восточной сторон. Между оврагами протягивается вал со рвом, высотой 1,5–2 м. В ходе осмотра памятника сразу под дерновым слоем зафиксирована скальная порода, из которой сложен берег на данном участке, находок не обнаружено.

Плѣс I, селище, VI–IX вв. Памятник располагается на левом коренном берегу р. Чусовой, в границах д. Плѣсо, близ памятного христианского креста.

Селище впервые было обнаружено М.В. Талицким в 1935 г. Его местонахождение указано «над перевозом», что означает переправу [25, с. 130]. Исследователем была найдена ломоватовская керамика.

В 2022 г. при повторном поиске памятника, местными жителями был указан старый дом лодочника, над которым было обнаружено селище. Памятник расположен на округлой площадке, ограничен крутым склоном к р. Чусовой и логами с северо-западной, юго-западной, северо-восточной сторон. На северо-восточном обрыве площадки, в зачистке обнажения была зафиксирована стратиграфия (рис. 2, 1): сразу под дёрном следовал разрушенный пахотой культурный слой – темно-серый гумусированный суглинок, мощностью до 26 см, в котором были найдены фрагменты круговой и лепной неорнаментированной керамики (рис. 3, 13, 14), материк представлен рыжей глиной.

Расположение селищ на высоких террасах нетипично для Прикамья. Топография памятника больше подходит городищу, которым памятник, возможно, является, но его вал был нивелирован в ходе жизнедеятельности деревни.

По результатам разведки 1935 г. М.В. Талицкий указывал местонахождение **Верхне-Шалыгинского могильника** на основании рядов углублений, ориентированных по линии ССЗ–ЮЮВ [25, с. 130]. Упоминание данного могильника происходило и в последующих публикациях [3, с. 21; 15, с. 119].

В выезде 2022 г., на мысу, расположенном через овраг, напротив д. Шалыги, действительно были зафиксированы разнообразные углубления. Они сопровождались грабительскими вкопами, в отвалах которых была найдена круговая керамика. На одном из углублений был разбит шурф, где в пахотном слое были обнаружены фрагменты круговой керамики с зеленым поливом (XVII–XVIII вв.) и разноцветной глазурью (XIX–XX вв.) [22, с. 125], православный нательный крест из белого металла (XVII–XX вв.) [18, с. 579] (рис. 4, 7–12) и остатки фундамента жилого дома, сложенного из известняка. Следовательно, углубления, зафиксированные М.В. Талицким – остатки бывшей здесь поздней деревни.

В результате анализа топонимов района исследований, была выдвинута гипотеза о вероятности нахождения памятников на **р. Городищенка** (правый приток р. Ваневке, левого притока р. Чусовой). Берега реки были осмотрены от устья до истоков (в районе ст. Кутамыш), но признаков объектов культурного наследия обнаружено не было.

Заключение

Исследованиями 2021–2022 гг. получены актуальные сведения об археологических памятниках в указанных маршрутах. Открыто **Глушка I, селище**, в отношении которого интересным представляются полномасштабные раскопки. Ряд памятников был открыт повторно, что позволило поставить их под государственную охрану и обеспечить юридическое основание для дальнейшего изучения (**городища Бовинское I–II (Маруша I–II) и Плѣс, Плѣс селище**). Среди последних наиболее интересным выступает **Бовинское II (Маруша II), городище**, полномасштабные раскопки которого смогут дать

новое знание о фортификации и жизнедеятельности в Эпоху великого переселения народов. Отметим, что *Бовинские* памятники весьма близко расположены к реке. В данном случае, на подножье коренной террасы негде было расположиться селищам, по аналогии с *Вереинской* группой.

Население левобережья р. Чусовой в основном проживало на селищах, расположенных в плодородных поймах, где сегодня наблюдается более мощный культурный слой. Городища же имеют незначительные культурные напластования и использовались, вероятно, как убежища или места непродолжительного, сезонного проживания.

Предварительно вырисовывается картина того, что на левом берегу р. Чусовой сосредоточены памятники раннего железного века, раннего средневековья (до XI в.) и нового времени, когда на правом берегу существовали памятники более широкого хронологического периода (включая развитое средневековье XII–XV вв.). Тем не менее это утверждение только предстоит проверить. В целом изучение левого берега р. Чусовой результативно, перспективно и может быть продолжено.

Важно отметить, что все пойменные памятники размываются водами р. Чусовой и подвержены береговой абразии, их раскопки наиболее целесообразно провести в охранных целях. Также актуальным остается локализация *Вереинского могильника* и поиск других древних некрополей, относящихся к вновь открытым памятникам поселенческого типа.

Отдельной видится работа по фотофиксации, описанию и обобщению надгробий эпохи Нового времени, пока они окончательно не утрачены.

Все артефакты, обнаруженные в ходе разведок, переданы на хранение в МАЭ ПГГПУ.

Список источников и литературы

1. Археологические памятники бассейна реки Чусовой – Чусовой: СКЦ «Огонек», 1988. – 64 с.
2. Батуева Н.С. Коллекции лепной посуды из фондов Чердынского краеведческого музея им. А.С. Пушкина // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья: науч. журн. – Пермь, 2022. – Вып. XII. ПГГПУ. – С. 38–45.
3. Белавин и др. Археологические памятники бассейна реки Чусовой / А.М. Белавин, А.В. Голдобин, Н.Б. Крыласова, Г.Т. Ленц, А.А. Терехин, А.Г. Милиаскарова. – Чусовой: СКЦ «Огонек», 1988. – 64 с.
4. Вереино I, городище // Архив ГИООКН ПК. Ф. 2. Оп. 9. д. 15.
5. Вереино I, могильник // Архив ГИООКН ПК. Ф. 2. Оп. 9. д. 16.
6. Вереино I, поселение // Архив ГИООКН ПК. Ф. 2. Оп. 9. д. 13.
7. Вереино I, селище // Архив ГИООКН ПК. Ф. 2. Оп. 9. д. 14.
8. Вереинское II (Мальшатское), городище // Архив ГИООКН ПК. Ф. 2. Оп. 9. д. 13.
9. Дмитриев А.А. Пермская старина: сборник исторических статей и материалов, преимущественно о Пермском крае. Вып. IV: Строгановы и Ермак / [соч.] Александра Дмитриева, – Пермь: издание автора, 1882. – 197 с.
10. Зуята I, селище // Архив ГИООКН ПК. Ф. 2. Оп. 9. д. 17.
11. Крыласова Н.Б., Белавин А.М. Эволюция «Прикамской чаши» в эпоху средневековья // Археология евразийских степей. – Казань, 2019. – № 6. – С. 121–137.
12. Лещенко В.Ю. Отчет о разведках по рекам Бую и Каме в Башкирской АССР, Каракулинском районе Удмуртской АССР, в бассейне реки Сылвы в Пермской области и разведочных раскопках на реке Чусовой в Пермской области // Архив ИА РАН. 1969. Р-1. № 9608.
13. Лещенко В.Ю. Работы на реках Чусовой и Сылве // Археологические открытия 1969 года. – М., 1970. – С. 167.

14. *Макарий* Памятники древности в Пермской губернии // Записки Археологического общества. Т. VIII. – СПб., 1856.
15. *Островский С.Л.* Археологические памятники юго-восточного локального варианта ломоватово-родановской общности. История и проблемы комплексного изучения // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Пермь, 2003. – № 3. – С. 115–122.
16. *Перескоков М.Л.* Пермское Приуралье в финале раннего железного века: монография / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2018. – 320 с.
17. Родники I (Малышата, Чудиново поле), селище // Архив ГИООКН ПК. Ф. 2. Оп. 9. д. 19.
18. *Сальникова И.В.* Нателные кресты Кривошековского некрополя / И.В. Сальникова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2019. – Т. 25. – С. 574–584.
19. *Смертин А.Р.* Отчёт об археологической разведке по левому берегу р. Чусовая от дер. Малышата до дер. Шалыги в границах Чусовского городского округа Пермского края в 2022 году (открытый лист № 0485–2022 от 28 апреля 2022 г.).
20. *Смертин П.Р.* Отчет об археологической разведке по левому берегу р. Чусовая от устья р. Глушка до западной границы дер. Вереино Чусовского городского округа Пермского края в 2022 году (открытый лист № 0486–2022 от 28 апреля 2022 г.).
21. *Смертин П.Р.* Отчет об археологической разведке по левому берегу р. Чусовая в окрестностях дер. Вереино Чусовского городского округа Пермского края в 2021 году (открытый лист № 2052–2021 от 25 августа 2021 г.) // Архив МАЭ ПГГПУ. – Пермь: ПГГПУ, 2022. – 84 с.
22. *Соколова Н.Е.* Керамические технологии городов Прикамья XV середина XIX вв.: проблемы формирования и модернизации // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – 2008. – № 4. – С. 123–131.
23. *Спицын А.А.* Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. Атлас рисунков с предисловием А.А. Спицына // Материалы по археологии России. – СПб., 1902. – № 26. – 150 с.
24. *Талицкая И.А.* Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (по данным, собранным М.В. Талицким) // МИА. – 1952. – № 27. – С.
25. *Талицкий М.В.* Обследования по р. Чусовой в 1935 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. – М. – Л., 1941. – С. 125–130.
26. *Теплоухов Ф.А.* Материалы для исследования городищ и других чудских поселений. – Пермь, 1888. // Архив ПКМ.
27. *Шишонко В.Н.* Пермская летопись 1263–1881 гг. IV период: с 1676–1682 гг. / сост. чл. разных учен. о-в, директор нар. училищ Перм. губ. Василий Шишонко; изд. печ. на средства Губ.земства. – Пермь: типография Губернской земской управы, 1881. – 653 с.
28. *Юркова Е.В.* Лепная керамическая посуда селища Запоселье I // Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белавин А.М., Скорнякова С.В. Археологические памятники Чашкинского озера. – Пермь, 2015. – С. 530–545.

Список сокращений

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИООКН ПК – Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия Пермского края
ИА – Институт археологии
КАЭ – Камская археологическая экспедиция
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция
МАЭ – Музей археологии и этнографии Пермского Предуралья
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет

ПГУ – Пермский государственный университет

ПКМ – Пермский краеведческий музей

СКЦ – Социально-культурный центр

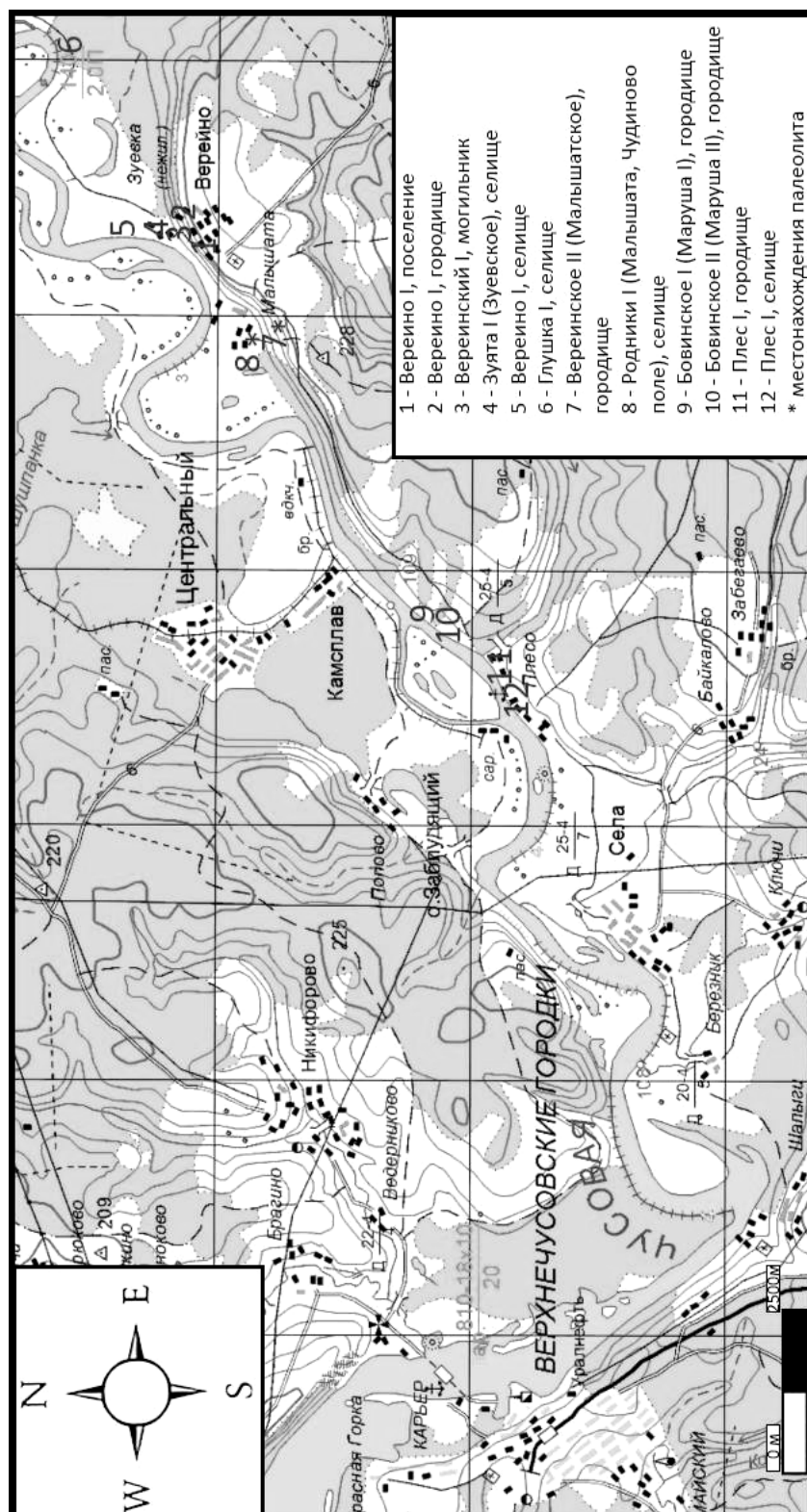

Рис. 1. Карта района обследования

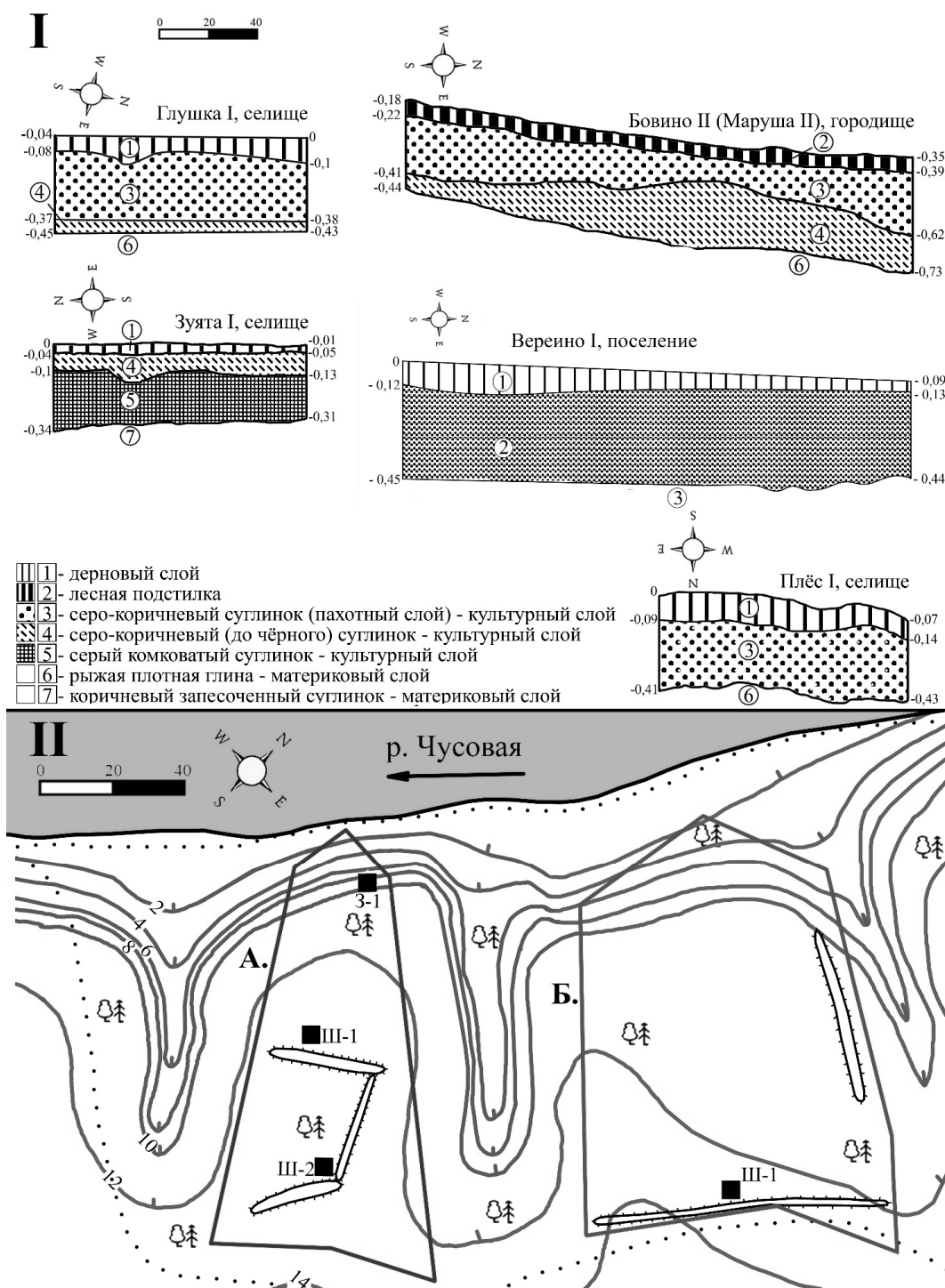

Рис. 2. Стратиграфия и топография памятников:
I – стратиграфия; II – топографический план городищ (А – Бовинское II (Маруша II);
Б – Бовинское I (Маруша I))

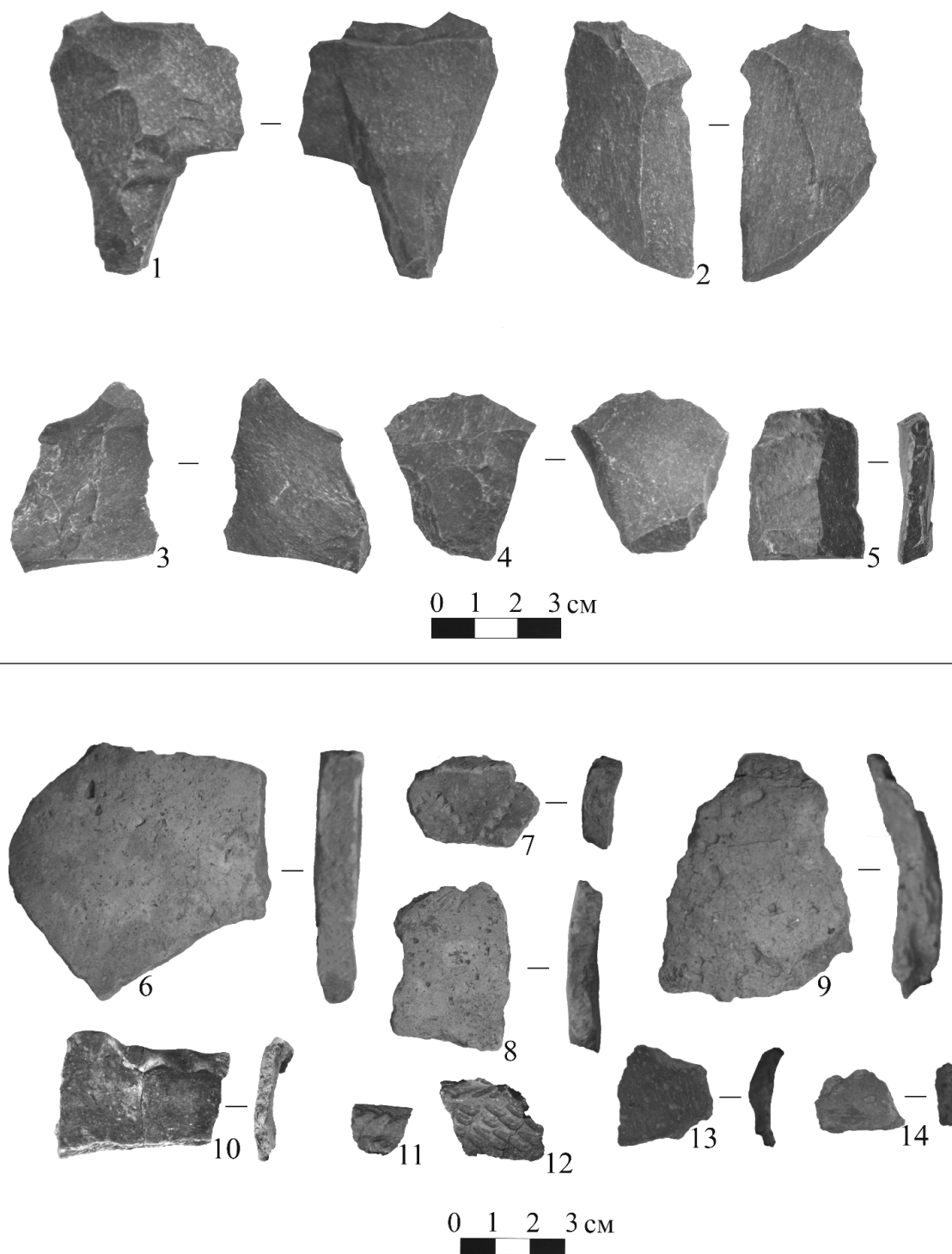

Рис. 3. Комплекс артефактов от каменного века до средневековья:

1 – скол; 2–4 – отщепы; 5 – пластина; 6–14 – обломки сосудов;
 1–5 – местонахождение близ д. Малышата; 6–9 – Бовинское II (Маруша II), городище;
 10–12 – Глушка I, селище; 13–14 – Плѣс I, селище;
 1–5 – камень; 6–14 – керамика

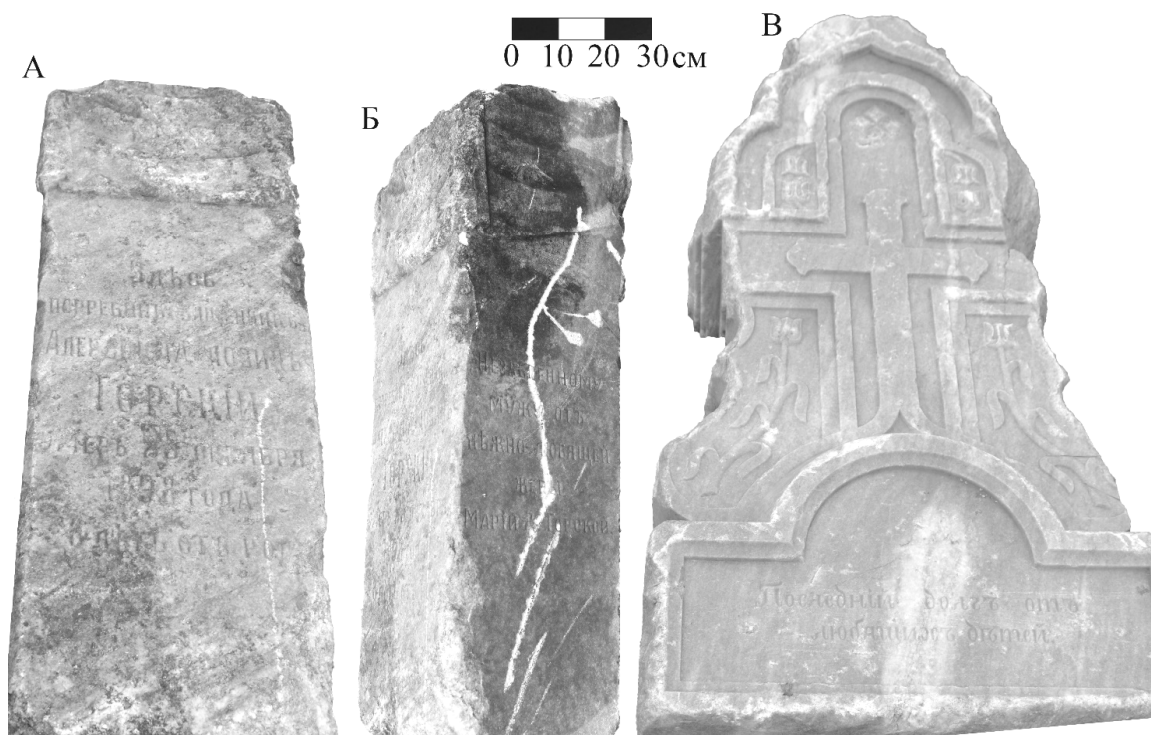
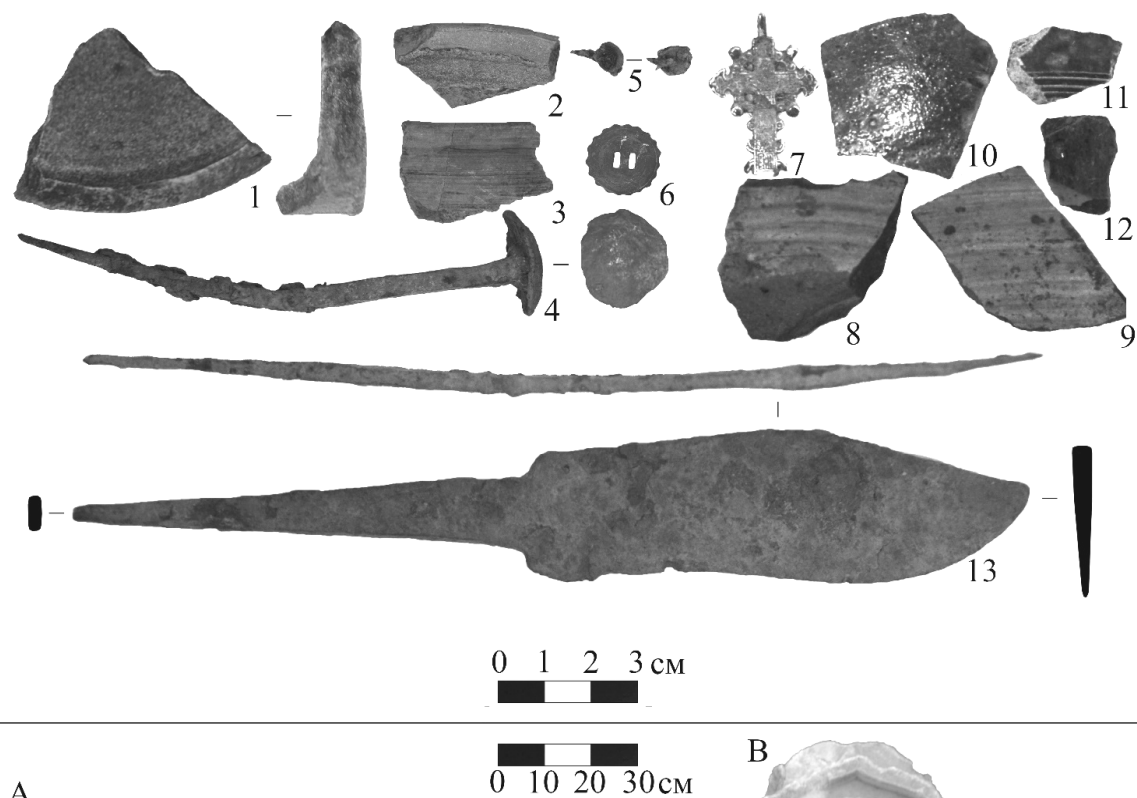

Рис. 4. Комплекс артефактов нового времени:

1–3, 8–12 – обломки сосудов; 4–5 – гвозди; 6 – сбруйная пуговица; 7 – нательный крест;
13 – нож; А–В – надгробия 1–6; А–В – Вереино I, поселение; 7–12 – местонахождение
близ д. Шалыги; 13 – местонахождение близ бывш. д. Филатовки;
А–В – камень; 1–3, 8–12 – керамика; 4–5, 13 – железо; 7 – цветной металл

УДК 902.2/351.853

DOI: 10.24412/2658-7637-2023-22-89-94

Чуйкина Екатерина Владимировна

ведущий инженер Научно-исследовательского центра

«Камская археологическая экспедиция»

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,**Пермь, Россия, e-mail: katarina-ch@yandex.ru***Батуева Надежда Сергеевна**

инженер Научно-исследовательского центра «Камская археологическая экспедиция»

Пермский государственный национальный исследовательский университет,

преподаватель кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,**Пермь, Россия, e-mail: nadiabat@yandex.ru***ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГРАНИЦ ТЕРРИТОРИЙ ОБЪЕКТОВ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ПЕРМСКОГО КРАЯ В 2022 Г.****Ekaterina V. Chuikina**

lead engineer of the research center «Kamskaya archaeological expedition»

*Perm State University, Perm, Russia, e-mail: katarina-ch@yandex.ru***Nadezhda S. Batueva**

engineer of the research center «Kamskaya archaeological expedition»

Perm State University,

lecturer of the Department of National and Universal History, Archeology

*Perm State University of Humanities and Pedagogy,**Perm, Russia, e-mail: nadiabat@yandex.ru***DETERMINATION OF THE BOUNDARIES OF THE TERRITORIES OF
THE ARCHAEOLOGICAL OBJECTS IN THE PERM REGION IN 2022**

Отражены результаты полевых работ 2022 г. по определению границ территорий 10 объектов археологического наследия, расположенных в Пермском крае. В результате работ были определены границы «Базарино I, селище», «Бардымское II, селище», «Горы III, селище», «Пермяково II, селище», «Сосновка VI, поселение», «Пешиногорт II, селище», «Посер I, поселение-могильник», «Тупица I, селище», «Сальниково II, поселение», «Сеполь (Сальниково), городище».

Ключевые слова: *определение границ, археологические объекты, охрана памятников, отчеты.*

The article reflects the results of fieldwork in 2022 to determine the boundaries of the territories of 10 archaeological heritage sites located in the Perm Region. As a result of the work, the boundaries of "Bazarino I", "Bardymskoye II", "Mountains III", "Permyakovo II", "Sosnovka VI", "Peshnigort II", "Poser I", "Tupiza I", "Salnikovo II", "Sepol (Salnikovo)".

Key words: *definition of boundaries, archaeological sites, protection of monuments, reports.*

Процедура определения и установления границ территорий объектов археологического наследия (ОАН) является важной составляющей в деле охраны памятников. Координаты угловых точек границ памятников, полученные в ходе полевых работ, позволяют внести сведения об ОАН в Единый государственный реестр объектов недвижимости (ЕГРН) и иные градостроительные реестры.

Масштабные работы по определению границ территорий ОАН в Пермском крае и мониторингу их состояния проводились в 2011–2016 гг. силами археологических экспедиций ПГНИУ и ПГГПУ по заданию государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Пермского края (далее – Инспекция). По итогам полевых археологических работ Инспекция принимает приказ об установлении границ территории ОАН и готовит документацию для ЕГРН.

В 2022 г. работы по определению границ территорий ОАН, на которые ранее не были приняты приказы об установлении границ их территорий, вновь продолжены по заданию Инспекции. В большинстве своем это памятники, сведения о которых противоречивы или не полные.

В задание работ на 2022 г. Инспекция выбрала 10 объектов в различных районах края. Работы проводились двумя отрядами НИЦ КАЭ ПГНИУ. В задание работ входила обязательные земляные работы на памятниках (не менее 4 шурфов на каждом), фотофиксация, анализ современного состояния и подготовка отчетной документации. В результате работ на всех объектах подтверждено наличие признаков ОАН и определены границы их территорий.

«*Базарино I, селище*» (Очерский городской округ) выявлено в 1954 г. В.Д. Луневым на пахоте по подъемному материалу периода нового времени [8]. По непонятным причинам во всех списках памятников с 1980-х гг. датировка этого объекта определялась ранним железным веком. В 2011 г. локализация памятника по плану из отчета 1954 г. была подтверждена шурфами с находками периода нового времени, однако в итоговой документации был сделан вывод о нецелесообразности нахождения памятника на гос. учете по причине несоответствия датировки [2].

В ходе полевых работ 2022 г. в шурфах и на обнажениях грунтов собран материал периода нового времени (гончарная керамика, фрагменты глинобитных печей, фаянса и обломки железных предметов). Территория используется для посева многолетних трав. Шурфами и по подъемному материалу уточнена площадь распространения культурных слоев. Границы территории ОАН уточнены, определены по ландшафту и результатам полевых работ. Предложены уточнения в адресе и датировке ОАН.

«*Бардымское II, селище*» (Бардымский муниципальный округ) выявлено в 1987 г. О.А. Казанцевой по подъемному материалу в виде лепной керамики на пахоте, тогда же проведена шурфовка и описаны культурные слои [3]. В инвентаризации и мониторингах 1999 и 2008 гг. земляные работы не проводились, в мониторинге 2013 г. шурф закладывался за пределами обозначенных на картах границ для подтверждения их корректности [18].

При подготовке полевых работ 2022 г. выявлено противоречие между планом из отчета 1987 г. и нанесением границ ОАН на землеустроительные карты. В настоящее время территория плотно зарастает лесом. Проведена шурфовка на обоих местах, культурные слои и лепная керамика выявлены на участке по плану 1987 г. Границы территории ОАН скорректированы, определены по ландшафту и результатам полевых работ. Предложены уточнения в адресе ОАН. Существует некоторая угроза состоянию памятника в связи с активным освоением Батырбайского газонефтяного месторождения.

«*Горы III, селище*» (Осинский городской округ) выявлено в 1982 г. А.Н. Лепихиным по подъемному материалу в виде лепной керамики на пахоте, дополнительно была сделана зачистка края пашни [7]. В связи с противоречием между планом и описанием ОАН в отчете, месторасположение памятника на землеустроительные карты было нанесено довольно условно, по описанию. В мониторингах 2008 и 2013 гг. невер-

ное картографирование ОАН стало причиной безрезультатных поисков места расположения селища [18].

При подготовке полевых работ 2022 г. дополнительно проведено сопоставление доступных картографических материалов с планом памятника. На этом основании обследованы изгибы террасы правого берега р. Мосихи, подходящие по плану из отчета 1982 г. и по расстоянию от с. Горы из описания. На одном изгибе на участках с разреженной растительностью на заросшем поле найдены фрагменты лепной и гончарной керамики. Нарушение состояния памятника в перспективе не прогнозируется, территория занята посевами многолетних трав. Границы территории ОАН определены по ландшафту и результатам полевых работ. Предложены уточнения в адресе и датировке ОАН.

«*Пермяково II, селище*» (Осинский городской округ) выявлено в 1983 г. А.Н. Лепихиным по подъемному материалу в виде лепной керамики на пляже водохранилища. В шурфе на краю берега культурный слой не был выявлен, таким образом был сделан вывод о размывии ОАН водохранилищем [7]. Последующими обследованиями при инвентаризации и мониторингах (1999, 2009, 2013) культурные слои также не были выявлены, но осуществлялся сбор подъемного материала на пляже [18].

В ходе полевых работ 2022 г. в шурфах культурные слои также не выявлены, на обнажениях пляжа собран подъемный материал в виде лепной и гончарной керамики. Границы территории ОАН уточнены по результатам полевых работ.

«*Сосновка VI, поселение*» (Еловский муниципальный округ) было открыто в 1999 г. С.Н. Коренюком по подъемному материалу на пляже водохранилища: найдены фрагменты лепной керамики и кремневые изделия (нуклеус, ножевидные пластины, скребок). Затем памятник обследовался в ходе разведки Е.В. Чуйкиной, заложен шурф, снят топографический план, собран подъемный материал [17].

Во время последующих обследований (2005, 2006, 2013, 2015 гг.) собирался подъемный материал и отмечалась значительная береговая абразия. Земляные работы проведены в 2013 г. (один шурф) и в 2015 г. (одна зачистка края берега) [5; 4].

В ходе полевых работ 2022 г. в шурфах выявлена однотипность грунтов, на обнажениях пляжа собран подъемный материал в виде лепной керамики. Территория памятника распаивается, а береговая часть подвержена активной абразии. Границы территории ОАН скорректированы, определены по ландшафту и результатам полевых работ. Предложены уточнения в адресе ОАН.

«*Пешнигорт II, селище*» (Кудымкарский муниципальный округ) было выявлено в 1968 г. В.Ю. Лещенко в ходе разведочных работ [11]. Памятник был зафиксирован по находкам фрагментов лепной средневековой керамики на территории с. Пешнигорт и датирован VIII–XI вв. В 1974 г. А.Г. Поляковым было обнаружено селище XV–XVI вв. в с. Пешнигорт, однако ссылки на исследования В.Ю. Лещенко в отчёте А.Г. Полякова отсутствуют, поэтому сложно сказать, к какому памятнику относится данное открытие [12]. В 2009 г. в рамках мониторинга памятник осматривался сотрудником КАЭ ПГГПУ С.И. Абдуловой. В результате данных работ было установлено точное расположение памятника [1].

В ходе полевых работ 2022 г. было зафиксировано, что площадка памятника располагается в границах с. Пешнигорт, занята постройками, огородами и просёлочными дорогами. В результате шурфовки и осмотра огородов и проселочных дорог в северо-западной части памятника, подвергающейся периодическому грейдированию спецтехникой, был собран материал, состоящий из фрагментов неорнаментированных лепных и гончарных керамических сосудов, железного гвоздя и фрагмента железной пластины, относящиеся в эпохе средневековья. Границы территории ОАН уточнены, определены по ландшафту и результатам полевых работ.

«*Посёр I, поселение-могильник*» (Ильинский городской округ) был открыт в 2001 г. учителем истории Посёрской школы О.Ж. Гилевым, при проведении берегоукрепительных работ были обнаружены в отвалах земли человеческие кости. Исследова-

ния на памятнике проводились в 2002–2003 гг. Е.Л. Лычагиной. Были обследованы могильник и энеолитическая стоянка [9].

При подготовке полевых работ 2022 г. было проведено сопоставление планов памятника и раскопов 2002–2003 гг., были скорректированы места для разбивки шурфов. В результате границы ОАН были определены по геоморфологической ситуации, исследованиям Е.Л. Лычагиной и А.В. Усова и подтверждены шурфами 2022 г. Культурные напластования уничтожены берегоукрепительными работами.

«*Тупица I, селище*» (Ильинский городской округ) было открыто в 1981 г. в ходе разведочных работ сотрудником КАЭ ПГУ Н.В. Соболевой [14]. Селище представляет собой пляж на берегу Камского водохранилища. В ходе разведочных работ, проводимых Н.В. Соболевой, был снят топографический план памятника и сделана зачистка обнажения. Последний осмотр селища был осуществлен в 2011 г. младшим научным сотрудником НОУ УНЦ ООО «Воланд» при ПГУ А.В. Усовым. В результате осмотра было сделано заключение о полном уничтожении культурного слоя памятника водами Камского водохранилища. Памятник относится к эпохе средневековья и датируется III–IX вв. [16]

В результате полевых работ 2022 г. граница памятника была смещена юго-западнее от реки в сторону дер. Тупица. Протяженность площадки памятника относительно берега реки подтверждена распространением подъемного материала по размываемой части селища. Были собраны как фрагменты гончарной посуды, которые не брались во внимание при установлении границ, так и фрагменты лепной керамики. Вероятно, рассматриваемые фрагменты относятся к железному веку (получить датировку III–IX вв., установленную предыдущими исследователями, не удалось). Изучение керамического материала было затруднено из-за долгого пребывания последнего в воде.

«*Сальниково II, поселение*» (Кочевский муниципальный округ) было открыто К.М. Русановой в 1974 г. в ходе разведочных работ. На поселении были найдены отщеп из серого кремня и крупный фрагмент керамики с выгоревшими примесями, украшенный ямочным орнаментом. Памятник двухслойный, датируется эпохой бронзы и железного века [13]. В 2007 г. поиски памятника велись под руководством С.И. Абдуловой. Ввиду отсутствия необходимых архивных сведений памятник был локализован не в том месте. Данная ошибка была исправлена во время обследования 2014 г. Однако было установлено, что место, подходящее под описание памятника и соответствующее его плану, находится под лесоповалом в 0,4 км к ВСВ от д. Сальниково и, к сожалению, недоступно для осмотра [1].

В результате работ 2022 г. было определено, что площадка памятника практически полностью завалена буреломом. Начинает зарастать молодым смешанным лесом. Памятник недоступен для раскопок. Границы территории ОАН скорректированы, определены по ландшафту и результатам полевых работ.

«*Сеполь (Сальниково), городище*» (Кочевский муниципальный округ) известно с начала XX в., И.Я. Кривошеков указывал, по сообщению священника Георгия Калашникова, что близ д. Сеполь (она же Край-Городище, она же Карны) находится городище с валами и рвами [6]. Такую же информацию приводит И.А. Талицкая [15]. Городище занимает высокий холм, который имеет крутые склоны (высотой 10 м) и возвышается над полями, окружающими д. Сеполь. Площадка памятника поросла сосновым лесом. В 1950 г. студентом Кудымкарского учительского института А. Зубовым был снят план городища. В 2014 г. памятник обследовался С.И. Абдуловой, исследователем был установлен точный адрес городища. В результате данных работ было зафиксировано, что памятник разрушается карьером и подъездом к нему. С.И. Абдуловой было уточнено, что из-за двойного названия памятника часто возникала путаница о его местоположении и в реальности памятник находится у д. Сеполь, в то время как в документах часто обозначалась д. Сальниково [1].

В ходе проведенных архивных и полевых исследований 2022 г. были изучены все доступные архивные материалы, определен участок, где находится ОАН. Границы территории ОАН определены по ландшафту и результатам полевых работ. Предложены уточнения в адресе ОАН.

По результатам проведенных в 2022 г. работ по определению границ территорий ОАН исполнителями признана необходимость осуществления более внимательной и детальной проработки всех источников об ОАН и их критической оценки. Для сбора исходных и дополнительных сведений желательно привлекать материалы районных музеев, опрашивать местных жителей и краеведов. При полевом обследовании целесообразно применять все возможные современные методы археологических исследований.

Список источников и литературы

1. *Абдулова С.И.* Отчет о выполнении работ по государственному контракту № 72 от 10 июня 2014 г. «Проведение мониторинга состояния объектов археологического наследия Пермского края, расположенных на территории Коми-Пермяцкого округа» // Архив ГИООКН ПК. Ф. 3. Оп. 2 Д. 384
2. *Васильева А.В.* Отчет об археологических разведочных работах на территории Большесосновского и Очерского муниципальных районов Пермского края в 2011 году: в 2 т. // Архив КАЭ ПГНИУ.
3. *Казанцева О.А.* Отчет о работах в Бардымском и Куединском районах Пермской области в 1987 году // Архив КАЭ ПГНИУ.
4. *Коренюк М.С.* Отчет о проведении мониторинга объектов археологического наследия в Еловском районе Пермского края в 2013 году // Архив КАЭ ПГНИУ.
5. *Коренюк С.Н., Изосимов Д.А., Чуйкина Е.В.* Отчет по договору № 23-н/05 по теме: «Проведение охранных мероприятий на разрушающихся памятниках археологии Пермской области» – Пермь, 2005 // Архив ГИООКН. Ф.3, оп.2, д.163.
6. *Кривошеков И.Я.* Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. – Пермь. 1914. – С. 107.
7. *Лепихин А.Н.* Отчет о разведках в Осинском, Еловском и Чайковском районах Пермской области в 1983 г. // ПКМ. Архив Лепихина. ПКМ НВ 6206/333.
8. *Лунев В.Д.* Отчет об археологической разведке по р. Очер, проведенной в августе 1954 года студентов Молотовского государственного университета Луневым Валентином Дмитриевичем на основании Открытого листа № 77 формы № 3 ИИМК, выданного 12 июля 1954 г. // Архив КАЭ ПГНИУ.
9. *Лычагина Е.Л.* Отчет об исследованиях поселения Посёр в Ильинском районе Пермской области и поселения Чернушка в окрестностях г. Чайковский в 2003 г. Пермь, 2004 // Архив ЛАЭИ ПГПУ.
10. Материалы отчета Лепихина А.Н. за 1982 год // Архив КАЭ ПГНИУ.
11. Памятники истории и культуры Пермской области. – Т. I. Материалы к археологической карте Пермской области. – Пермь, 1996.
12. *Поляков А.Г.* Отчёт о разведке по реке Иньве, проведённой по заявке Пермского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры разведгруппой Камской археологической экспедиции Пермского государственного университета им. Горького в августе 1974 г. // Архив Коми-Пермяцкого краеведческого музея им. П.И. Субботина-Пермяка. Ф. 926, оп. 1, д. 14.
13. *Русанова К.М.* Отчет об археологической разведке в Юрлинском и Кочевском районах Коми-пермяцкого национального округа в 1974 г. // Архив ГИООКН ПК. Ф. 3. Оп.2 Д. 82/4.
14. *Соболева Н.В.* Отчет об археологической разведке в 1981 г. // Архив ГИООКН ПК. Ф. 2. Оп. 7. Д. 73.

15. *Талицкая И.А.* Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. – М., 1952. – № 27. – С. 179.

16. *Усов А.В.* Заключение об осмотре памятника археологии «Тупица I, селище» от 3.11.2011 г. Полевые исследования 2011 г. // Архив ГИООКН ПК. Ф. 2. Оп. 7. Д. 73.

17. *Чуйкина Е.В.* Отчет об археологической разведке по берегам Воткинского водохранилища в пределах Еловского района Пермской области в 2003 г. // Архив ГИООКН. Ф.3, оп.2, д.174/1.

18. *Чуйкина Е.В.* Отчет о проведении археологических полевых работ на территории Бардымского и Осинского муниципальных районов Пермского края в 2013 году. В 3 томах // Архив КАЭ ПГНИУ.

УДК 902.2

DOI: 10.24412/2658-7637-2023-22-95-97

Демаков Денис Александрович

научный сотрудник Камской археолого-этнографической экспедиции
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Россия, e-mail: demakov-denis@mail.ru

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КОСА I В КОСИНСКОМ МУНИЦИПАЛЬНОМ ОКРУГЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ*

Denis A. Demakov

researcher of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition
Perm State Humanitarian Pedagogical University,
Perm, Russia, e-mail: demakov-denis@mail.ru

PRELIMINARY RESULTS OF EXCAVATIONS OF THE MESOLITHIC SITE OF KOSA I IN THE KOSINSKY MUNICIPAL DISTRICT OF PERM KRAI

Представлены первые итоги раскопок мезолитической стоянки Коса I, проведенных в 2022 г. Памятник был открыт и исследован раскопками в ходе археологических работ В.П. Денисова в 1962 г.

В 2022 г. к раскопу В.П. Денисова был прирезан раскоп площадью 20 м². В ходе работ получена представительная коллекция каменных артефактов и остеологического материала, отображены пробы для естественно-научных методов датирования, а также палинологическая колонка.

Ключевые слова: раскопки, мезолит, Коса I, стоянка, Пермский край.

The article presents the first results of the excavations of the Mesolithic site of Kosa I, conducted in 2022. The site was discovered and investigated by excavations during the archaeological work of V.P. Denisov in 1962.

In 2022, a 20 sq. m. excavation was cut to the excavation of V.P. Denisov. In the course of the work, a representative collection of stone artifacts and osteological material was obtained, samples for natural-scientific dating methods were selected, as well as a palynological column.

Key words: excavations, Mesolithic, Kosa I, site, Perm Krai.

В августе 2022 г., на основании Открытого листа № 0516–2022 от 5 мая 2022 г., выданного на имя Демакова Дениса Александровича, были проведены раскопки мезолитической стоянки Коса I в Косинском муниципальном округе Пермского края. Раскопки проводились отрядом Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Коса I, стоянка, находится в 1,6 км к северо-западу от пос. Кордон. Она расположена на краю второй надпойменной террасы, поверхность которой возвышается над заболоченной поймой не более чем на 6–7 м. Территория памятника поросла сосновым лесом и ягелем, ее пересекает лесная дорога. Памятник был открыт в ходе разведки В.П. Денисова в 1962 г. [2]

© Демаков Д.А., 2023

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

В августе 1962 г. В.П. Денисовым были проведены раскопки на памятнике. На стоянке было заложено два раскопа общей площадью 352 м² и одна небольшая траншея 12×2 м. Вещевой материал представлен исключительно кремневым и каменным инвентарем, насчитывающим 2927 предметов, в том числе орудий – 168 экз.

На памятнике были изучены: в раскопе I два очага, в раскопе II остатки легкого сезонного углубленного сооружения прямоугольной формы с закругленными углами размером 4,8 × 2,4 м. С севера у постройки зафиксирован небольшой выступ длиной 0,6 м и шириной 0,9 м, вероятно, представляющий собой остатки выхода. В южной части сооружения располагался небольшой очаг, за пределами постройки – две неглубокие ямы [3]. Osteологический материал из раскопок В.П. Денисова был обнаружен и проанализирован в Институте экологии растений и животных УрО РАН П.А. Косинцевым. Были определены кости крупных (лось, северный олень) и средних (волк, заяц, бобр) млекопитающих [1].

Каменный инвентарь стоянки, по мнению автора раскопок, отражает заключительный этап развития мезолита в Верхнем Прикамье (поздний мезолит – VII тыс. л.н.) [3].

Работы на Косинских стоянках были начаты Камской археолого-этнографической экспедицией в 2018 г. Проводились раскопки на стоянках Коса II и III, а также палеогеографические исследования в окрестностях стоянок.

В результате палеогеографических работ были получены следующие данные. В раннем голоцене (пребореальный и бореальный периоды), в связи с перестройкой русла р. Лологи, окончательно сформировалась поверхность второй террасы. Она приобрела комфортный для освоения человеком облик, возвышаясь над меженным уровнем р. Лологи и Косы на 7–8 м. Поверхность террасы была покрыта таежными сосновыми и березовыми формациями с участием ели. Данные палеокарпологического анализа указывают на наличие здесь глубоких остаточных озер.

Мы предполагаем, что все вышеперечисленные условия привели к тому, что в финале данного периода на краю второй надпойменной террасы возникли стоянки Коса I и II (расположенные друг от друга на расстоянии 120 м). Вероятно, они отражают жизнь одного мезолитического коллектива, который занимался охотой на копытных в местных таежных лесах, а также рыболовством в озерах, находившихся в непосредственной близости от стоянок. Временная углубленная сезонная постройка, обнаруженная при раскопках стоянки Коса I, а также следы рыболовства со стоянки Коса II, вероятно, маркируют возникновение частичной оседлости у местного населения [1].

В 2022 г. было принято решение провести раскопки на стоянке Коса I на современном методологическом уровне. Раскоп площадью 20 м² был прирезан к южной части раскопа II В.П. Денисова, как показавшего себя наиболее перспективным участком памятника. Сетка квадратов раскопа получила обозначение З-И/17–19.

Находки встречались с первого условного горизонта (-0,1 м от поверхности), наибольшее количество фиксировалось на 2–3 условных горизонтах (-0,15/-0,2 м от поверхности). Фиксация материка была произведена на седьмом условном горизонте (-0,4 м от поверхности). В результате было зафиксировано три объекта, получивших наименование «Яма № 1–3». Из них, вероятнее всего, искусственное происхождение имеет только Яма № 3. С ее дна был отобран уголь на радиоуглеродный анализ. Из северной стенки квадрата И/17 были отобраны три образца для ОСЛ-датирования. Из западной стенки квадрата З/18 была отобрана палинологическая колонка.

Коллекция, полученная в результате раскопок, состоит из 337 предметов, а также osteологического материала. Ведущими категориями находок (после чешуек) являются сколы, пластины и отщепы. Нуклевидные формы представлены единичными экземплярами. Основным материалом для изготовления орудий служили кремнь и яшма различных оттенков. Орудийный набор представлен тремя скребками, пешней, одним отщепом и пластинами с ретушью.

Проведенные раскопки подтвердили версию В.П. Денисова о позднемезолитическом возрасте стоянки, позволили отобрать пробы для естественно-научных анализов,

которые позволят определить точную датировку существования данного памятника, а также реконструировать природную среду, на фоне которой проходило бытования населения стоянки Коса I.

Список источников и литературы

1. Демаков Д.А., Лычагина Е.Л., Зарецкая Н.Е., Копытов С.В., Чернов А.В., Лаптева Е.Г., Трофимова С.С., Косинцев П.А. Косинские мезолитические стоянки в контексте истории природной среды Верхнего Прикамья в позднеледниковье и раннем голоцене // Геоморфология, 2023. (в печати).
2. Денисов В.П. Отчет об археологических раскопках и разведках, проведенных Косинским отрядом Верхне-Камской археологической экспедиции Пермского государственного университета и Коми-Пермяцким окружным краеведческим музеем в июне – 25 августа 1962 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2478. 46 л., 23 ил.
3. Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Косинская I стоянка памятник позднего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. – Ижевск, 1987. – С. 19.

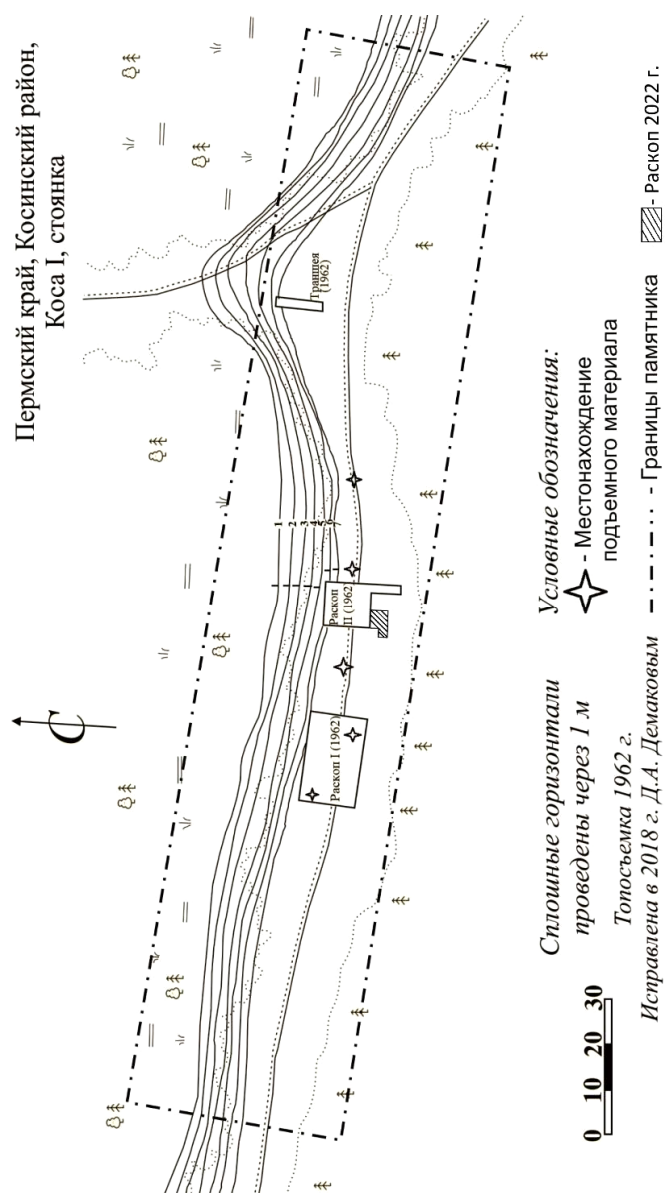

Рис. Топографический план памятника «Коса I, стоянка»

УДК 902.2

DOI: 10.24412/2658-7637-2023-22-98-107

Лычагина Евгения Леонидовна

профессор кафедры истории и археологии
Пермский государственный научно-исследовательский университет
профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Россия, e-mail: Lychaginae@mail.ru

Можаева Александра Александровна

студентка III курса исторического факультета
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,
e-mail: aleksakokr@mail.ru

Жижин Сергей Павлович

студент V курса исторического факультета
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,
e-mail: sidoproport@mail.ru

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ
ЧАШКИНСКОЕ ОЗЕРО II В 2022 Г.*****Evgeniia L. Lychagina**

professor of the chair of History and Archeology
Perm State University, Perm, Russian Federation
professor of the chair of Domestic and World History, Archeology
Perm State Humanitarian Pedagogical University,
Perm, Russian Federation, e-mail: Lychaginae@mail.ru

Aleksandra A. Mozhaeva

3th year student of the Faculty of History
Perm State Humanitarian Pedagogical University,
Perm, Russian Federation, e-mail: aleksakokr@mail.ru

Sergey P. Zhizhin

5th year student of the Faculty of History
Perm State Humanitarian Pedagogical University,
Perm, Russian Federation, e-mail: sidoproport@mail.ru

**ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF THE CHASHKINSKOE
LAKE II SITE IN 2022**

Приведены предварительные итоги исследований памятника. Раскопом площадью 108 м² были изучены остатки углубленного жилища подквадратной формы, 6×6 м. В ходе работ были обнаружены следы комплексов по производству шлифованных орудий и получению меди. Коллекция

© Лычагина Е.Л., Можаева А.А., Жижин С.П., 2023

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-49-590002 «Комплексные исследования постнеолитических и энеолитических культур на территории Среднего Предуралья»

2022 г. состоит из 7661 предмета. Основную массу находок составляют отходы производства изделий из камня. Керамика пористая, орнаментирована гребенчатым штампом. При изготовлении каменных орудий широко применялась бифасиальная обработка и техника шлифования. К основным формам орудий можно отнести: скребки, наконечники стрел, скобели, проколки, свёрла. К макроорудиям относятся: оселки, отбойники, грузила. Украшения представлены подвесками и нашивками из серпентинита. Коллекция 2022 г. является типичной для гаринской культуры.

Ключевые слова: энеолит, гаринская культура, верхнее Прикамье, жилище; пористая керамика, каменный инвентарь.

The article presents the preliminary results of the site research. An excavation with an area of 108 m² was used to study the remains of a recessed dwelling of a sub-square shape, 6 x 6 m. During the work, traces of complexes for the production of polished tools and the production of copper were found. The 2022 collection consists of 7661 items. The bulk of the finds are waste products from the production of stone products. Ceramics porous, ornamented with a comb stamp. In the manufacture of stone tools, bifacial processing and grinding techniques were widely used. The main forms of tools include: scrapers, arrowheads, drawing knife, piercings, drills. Macrottools include: whetstones, chippers, sinkers. Jewelry is represented by pendants and stripes made of serpentinite. The 2022 collection is typical of the Garinskaya culture.

Keywords: Chalcolithic, Garinskaya culture, Upper Kama region; dwelling, porous ceramics, stone inventory.

Введение

Стоянка Чашкинское Озеро II расположена в 10 км к северо-западу от центра г. Березники, в 1,5 км к северо-востоку от железнодорожного разъезда 9-й км и в 0,8 км к северу от Бабушкиного хутора на восточном берегу Чашкинского озера. Памятник находится на низком (1–2 м) песчаном берегу (частично разрушенная Камским водохранилищем пойменная грива) [3, с. 73].

Стоянка была открыта в 1977 г. А.Ф. Мельничуком. Обследования территории памятника было продолжено тем же автором в 1978 г. В ходе этих работ было выявлено три жилищных впадины в центральной и южной части стоянки. Жилищные впадины № 1–2, расположенные в центральной части памятника, были соединены переходом. Около этого перехода, на краю террасы А.Ф. Мельничуком был разбит шурф 2×2 м, в котором были обнаружены каменные орудия труда и пористая керамика, орнаментированная гребенчатым штампом. На основании полученного материала, исследователь отнес стоянку Чашкинское Озеро II к гаринской энеолитической культуре [9].

В дальнейшем, территория стоянки неоднократно осматривалась отрядом археологического кружка Березниковского дворца пионеров и школьников под руководством А.В. Рублева (1984–86 гг.), Е.Л. Лычагиной (1998, 2012 гг.) и др. [3, с. 73].

Первые стационарные раскопки на стоянке были проведены Е.Л. Лычагиной в 2021 г. Раскоп располагался в центральной части памятника и охватывал очертания жилища № 1. Его общая площадь составила 96 м² [6]. В ходе этих работ были изучены остатки слабоуглубленной подпрямоугольной постройки, найдено 6817 артефактов, большая часть из которых была отнесена к гаринской энеолитической культуре.

Исследования 2022 г.

Раскоп 2022 г. охватывал очертания жилищной впадины № 2, соединенной с жилищем № 1 переходом. Общая площадь раскопа составила 108 м².

Очертания жилища фиксировались до начала раскопок в виде подпрямоугольной впадины, размером 8×6 м, глубиной до 0,5 м, ориентированной вдоль берега озера. Раскоп 8×13 м был наложен на эту впадину так, чтобы захватить межжилищное пространство. В соответствии с ориентировкой жилищной впадины, раскоп был ориентирован вдоль берега озера по линии СВ – ЮЗ.

Постройка имела подквадратные очертания 6×6 м, углублялась в материк на 0,5 м. Четко фиксировался переход из жилища № 1 и выход из постройки с противоположной стороны, вдоль берега озера. Такая форма жилищ является типичной для гаринской культуры [1].

К интересным находкам можно отнести скопление отдельностей хлоритового сланца и крупных кусков песчаника в пределах и за пределами постройки. И тот и другой материал были принесены на территорию стоянки намеренно. Хлоритовый сланец мог использоваться при изготовлении шлифованных орудий, а песчаник при изготовлении сооружений для получения меди.

Коллекция, собранная в результате исследований 2022 г., состоит из 7661 предмета. К ним относятся 1902 (24,8 %) фрагмента керамики (включая два необожжённых глиняных жгутика и развалы сосудов), изделий из камня – 5758 (75,2 %), один отход металлургического производства.

С металлургией связаны всплески металла, размером 25×21×10 мм. РФА-анализ показал, что данные всплески на 99,7 % состоят из меди. Их обнаружение, а также наличие сильно обожженных, изменивших цвет на черный фрагментов песчаника, скопление крупных кусков песчаника на территории памятника свидетельствует, что деятельность по получению меди происходила на памятнике или в непосредственной близости от него.

Керамика относится к двум комплексам – энеолитическому (основной) и неолитическому. По венчикам и крупным стенкам было выделено 25 сосудов, относящихся к энеолитическому комплексу. Цвет большинства фрагментов светло-коричневый, песочный, в изломе – серый. В формовочной массе визуальнo фиксируется примесь выгоревшей или выщелоченной органики (дробленая раковина), из-за чего керамика становится пористой и ломкой. Внутренняя поверхность большинства сосудов заглаживалась твердым предметом. Фиксация у некоторых сосудов параллельных бороздчатых следов позволяет предполагать, что обработка поверхности велась гребенчатым штампом.

Толщина стенок варьируется в пределах 3–9 мм, преобладает 5 мм. Форму венчика удалось изучить лишь на фрагментах 17 сосудов: скошенные внутрь (4 сосуда), Т-образные (2 сосуда), прямые (6 сосудов), округлые (5 сосудов). По торцу венчиков, как правило, идет ряд наклонных вправо (9 сосудов) или влево (4 сосуда) оттисков гребенчатого штампа. Под венчиком часто (6 сосудов) располагаются горизонтальные ряды наклонных вправо оттисков гребенчатого штампа. У двух сосудов под венчиком расположен горизонтальный ряд наклонных влево гребенчатых следов, выполненных, видимо, в технике прокатывания. Орнаментация на сосудах, представленных фрагментами крупных стенок также гребенчатая, выполненная в технике прокатывания орнамента (5 сосудов). Неолитическая керамика представлена единичными фрагментами.

Производство каменных орудий происходило непосредственно на территории стоянки. Об этом свидетельствует большой процент отходов производства 4932 экз. (85,7 %) от общего количества каменных предметов и находки отдельностей сырья 126 экз. (2,15 %)

Орудия представлены 696 предметами (12,15 %). Большинство изделий было изготовлено из галек, конкреций и отдельностей камня (в первую очередь это относится к макроформам, шлифованным орудиям).

Самая многочисленная категория орудий – скребки (118 экз.). Нами было выделено пять типов: концевые, боковые, угловые, двулезвийные и скребки с ретушью на 2/3 периметра (рис. 1).

Подобные типы скребков хорошо известны в неолите-энеолите региона. В частности, они встречены на стоянках Чашкинское Озеро IIIa [4] и Чашкинское Озеро IX [5], расположенных недалеко от стоянки Чашкинское Озеро II. К гаринской культуре мы можем отнести скребок на заготовке с бифасиальной обработкой и орудия с подтеской «брюшка», которые считаются типичными для данной культуры [1, с. 181–185].

Вторую по численности группу составляют наконечники – 62 экз. Целые формы представлены 32 экз., определимые обломки составляют 30 экз. (острие – 15 экз., основание –

12 экз., средняя часть – 3 экз.). Все изделия сделаны из уплощенных галек и оформлены бифасиальной ретушью. По форме преобладают листовидные (17 экз.) и пятиугольные (11 экз.) наконечники, но также присутствует иволистная (2 экз.) и ромбическая (1 экз.) форма орудий. Основание в большинстве случаев вогнутое (10 экз.) либо усеченное (9 экз.). Размеры целых орудий: длина – 19–61 мм, ширина – 8–19 мм, толщина – 3–10 мм (рис. 2).

Ножи – 7 экз. были изготовлены из кремня различных цветов (в том числе один из плитчатого кремня). Основой для их изготовления служили гальки – 3 экз., пластинчатые отщепы – 3 экз., плитки – 1 экз. При их создании использовалась бифасиальная обработка (4 экз.) и дорсальная ретушь (3 экз.). Размеры орудий: длина 21–76 мм, ширина 12–34 мм, толщина 3–8 мм. Возможно, к этой категории относится часть обломков орудий, а также отщепов и пластин с ретушью. Наибольший интерес вызывают 3 саблевидных ножа и нож-ложжарь (рис. 3, 1–5).

Резцы – 2 экз. – были изготовлены на пластине и ребристом сколе, оба угловые (рис. 3, 11). Скорее всего, эти орудия относятся к неолитическому комплексу.

Скобели (7 экз.) были изготовлены на пластинчатых отщепах (2 экз.), первичном сколе (1 экз.) и отщепах (4 экз.). У всех изделий были обработаны выемки, длиной 10–20 мм. Количество выемок – 1–3. Ретушь дорсальная (в основном крутая) – 6 экз., вентральная – 1 экз. Размеры орудий: длина 15–35 мм, ширина 13–24 мм, толщина 5–11 мм (рис. 3, 6–10).

К группе острий относятся свёрла и проколки.

Свёрла – 7 экз. Основным сырьем для их изготовления служил кремень серых цветовых оттенков – 6 экз., еще одно орудие было изготовлено из коричневого полупрозрачного халцедона. В качестве заготовок для свёрл использовались: отщепы – 2 экз., пластины – 2 экз., плитка – 1 экз., продольный скол – 1 экз., галька – 1 экз. В обработке преобладала двусторонняя (2 экз.) и противоположащая (2 экз.) ретушь. Лезвия свёрл на пластинах были обработаны дорсальной и вентральной ретушью, а на плитке – бифасиальной. Такое разнообразие в заготовках и формах вторичной обработки может быть связано как с неустойчивостью традиции изготовления свёрл, так и отнесением орудий к разным хронологическим комплексам. В частности, изделия на пластинах и плитке серого плитчатого кремня, скорее всего, относятся к неолиту.

Проколки – 9 экз. – изготавливались на отщепах (4 экз.), сургучных и серой гальках (3 экз.), ребристой пластине (1 экз.), первичном сколе (1 экз.). Изделия на гальках имели бифасиальную обработку, на остальных проколках фиксировалась дорсальная ретушь.

Отщепы с ретушью – 40 экз. (в том числе 7 пластинчатых отщепов и 3 первичных) – в основном из кремня (рис. 4, 13). Превалирует дорсальная ретушь – 33 экз., вентральная встречена в 6 случаях, противоположащая – в одном. По форме преобладает мелкая приостряющаяся – 29 экз., также встречается полукрутая – 3 экз. и плоская – 3 экз. В остальных случаях речь идет об эпизодической ретуши. Мы полагаем, что дальнейший анализ этой категории предметов (в том числе трасологический) позволит уточнить функцию большинства изделий, попавших в эту группу (возможно, часть из них является ножами).

Пластины с ретушью – 13 экз. – изготавливались из кремня разных цветовых оттенков, представлены целыми изделиями (2 экз.), проксимальными (7 экз.), медиальными (3 экз.), дистальными (1 экз.) фрагментами, ширина – 6–20 мм, толщина – 2–4 мм. На большинстве изделий (10 экз.) отмечена мелкая дорсальная ретушь или ретушь утилизации. Возможно, они использовались в качестве ножей. Единично представлены орудия с полукрутой и выемчатой дорсальной ретушью, а также мелкой вентральной (рис. 3, 14).

Долотовидные орудия – 5 экз., все изготовлены из кремня серого цвета. В качестве заготовки использовались отщепы (4 экз.) и скол с гальки (1 экз.). Рабочая поверхность обрабатывалась с помощью чешуйчатой подтески или дорсальной ретуши. На ней фиксировались следы ударов (рис. 13, 12). Размеры орудий: 17–34 × 14–23 × 5–9 мм.

Как и на большинстве других памятников гаринской культуры, на стоянке Чашкинской Озеро II большой и разнообразной группой представлены изделия из не кремнёвых пород.

Значительную группу составляют оселки и их фрагменты – 41 экз. Они изготавливались из коричневого, серого и серо-коричневого песчаника и представляли собой плитки подпрямоугольной формы, толщиной 7–25 мм. На ряде поверхностей фиксируются следы заглаживания и потертостей, а также линейные царапины, образовавшиеся в процессе работы.

К грузилам (37 экз.) были отнесены гальки (преимущественно кварцитопесчаниковые) коричневого и серого цветов с выбитыми выемками на продольных сторонах изделий.

В качестве отбойников (29 экз.) применялись кварцитопесчаниковые гальки вытянутой формы серого и коричневого цветов, у которых фиксируются характерные забитости на одном или нескольких краях (рис. 4, 1–3).

Молот с перехватом был изготовлен на гальке из кварцитопесчаника, в средней части была выдолблена специальная выемка – перехват, один из концов был сильно забит (рис. 4, 4). Размеры изделия: 77×61×43 мм. Молоты с перехватом являются типичными орудиями для памятников гаринской культуры и могли служить для растирания руды [7, с. 69–71]. Похожие изделия были найдены на памятнике в 1977 г. [9] и на ближайших памятниках гаринской культуры – Чашкинское Озеро IIIa [4], Чашкинское Озеро IX [5]. Необходимо только отметить, что размеры молота, найденного в 2022 г., меньше стандартных.

Одну из наиболее крупных и интересных категорий орудий составляют шлифованные изделия и их фрагменты – 43 экз. Из них большинство изготовлено из хлоритового сланца – 23 экз. Помимо этого, есть орудия из бежевого и серого сланца (6 экз.), серого и коричневого долерита (5 экз.), серого габбро (3 экз.), серого и хлоритового серпентинита (4 экз.), серого песчаника (1 экз.) и серого алеврита (1 экз.).

К шлифованным изделиям, функцию которых можно определить с высокой степенью достоверности, относится 12 экз. Отдельные группы составляют тёсла – 4 экз., и стамески – 4 экз., единичными орудиями представлены – топор, наконечник стрелы, нож и желобчатое долото.

Тёсла представлены одним целым орудием, двумя заготовками и одним фрагментом лезвия. Вошедшие в данную группу орудия достаточно разнообразны – они изготовлены из разных материалов и имеют разную форму. При этом их метрические показатели близки друг другу и вертикальный профиль имеет линзовидную форму, что и позволяет объединять их в одну группу.

В отличие от тёсел, стамески составляют достаточно однообразную группу. Все они изготовлены из хлоритового сланца, имеют прямоугольную (2 экз.) или трапециевидную (2 экз.) форму, тщательно обработанное, дуговидное лезвие. Их размеры: 24–28 × 15–20 × 3–4 мм.

К единичным формам орудий относится топор из хлоритового сланца. Он имеет трапециевидную форму, симметричный профиль, лезвие частично сломано. Его размеры: 142 × 69 × 16 мм.

В одном экземпляре представлен шлифованный наконечник стрелы, изготовленный из хлоритового сланца. Наконечник трехгранный, тщательно отшлифованный. Его размеры: 40 × 11 × 7 мм.

Нож был изготовлен на трапециевидной заготовке из хлоритового серпентинита и тщательно отшлифован. Его размеры: 37 × 23 × 3 мм.

Самым интересным орудием является желобчатое тесло, изготовленное из серого песчаника. Орудие имеет пятигранный профиль в обушковой части, что характерно для изделий русско-карельского типа. Лезвие и желобок тщательно (до блеска) отшлифованы. Его размеры: 52 × 18 × 14 мм.

Как и в 2021 г., отдельную категорию находок составили подвески и нашивки из серпентинита, а также их фрагменты – 9 экз. Все предметы выполнены из серпентинитового сланца. Некоторые из украшений представлены фрагментарно. Размер предметов варьируется в диапазоне от 13 до 27 мм, с толщиной 2–3 мм. Все экземпляры имеют одно отверстие, выполненное с одной стороны. На стоянке Чашкинское озеро II обнаружена самая представительная коллекция каменных украшений среди памятников Прикамья, на других поселен-

ческих комплексах подвески и нашивки являются единичными находками [8, с. 41–49]. Подобные изделия описаны также на территории Среднего Зауралья и Западной Сибири (основной материал – пиррофиллитовый сланец, наиболее распространенная форма – каплевидная) [10, с. 131–132] и в Среднем Поволжье (сланцевые и серпентинитовые украшения, форма – круглая, каплевидная) [2, с. 76–88].

Заключение

Подводя итоги исследования памятника в 2022 г., можно отметить следующее: подквадратные и подпрямоугольные углубленные жилища с переходами являются типичными для гаринской культуры. Выявленные в ходе раскопок скопления специально принесенного сланца и песчаника нуждаются в дополнительных исследованиях. Пористая керамика, орнаментированная гребенчатым штампом, также является типичной для гаринской культуры.

Основным сырьем для изготовления орудий служила плоская кремневая галька сургучного цвета. Во вторичной обработке преобладало бифасиальное утоньшение заготовок. Такие заготовки использовались для изготовления наконечников стрел, ножей и др. форм орудий. Бифасиальная обработка почти не применялась только при создании скребков. Пластины для изготовления орудий практически не использовались. На отщепах, в основном, делались скребки.

Среди орудий из не кремневых пород ведущую роль играют шлифованные тесла и стамески, оселки, отбойники, грузила. К украшениям относятся шлифованные подвески и нашивки из серпентинита. Подобная индустрия является характерной для гаринской энеолитической культуры [7, с. 69–71].

Список источников и литературы

1. Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. – М.: Наука, 1961. – № 99. – 200 с.
2. Голубева Е.Н., Чижевский А.А. Сланцевые подвески из энеолитических погребений Мурзихинского II могильника: морфолого-функциональный анализ (предварительные данные) // Археология евразийских степей. – Казань, 2020. – № 5. – С. 76–88.
3. Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белавин А.М., Скорнякова С.В. Археологические памятники Чашкинского озера. – Пермь: Изд-во ПГГПУ. – 2014. – 565 с.
4. Лычагина Е.Л. Отчёт о раскопках стоянки Чашкинское Озеро Ша в окрестностях г. Березники Пермского края в 2013 году. – Пермь, 2014 // Архив МАЭ ПГГПУ.
5. Лычагина Е.Л. Отчёт о раскопках стоянки Чашкинское Озеро IX в городском округе г. Березники Пермского края в 2019 году. Пермь, 2020 // Архив МАЭ ПГГПУ.
6. Лычагина Е.Л. Отчет о раскопках стоянки Чашкинское Озеро II в муниципальном образовании г. Березники Пермского края в 2021 году по открытому листу 0465–2021. – Пермь, 2022 // Архив МАЭ ПГГПУ.
7. Лычагина Е.Л. Каменный инвентарь памятников гаринской культуры бассейна Верхней Камы (Чашкинский микрорегион) // XXII Уральское археологическое совещание. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Тамилы Михайловны. – Курган: КГУ, 2022. – С. 69–71.
8. Лычагина Е.Л., Смертина А.Ю. Каменные украшения с памятника гаринской культуры Чашкинское озеро II // Уфимский археологический вестник. – Уфа, 2022. – С. 41–49.
9. Мельничук А.Ф. Отчет о разведке в пригородной зоне г. Березники Пермской области, произведенной Березниковским отрядом КАЭ ПГУ в июле-августе 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1 № 7316.
10. Сериков Ю.Б. Очерки по первобытному искусству Урала. – Нижний Тагил: Изд-во НГСПА, 2014. – 268 с.

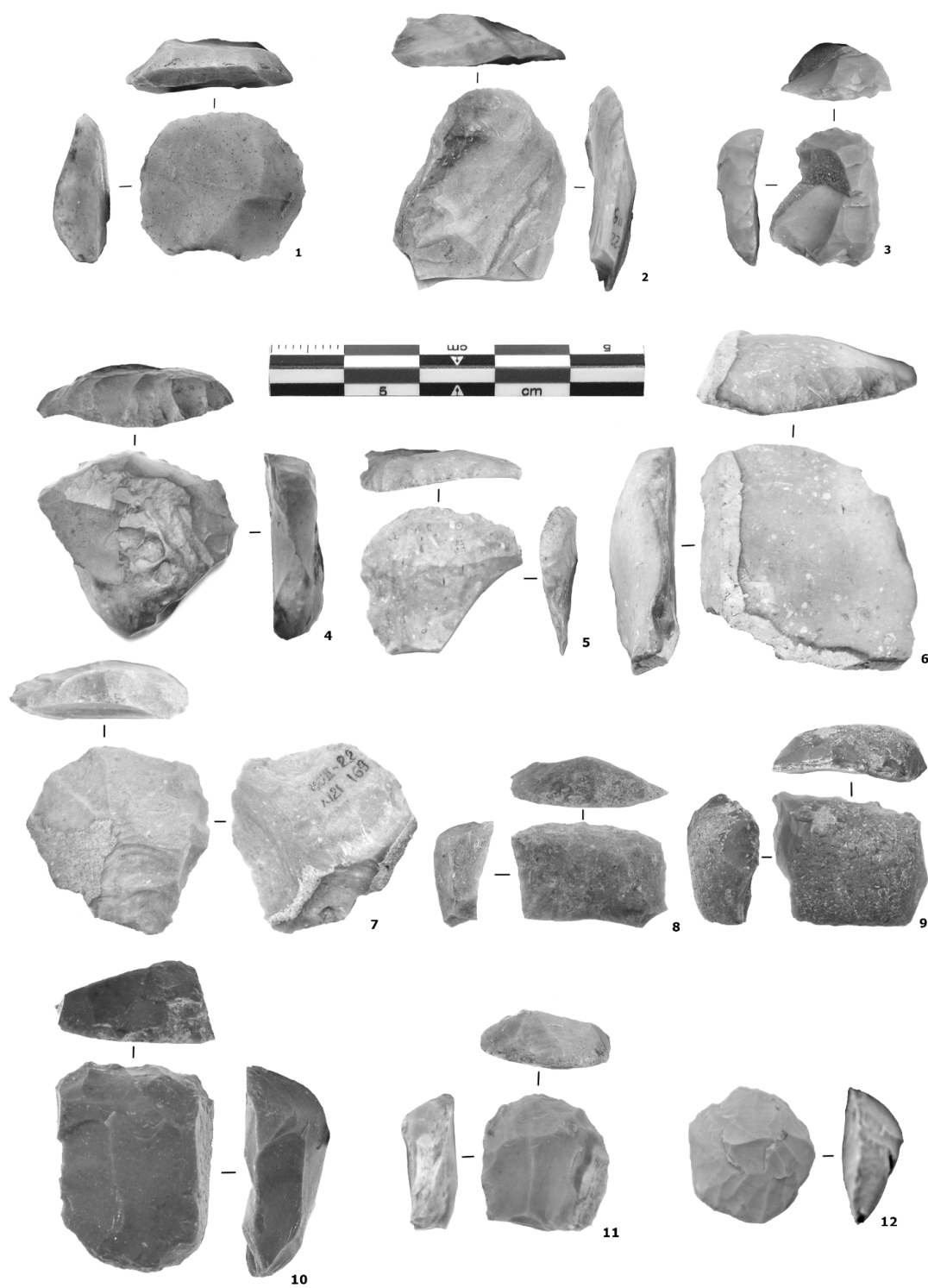

Рис. 1. Скребки

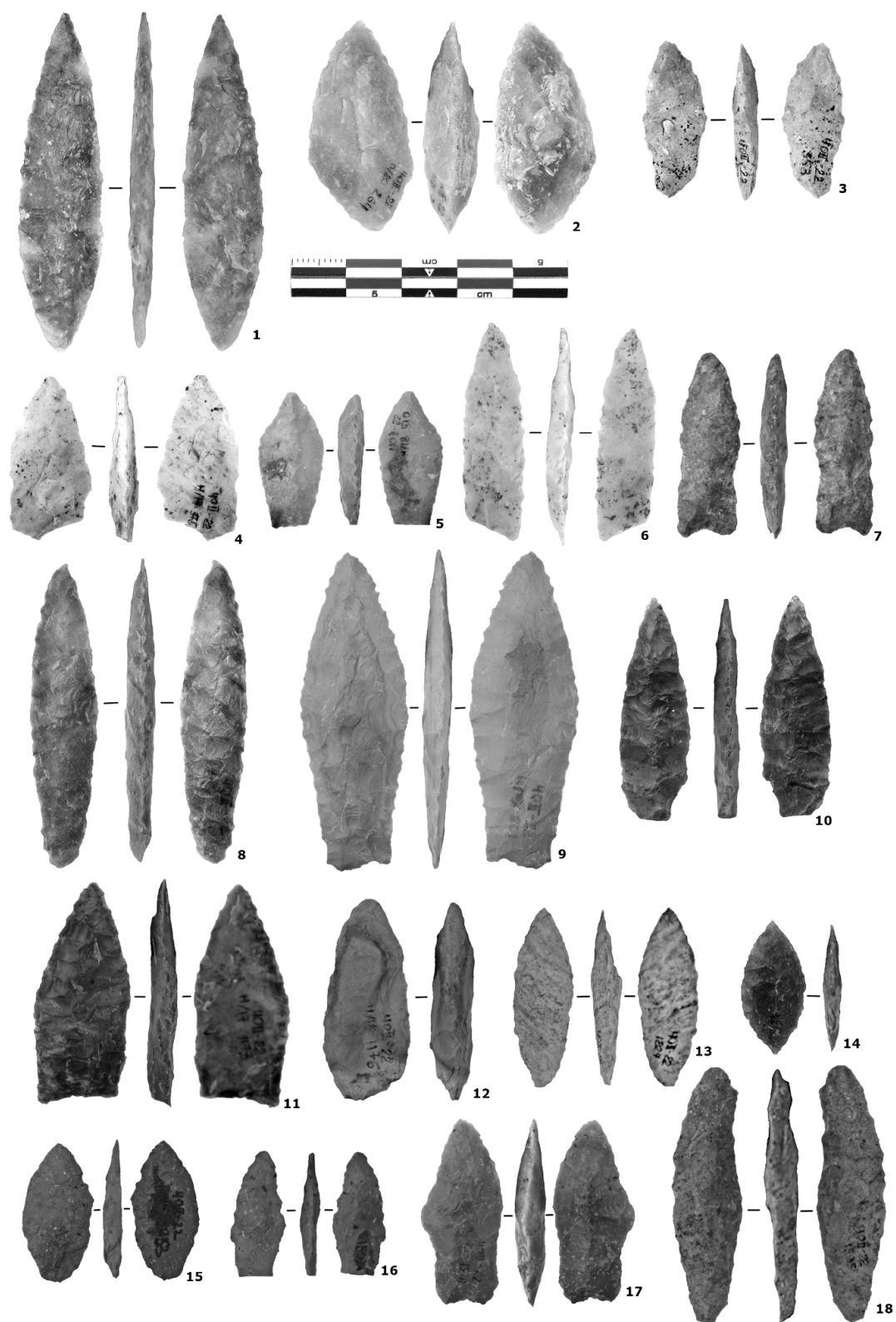

Рис. 2. Наконечники стрел

Рис. 3. Орудия труда: 1–5 – ножи; 6–10 – скобели; 11 – резец; 12 – долотовидное орудие; 13 – пластинчатый отщеп с ретушью; 14 – пластина с ретушью

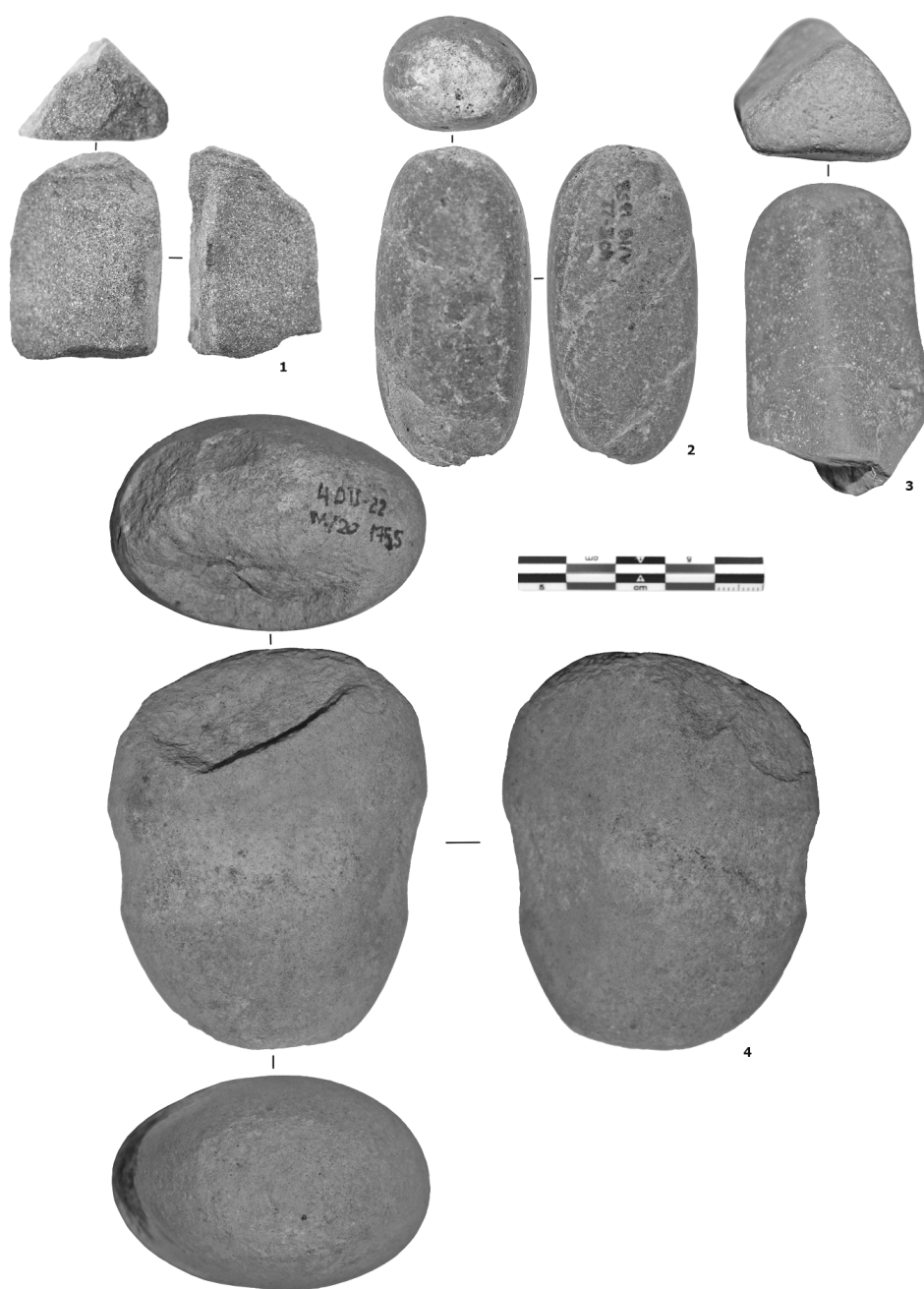

Рис. 4. Массивные орудия: 1–3 – отбойники; 4 – молот с перехватом

УДК 902.2

DOI: 10.24412/2658-7637-2023-22-108-114

Брюхова Наталья Геннадьевна

научный сотрудник отдела истории, археологии и этнографии
*Институт гуманитарных исследований Уральского отделения РАН – филиал
Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН,
Пермь, Российская Федерация, e-mail: nat-bryukhova@yandex.ru*

**ПЛОТНИКОВСКИЙ МОГИЛЬНИК – ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ
О РОДАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ*****Natalya G. Bryukhova**

research associate Department of History, Archaeology and Ethnography
*Institute of Humanitarian Studies UB RAS – branch of the Perm Federal Research Center
of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences,
Perm, Russian Federation, e-mail: nat-bryukhova@yandex.ru*

**PLOTNIKOVSKY BURIAL GROUND – SOURCE OF INFORMATION
ABOUT RODANOVSKAYA CULTURE**

Анализируются исследования Плотниковского могильника. В 2017 г. вышла монография, обобщающая результаты многолетних исследований памятника. В задачи данной статьи входит краткое изложение новых данных, полученных при раскопках 2018–2021 гг. За последний период исследователями обнаружена восточная граница могильника, найдены и изучены неразрушенные погребения взрослых индивидов, введены в научный оборот новые категории вещей и описаны технологии изготовления некоторых предметов. Полученные данные помогают расширить представления археологов о родановской культуре в Пермском Предуралье.

Ключевые слова: Пермское Предуралье, родановская культура, могильник, погребение.

The article talks about the research of the Plotnikovsky burial ground. In 2017, a monograph was published summarizing the results of many years of research on the burial ground. The objectives of this article include a summary of new data obtained during excavations in 2018–2021. Recently, researchers have discovered the eastern border of the burial ground, undestroyed burials of adult individuals have been found and studied, new categories of things have been introduced into scientific circulation, and manufacturing technologies for some objects have been described. The data obtained help to expand the understanding of archaeologists about the Rodanovskaya culture in the Perm Cis-Urals.

Keywords: Perm Ural region, rodanovskaya culture, burial ground, grave.

Введение

Родановская культура на территории Пермского Предуралья является наследницей ломоватовской культуры. Этот факт признается всеми исследователями. Дискуссионными остаются вопросы, связанные с хронологией обеих культур. Хронология перехода между ломоватовским и родановским периодами в современной литературе переосмысливается [1].

Время существования Плотниковского могильника относится исследователями к концу XII – началу XV в. н.э. Принадлежность памятника к родановской культуре не вызывает

сомнений. Это единственный могильник данного периода, который исследуется на данный момент.

Изучение погребальных памятников этого времени связано с определенными трудностями. Большинство могильников известно с XIX в., а то и ранее. Многие площадки некрополей распахивались, разрушал памятники и интерес к кладоискательству. По архивным данным известно о частных коллекциях, содержащих средневековые древности [2, с. 258].

Плотниковский могильник тоже пережил неоднократное вмешательство грабителей. Большинство погребений некрополя носят следы разрушений. Кости и вещи в могилах перемешаны, их порядок нарушен. Несмотря на это, исследования памятника дают возможность получить исключительную информацию о материальной и духовной культуре родановского общества, составе населения и особенностях его адаптации к окружающей среде и о преемственности культур средневекового Пермского Предуралья.

Стационарные раскопки на памятнике проводились в 1989, 2007, 2009 гг. под руководством Н.Б. Крыласовой, в 2010–2021 гг. под руководством Н.Г. Брюховой.

Результаты многолетних исследований отражены в монографии, которая обобщила материалы и подвела итоги 11 лет полевых работ с 1989 по 2017 гг. В книге приведены дневники раскопок, систематизирована материальная культура, описан погребальный обряд, датированы погребальные комплексы с применением методов абсолютного и относительного датирования, проанализирован антропологический материал. Дополнительно включены статьи по мезолитическим находкам, керамическому комплексу, РФА-анализу изделий из цветного и драгоценного металла и этнографическому исследованию народных знаний о древнем могильнике близ д. Плотниковой [3].

После издания монографии работы на могильнике проводились ежегодно до 2021 г. В задачи данной статьи входит краткое изложение новых данных, полученных при раскопках 2018–2021 гг.

Основные результаты исследований 2018–2021 гг.

Определение границ могильника

Одной из задач ежегодных исследований памятника является определение его границ. В 2019 г. в восточной части могильника был разбит раскоп XV площадью 108 м² (рис. 1). Он примыкал к восточной стенке раскопа 2018 г. и частично к северной стенке раскопа 2009 г. В ходе работ было выявлено всего три погребения (№ 159–161). Все погребения располагались в СЗ части раскопа, самым восточным было погребение № 161, находящееся на уч. И/144. На линиях 145–146 погребений выявлено не было (см. рис. 1). Сходная картина наблюдалась в ходе раскопок 2009 г., где самое восточное погребение фиксировалось на уч. П-Р/143 [3, с. 28–29]. Таким образом, мы предполагаем, что в ходе раскопок 2019 г. была выявлена восточная граница памятника. Это подтверждают и раскопки 2020–2021 гг., проведенные в северо-восточной части могильника.

Изучение неразрушенных погребений взрослых индивидов

Во введении уже говорилось о том, что могильник неоднократно подвергался разграблению начиная с XVI–XVII вв. [4]. Поэтому вплоть до 2018 г. не было обнаружено ни одного погребения взрослого индивида, не разрушенного грабителями. В некоторых ямах сохранялись непо потревоженные участки, чаще всего в южной половине могилы, где у покойного располагались ноги, и не содержалось большого количества артефактов, которые могли бы привлечь черных копателей. Также было обнаружено несколько детских погребений, которые грабители, видимо, не заметили вследствие небольших размеров и отсутствия крупных металлических предметов, которые можно было бы обнаружить при использовании металлоискателя [3, с. 33].

Тем удивительнее было то, что в 2018 г. в раскопе XIV было обнаружено сразу два целых погребения № 154 (мужское) и № 157 (женское).

Погребение № 154 имело прямоугольную форму, размером 2,55×1,1 м (рис. 2). В погребении были обнаружены кости взрослого индивида в анатомическом порядке. Череп слегка завалился на правую сторону, лицевым отделом на ЮВ. Позвоночник в грудном отделе слегка изогнут в западную сторону. Длинные кости рук параллельны друг другу и условной оси погребения. Кости обеих кистей расположены с латеральных сторон от обеих бедренных. Грудная клетка не раскрылась, рёбра лежат на боковых поверхностях. Таз раскрылся. Длинные кости ног параллельны друг другу и условной оси погребения. Кости стоп развернуты проксимальным отделом на восток, пяточные бугры развернуты на запад. Судя по положению костей, покойный был уложен на спину, головой на С–СЗ.

Погребение сопровождалось богатым погребальным инвентарем, в которое входили орудия труда (наструг, топор, нож, кресало с кресальными кремнями, оселок и др.), украшения в виде прорезных лапок из свинцово-оловянистого сплава, на пальце правой руки находился серебряный щитковый перстень болгарского типа, около костей левой голени располагался бронзовый котел (см. рис. 2).

Погребение № 157 также имело прямоугольную форму, размером 2,20×0,75 м. В погребении были обнаружены кости одного индивида. Большинство костей лежало в анатомическом порядке. Череп стоит на основании, нижняя челюсть слегка выдвинута вперед, вестибулярным отделом направлена вверх. Условная ось позвоночника вытянута вдоль условной оси погребения. Таз раскрыт. Кости правой кисти лежат на правой тазовой кости. Кости левой кисти лежат западнее верхней части бедренной кости. Условные оси длинных костей ног параллельны друг другу и условной оси погребения. Короткие кости левой ступни направлены дистальными концами на север, условные оси параллельны условной оси погребения. Судя по положению костей, покойный был уложен на спину, головой на север. В погребении были обнаружены два серебряных перстня, глиняное пряслице, керамический сосуд и др. [5].

Таким образом, исследование сохранившихся с древности могил позволило определить расположение погребального инвентаря и реконструировать положение тела при захоронении. Новые данные подтвердили наши предшествующие реконструкции.

Обнаружение новых категорий вещей

Несмотря на то, что могильник подвергался неоднократному разрушению грабителями, коллекция вещей, обнаруженных на нем, богата и разнообразна. Ее подробное описание дано в монографии [3, с. 115–169]. Однако в последующие за изданием монографии годы на могильнике были обнаружены некоторые категории вещей, ранее на памятнике не встречавшиеся.

К ним относятся 3 костяные копоушки, найденные в ходе раскопок 2020–2021 гг. Все предметы сделаны из костной пластинки, имеют треугольное или трапециевидное завершение и отверстие для привешивания (рис. 3, 1–3). Они могут быть отнесены к «прикамскому» типу изделий по классификации С.В. Салангиной и датироваться XIII–XIV вв. [6, с. 21].

В ходе раскопок 2020 г., в погребениях № 170 и 175, были обнаружены 3 крупные эллипсоидные бусины. Все бусины изготовлены из свинцово-оловянистого сплава и относятся к одному виду. Это эллипсоидные рифленые бусины с хорошо заметными остатками литейных швов в центре, украшенные псевдозернью, размером 2,8×1,2 см (рис. 3, 4–6).

Еще одна новая категория предметов была обнаружена только в ходе раскопок 2021 г. Это гробовые кованые гвозди с шляпкой в виде закругленного крючка (14 шт.). Все предметы связаны с погребением № 180.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что несмотря на то, что памятник планомерно изучается уже более 15 лет, каждое новое исследование может принести новые открытия, в том числе и в области обнаружения новых типов предметов материальной культуры.

Комплексные исследования материалов могильника

Раскопки Плотниковского могильника дают материалы для комплексных исследований отдельных категорий находок и антропологического материала.

В частности, объектом комплексного (типологического, технологического, металлографического и др.) анализа стали найденные на памятнике оригинальные предметы железной поясной гарнитуры. Автором данной статьи совместно с Ю.А. Подосёновой опубликованы статьи по технике изготовления бусинных височных украшений и серебряных щитковосерединных пластинчатых перстней из материалов могильника [7; 8].

На антропологическом материале некрополя рассмотрены показатели уровня здоровья средневекового населения в XIII–XV вв. н.э. [9].

Все это свидетельствует, что результаты раскопок Плотниковского могильника могут служить материалами для последующих специальных исследований еще в течение долгого времени.

Заключение

Изучение Плотниковского могильника раскопками идет уже 15 лет. За годы исследований общая вскрытая площадь составила 1620 м², количество изученных погребений достигло 189.

Раскопки могильника обогащают исследователей новыми данными и новой информацией не только с каждым новым раскопом, но и с каждым изученным погребением. За последние четыре года исследований могильника удалось определить его восточную границу, найти непогребенные погребения взрослых индивидов, обнаружить новые категории предметов материальной культуры, провести комплексное исследование некоторых материалов могильника.

К сожалению, объекты археологического наследия испытывают на себе влияние множества разрушающих факторов. А такой важный этап в истории Пермского Предуралья, как период существования родановской культуры, требует подробного изучения, но имеет мало объектов для исследования – отсюда повышенный интерес к материалам Плотниковского могильника.

Список источников и литературы

1. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. – № 1 (32). – С. 28–41.
2. *Брюхова Н.Г., Смертин А.Р.* Историографический обзор и описание могильников родановской культуры Пермского Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Пермь, 2018. – Вып. XIV. – С. 250–266.
3. *Крыласова Н.Б., Брюхова Н.Г.* Плотниковский могильник // Свод археологических источников. – Пермь: ПГГПУ, 2017. – Выпуск IV. – 222 с.
4. *Брюхова Н.Г.* История существования Плотниковского могильника (Среднее Предуралье, Пермский Край) // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2015. – № 6 (361). – С. 35–38.
5. *Брюхова Н.Г.* Отчет о раскопках Плотниковского могильника в Кудымкарском районе Пермского края в 2018 г. – Пермь, 2019 // Архив МАЭ ПГГПУ.
6. *Салангина С.В.* Копоушки как исторический источник (по материалам археологических памятников Восточной Европы): автореф. дис. ... канд. ист. наук: специальность – 07.00.06 – Археология. – Ижевск: Типография Удмуртского государственного университета, 2004. – 24 с.
7. *Подосенова Ю.А., Брюхова Н.Г.* Бусинные височные украшения из Плотниковского могильника родановской археологической культуры: техника изготовления // II Всероссийская научно-практическая конференция «Камский торговый путь», 2018. – С. 86–93.
8. *Подосёнова Ю.А., Брюхова Н.Г.* Новые находки серебряных щитковосерединных пластинчатых перстней в материалах Плотниковского могильника родановской археологической культуры: технология изготовления // V Северный археологический конгресс: тезисы

докл.11–14 декабря 2019 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург: Универсальная типография «Альфа-Принт», 2019. – С. 270–272.

9. Брюхова Н.Г. Показатели уровня здоровья средневекового населения в XIII–XV вв. н.э. (на антропологическом материале Плотниковского могильника) // I Кривощёвские историко-архивные чтения: сборник материалов научной конференции. – Кудымкар, 2019. – С. 151–157.

Плотниковский могильник. 2019 год.
План раскопа XV. Фиксация погребений.

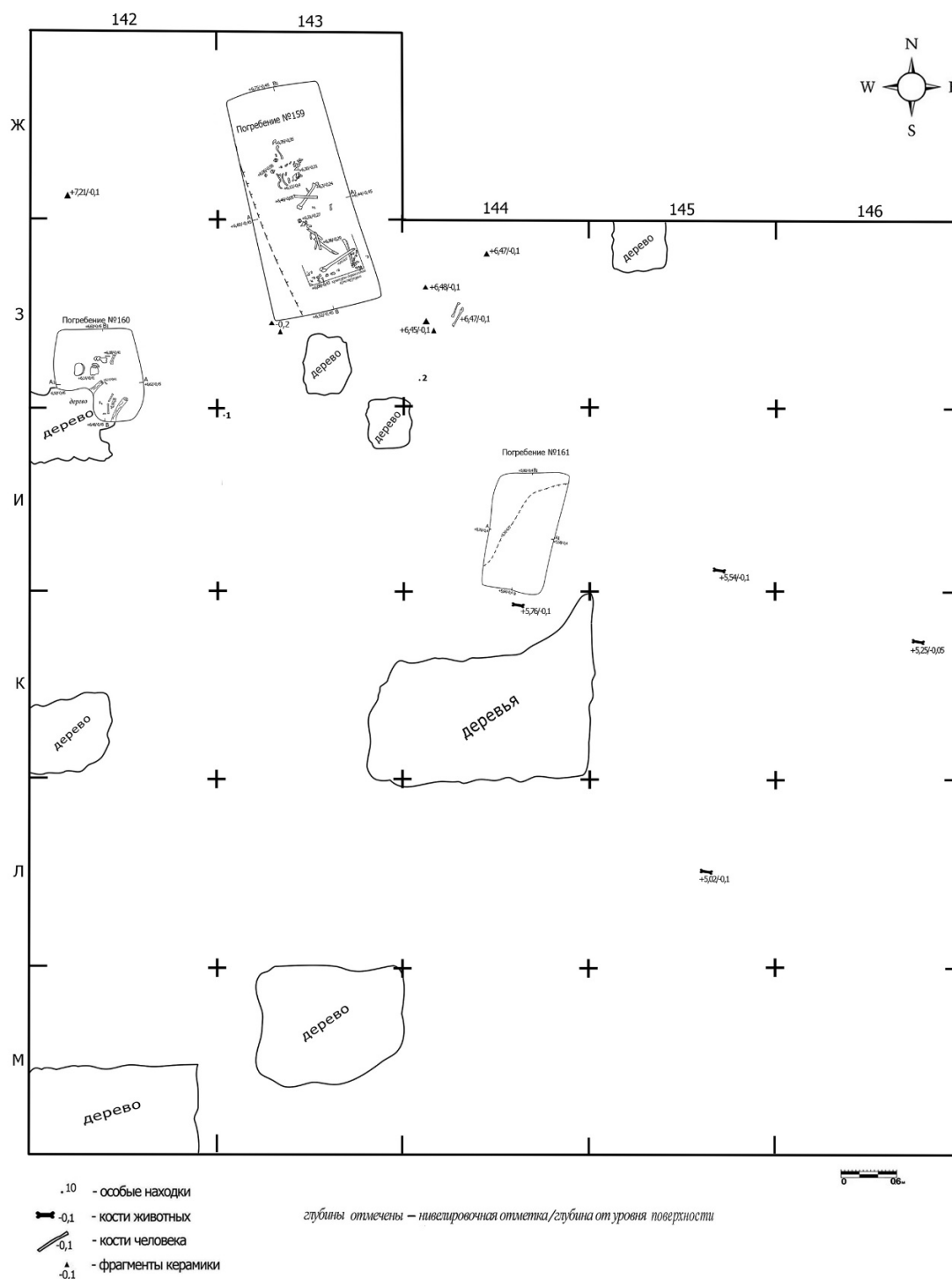

Рис. 1. План раскопа XV Плотниковского могильника. Раскопки 2019 г.

Плотниковский могильник 2018 год.
Раскоп ХТЩ. Уч. №-К/139-140
Погребение № 154

Рис. 2. Погребение № 154, план, фото и прорисовки находок

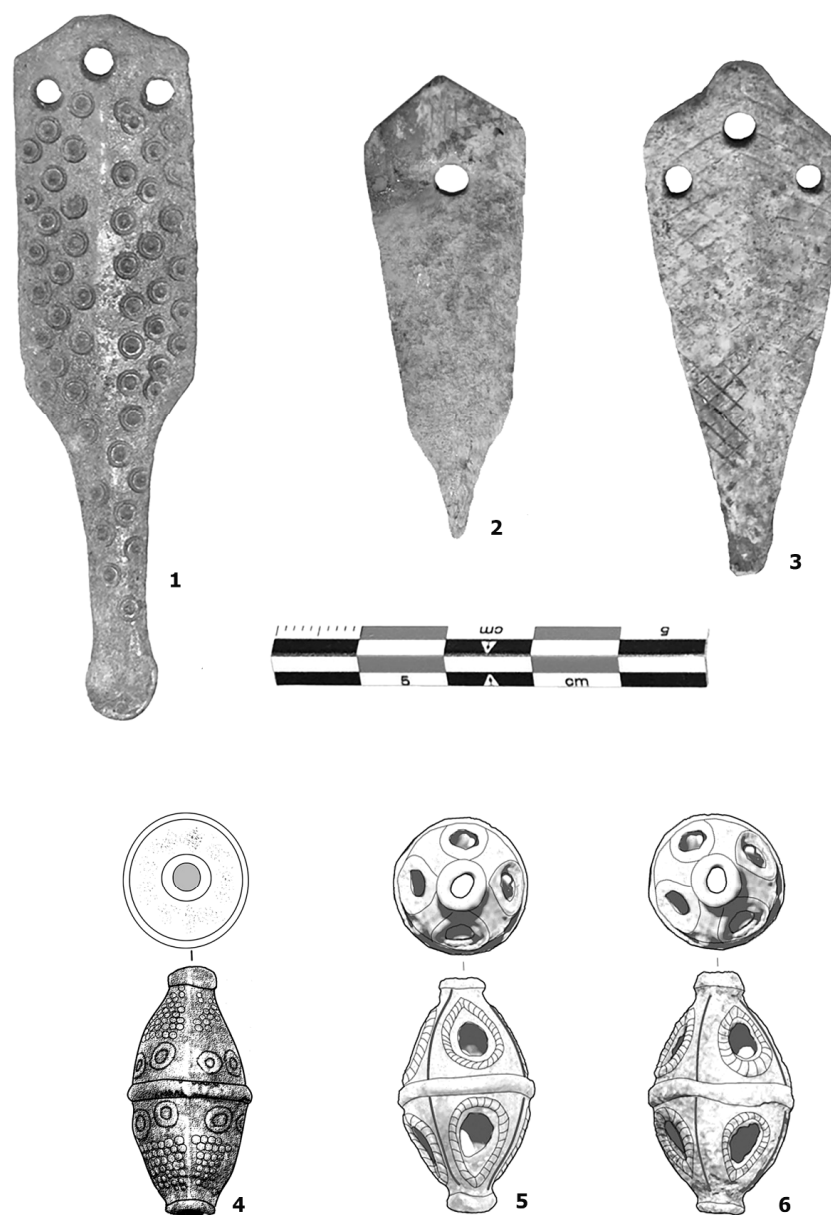

Рис. 3. Предметы материальной культуры Плотниковского могильника:
1–3 – копоушки; 4–6 – бусины

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Белавин А.М.</i> РЕКИ КАК ТРАНСПОРТНАЯ ОСНОВА КАМСКОГО ТОРГОВОГО ПУТИ.....	3
<i>Воронцов М.В.</i> ОДНОСТОРОННИЕ ПОДРАЖАНИЯ САСАНИДСКИМ ДРАХМАМ ИЗ РАСКОПОК МИТИНСКОГО МОГИЛЬНИКА В ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ.....	15
<i>Иванов В.А.</i> «МАСТЕР-КЛАСС» НА ТЕМУ: КАК НЕ НАДО ПИСАТЬ ЭТНОКУЛЬТУРНУЮ ИСТОРИЮ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА.....	22
<i>Обыденнова Г.Т., Проценко А.С., Русланов Е.В., Русланова Р.Р.</i> БАШКИРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ – ФЕНОМЕН РАЗВИТИЯ МОЛОДОЙ АРХЕОЛОГИИ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ	34
<i>Руденко К.А.</i> НАХОДКИ СТРЕМЯН НА БУЛГАРСКИХ СЕЛИЩАХ X–XIV ВВ. В НИЗОВЬЯХ КАМЫ.....	41
СБОРНИК В СБОРНИКЕ «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЛЕВЫЕ РАБОТЫ В ПЕРМСКОМ КРАЕ 2021–2022».....	73
<i>Смертин П.Р., Смертин А.Р.</i> АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ ПО ЛЕВОМУ БЕРЕГУ РЕКИ ЧУСОВОЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУСОВСКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА В 2021–2022 ГГ.	75
<i>Чуйкина Е.В., Батуева Н.С.</i> ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГРАНИЦ ТЕРРИТОРИЙ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ПЕРМСКОГО КРАЯ В 2022 Г.	89
<i>Демаков Д.А.</i> ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КОСА I В КОСИНСКОМ МУНИЦИПАЛЬНОМ ОКРУГЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ.....	95
<i>Лычагина Е.Л., Можяева А.А., Жижин С.П.</i> АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ ЧАШКИНСКОЕ ОЗЕРО II В 2022 Г.	98
<i>Брюхова Н.Г.</i> ПЛОТНИКОВСКИЙ МОГИЛЬНИК – ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О РОДАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ.....	108

Научное издание

ТРУДЫ КАМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ
Выпуск XXII

*На обложке – Подвеска с «мотивом сокольников». Рождественское городище.
Серебро, позолота, зерно-филигранный декор, вставка – синее стекло*

Договор размещения издания в НЭБ eLibrary 697–11/2013. Издание включено в РИНЦ

Р е д к о л л е г и я :

Белавин Андрей Михайлович

(гл. редактор)

Батуева Надежда Сергеевна (редактор отв. за выпуск)

Крыласова Наталья Борисовна

Сарапулов Алексей Николаевич

Подосенова Юлия Александровна

Издается в авторской редакции.

Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений,
цитирования и использованных иллюстративных материалов.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию», книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Подписано в печать 27.05.2023. Формат 60×90 1/8
Бумага ВХИ. Печать на ризографе. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 14,5. Тираж 100 экз. Заказ № 114/2023.

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь ГСП, ул. Сибирская, 24, корп. 2, оф. 71,
тел. (342) 215-18-52, факс (342) 215-18-52 (доб. 332)

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Книжный формат».
Адрес: 614000, г. Пермь, ул. Пушкина, 80